

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ
НА АВТОХТОННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ**

Коллективная монография

**МОСКВА
2024**

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Рецензенты:

Валуицева И.И. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры Теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения (ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»)

Гусейнова И.А. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Шериукова О.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков ФГБОУ ВО «Дипломатическая Академия МИД России»

Ответственные редакторы:

Опарина Е.О. – кандидат филологических наук

Раренко М.Б. – кандидат филологических наук

Е 86 **Естественные языки на автохтонных территориях и за их пределами** : коллективная монография / ИНИОН РАН, отд. языкознания ; отв. ред. Е.О. Опарина, М.Б. Раренко – Москва, 2024. – 223 с.

ISBN 978-5-248-01105-6

Рассматриваются социокультурные аспекты вербальной коммуникации преимущественно в странах современной Европы, статус основных языков, проблемы выживания миноритарных языков в условиях глобализации. Исследуются ситуации функционирования языков за пределами автохтонных территорий.

Для лингвистов различных специальностей, преподавателей, аспирантов и студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Е.О. Опарина, М.Б. Раренко)	5
Глава I. Языковая ситуация в первые десятилетия XXI в. (Е.О. Опарина, М.Б. Раренко)	9
Глава II. Английский язык в российском социуме и российском сегменте Интернета: наблюдения первой четверти XXI в. (А.Б. Бушев).....	32
Глава III. Мультикультурный мегаполис современности (Е.А. Казак)	63
Глава IV. Китайский язык как один из коммуникативно мощных языков XXI в.: тенденции и перспективы лексического состава путунхуа (Е.А. Красикова).....	71
Глава V. Французский язык на территории Северной Америки: исторический, социокультурный и функциональный аспекты (Е.О. Опарина).....	90
Глава VI. Новокаледонский вариант французского языка: предпосылки возникновения и исследовательские перспективы (С.С. Галактионов)	112
Глава VII. Немецкий язык в языковом капитале Намибии (Э.Б. Яковлева)	129
Глава VIII. Англицизмы и псевдоанглицизмы в итальянском языке в XXI в. (А.И. Назаренко)	138

Глава IX. Испанский язык в Мексике (В.М. Шахназарян).....	155
Глава X. Португальский язык в Латинской Америке (Р.И. Проклов).....	173
Глава XI. Венгерский язык в Венгрии и за ее пределами (И.Е. Коптелова)	192
Заключение	219
Сведения об авторах	221

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей коллективной монографии было проанализировать сложившуюся языковую ситуацию в мире в первой четверти XXI в. Происходившие на протяжении XX в., особенно во второй его половине, драматичные события, затронувшие разные сферы жизни общества, – политические, экономическое, социальные, культурные, привели к усилившимся миграционным процессам, последствия которых мы наблюдаем и сегодня. Вместе с носителями миграции подвергались естественные языки, которые покидали свои автохтонные территории и вследствие этого подвергались воздействию других языков, одновременно оказывая на них влияние.

Некогда коммуникативно мощные языки, из европейских это в первую очередь французский и немецкий, постепенно утрачивали былое значение в разных коммуникативных сферах, в то время как другие, например китайский, напротив, повышали свой статус в немалой степени благодаря упрочению позиций страны в мире.

В монографии рассматриваются судьбы естественных языков, преимущественно европейских, как на исконных территориях, так и за их пределами.

Монографию открывает глава «Языковая ситуация в первые десятилетия XXI в.» (Е.О. Опарина, М.Б. Раренко), в которой обосновывается подход к описанию языковой ситуации в современном мире, очерчен круг вопросов, которые, как мы полагаем, должен быть освещен в первую очередь в связи с заявленной проблематикой, а также описывается объем терминов, которыми мы будем оперировать.

В главе «Английский язык в российском социуме и российском сегменте Интернета: наблюдения первой четверти XXI в.» (А.Б. Бушев) показывается, как английский язык проникает в разные речевые сферы, в разные дискурсы современного российского общества. При этом сферой наибольшего проникновения англи-

цизов в русский язык признается попкультура во всех ее проявлениях, медиа, рекламный дискурс. Отмечается, что объективная картина использования английского языка и его элементов в речевой практике носителей русского языка позволяет говорить о влиянии всех языковых уровней. Подчеркивается, что такое интерферентное влияние проявляется в обильной варваризации русского языка и макароническом дискурсе.

В главе «Мультикультурный мегаполис современности» (Е.А. Казак), написанной на материале языка Лондона, подчеркивается, что в современных крупных городах каждая этническая группа обладает характерными языковыми чертами. Данные группы незамкнуты, однако они сохраняют свою индивидуальность. В Лондоне в рамках контакта множества этнических групп между собой и с коренным населением возник особый социолект – MLE, объединивший в себе целый ряд черт новых «лектов», специфика которых проявляется прежде всего в лексике и формах общения.

В главе «Китайский язык как один из коммуникативно мощных языков XXI в.: тенденции и перспективы лексического состава путунхуа» (Е.А. Красикова) рассмотрено развитие языковой политики и языкового планирования в Китае за последние десятилетия. Описаны стратегии национального языкового планирования, цель которых способствовать интернационализации китайского языка и отстоять функциональный плюрализм путунхуа на территории Китая. Обзор изученных источников позволяет сделать вывод о том, что Китай в XXI в. планирует использовать китайский язык в качестве *lingua franca*, что определит его статус в будущем.

В главе «Французский язык на территории Северной Америки: исторический, социокультурный и функциональный аспекты» (Е.О. Опарина) отмечается, что французский язык в Квебеке не является однородным с точки зрения функциональных вариантов. Наиболее стандартизованный вариант, канадский французский, является одним из двух официальных языков страны, он применяется как в Квебеке, так и в других провинциях, в административной, политической и деловой сферах, используется также в области интеллектуальной коммуникации и в *mass media*. По своим структурным характеристикам этот язык близок к современному французскому стандарту. Другой вариант, *Le québécois*, обслуживает сферу повседневного общения. Он также применяется в области культуры: в драматургии и кино, в народной поэзии. В неофициальных ситуациях коммуникации образованные квебекцы говорят на разговорно-фамильярной разновидности квебекского. Повседневный же язык

большинства населения – просторечие (*français populaire québécois*). Наконец, жуаль, появившийся во второй половине XX в., с 1970-х годов употребляется городской молодежью как разновидность сленга. Это язык также применяется в неформальной коммуникации в семейной, дружеской и профессиональной среде.

В главе «Новокаледонский вариант французского языка: предпосылки возникновения и исследовательские перспективы» (С.С. Галактионов) новокаледонский французский описывается как претендующий на роль одного из полноценных вариантов французского языка. Отмечается, что он входит в пантеон островных вариантов французского (среди которых таитянский французский, уоллийский французский, реюньонский французский и т.д.) и ввиду малого количества исследований представляется крайне перспективным для дальнейшего изучения.

В главе «Немецкий язык в языковом капитале Намибии» (Э.Б. Яковлева) освещается нынешний статус немецкого языка в богатом языковом ландшафте Намибии, некогда бывшей колонии Германии. Не являясь более официальным языком и *lingua franca*, немецкий язык тем не менее используется 32% населения страны и имеет устойчивый статус среди бытующих на этой территории языков. Он также играет заметную роль в образовательной политике государства. Как и всякий язык, находящийся за пределами автохтонных территорий, немецкий язык Намибии подвержен влиянию других бытующих в этой стране языков. Примеры, приведенные автором, иллюстрируют отличия намибийского варианта немецкого языка от германского стандарта, которые в значительной степени объясняются влиянием языка африкаанс.

В главе «Англицизмы и псевдоанглицизмы в итальянском языке в XXI в.» (А.И. Назаренко) отмечается, что к концу 2021 г. многие новые явления постепенно стали получать в итальянских СМИ названия на итальянском, что сделало их понятными большинству итальянцев. Англицизмы и псевдоанглицизмы заменяются сложными словами, образованными аналитическим способом (например, *il punto tamponi* вместо *il drive-through*). Отмечается, что такая тенденция способствует усилению аналитизма в итальянском языке.

В главе «Испанский язык в Мексике» (В.М. Шахназарян) исследуются территориальные нормы разговорной речи у жителей мексиканского штата Кинтана-Роо. Отмечается, что предпосылками их формирования и развития являются экстралингвистические факторы (исторический, социально-экономический, этнический и

территориальный). Ситуация тесного языкового и культурного контакта испанского языка с языком майя послужила первоисточником развития полиморфизма исследуемого диалекта.

В главе «Португальский язык в Латинской Америке» (Р.И. Проклов) отмечается, что основные отличительные особенности бразильского варианта португальского языка, которые впоследствии стали частью его кодифицированной нормы, были заложены в процессе колонизации Бразилии. Основное влияние на процесс формирования бразильского варианта португальского языка оказали местные и африканские языки, что прежде всего обуславливает его отличия от других региональных вариантов. На протяжении своего развития на территории Бразилии португальский язык пережил значительное количество изменений. Языковая ситуация постоянно менялась под влиянием исторических и политических событий, от первых этапов колонизации, когда формировалось особое койне, и до серьезных волн иммиграции, которые привели к появлению неестественного двуязычия в ряде регионов, когда португальский и местные языки теряли свою значимость в пользу других языков. В настоящее время на территории Бразилии преобладает бразильский вариант португальского языка, количество местных языков существенно сократилось, многие находятся на грани исчезновения. Кроме того, португальский язык оказал существенное влияние на приграничные территории соседних стран, где сформировался не только своего рода промежуточный говор, но и самобытная языковая идентичность, ядром которой он является.

В главе «Венгерский язык в Венгрии и за ее пределами» (И.Е. Коптелова) дается краткий обзор особенностей венгерского языка, связанных с его своеобразной историей, а также причин возникновения крупных этнических общин венгров за пределами страны по окончании Первой мировой войны. Вынужденный развиваться в течение 100 лет как язык этнических меньшинств венгерский язык стал приобретать черты, которые отсутствуют в языке, используемом на территории Венгрии.

Список литературы приводится после каждой главы.

В заключение делается вывод о сложной языковой ситуации, сложившейся в первые десятилетия XXI в.

В раздел «Сведения об авторах» помещена информация об авторах, принявших участие в работе над настоящей монографией.

Е.О. Опарина, М.Б. Паренко

ГЛАВА I. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI В.

Е.О. Опарина, М.Б. Раренко

В настоящее время, согласно официальным данным, на нашей планете проживают 8,06 млрд человек [URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population>], говорящих приблизительно на 6 700 языках, из которых около 40% оказались под угрозой исчезновения [Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3917586>]. Частично такое положение связывают с процессами глобализации и интернационализации. Некоторые ученые выдвигают пессимистичные прогнозы: как предполагается, в ближайшем будущем исчезнут от 25% до 90% ныне существующих языков, большинство из которых – бесписьменные и неописанные. В 2009 г., согласно данным ЮНЕСКО, только на территории России 136 языков находились под угрозой исчезновения [<https://ifiyak.sfu-kras.ru/news/21-fevralya-mezhdunarodnyy-den-rodnogo-yazyka-0/#:~:text=%D0%92%202009%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%AE%D0%9D%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0,%D0%B8%20%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B>]. Можно предположить, что спустя 15 лет их количество увеличилось.

Языковое многообразие является частью культурного фонда человечества и подлежит защите и сохранению. Языковое многообразие – необходимое условие для обеспечения диалога между носителями разных языков и культур без нанесения ущерба друг другу. И хотя исчезающее языковое разнообразие стало объектом

научных дискуссий в середине XX в., проблема доминирования одних языков над другими не нова: она уходит в глубь веков и даже тысячелетий. Еще во времена Римской империи подавлялась языковая и культурная идентичность малых этносов, что приводило к вымиранию их языков.

Мировое сообщество признает проблему исчезновения языков как одну из актуальных сегодня, и в целях стимулирования и поддержания языкового разнообразия решением 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1999 г. было провозглашено празднование Международного дня родного языка, который отмечается с 2000 г. ежегодно 21 февраля. Данный праздник направлен на привлечение внимания к проблемам языкового разнообразия и продвижения мультилингвизма.

В первые десятилетия XXI в. языковая ситуация в мире, будучи сложным социальным феноменом, характеризуется динамичностью и постоянно находится в движении, претерпевая значительные изменения.

Наиболее актуальные и перспективные направления развития языковой ситуации в XXI в. Определение понятий

Прежде чем приступить к описанию современной языковой ситуации, необходимо признать ее многогранность и сложность, поэтому и рассматривать ее следует с разных точек зрения. Обозначим, на наш взгляд, основные и наиболее актуальные направления ее исследования. К ним относятся: деление языков на коммуникативно мощные и коммуникативно слабые; перспективы и развития; вопросы языкового доминирования; судьба английского языка как глобального; судьбы миноритарных языков; судьбы коммуникативно сильных языков на автохтонных территориях и за их пределами; судьба языков, не имеющих на сегодняшний день признанного статуса.

Определим объем понятий: «язык межнационального общения», «международный язык», «мировой язык», «глобальный язык», «мажоритарный язык», «миноритарный язык», «коммуникативно мощный язык», «коммуникативно слабый язык».

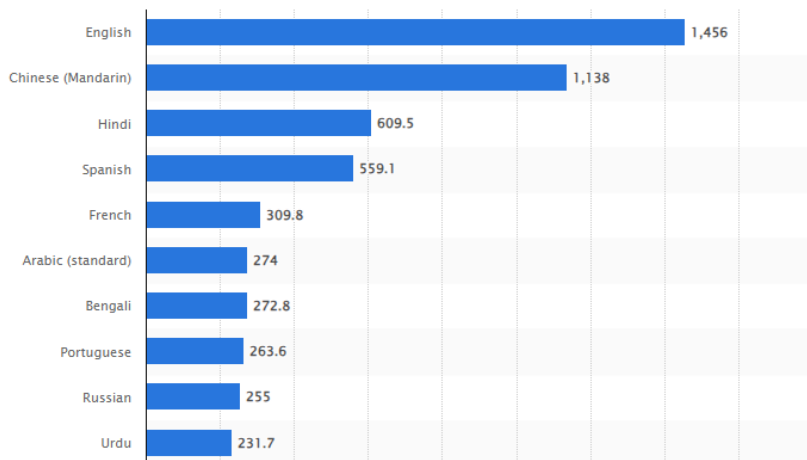
Предполагается, что, став широко употребляемыми, термины «язык межнационального общения», «международный язык», «мировой язык», «глобальный язык» понятны всем. Тем не менее

довольно часто они подменяют друг друга, становясь причиной недопонимания. В то же самое время в «Словаре социолингвистических терминов» каждое из них разъяснено. Так, «язык межнационального общения» – это «язык, обеспечивающий языковые контакты между всеми народами в пределах государства» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 256], иначе говоря – «внутригосударственный» язык. Таким, например, выступает британский вариант английского языка для граждан Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, при том что в разных частях страны помимо данного языка используются другие, среди которых шотландский английский, скотс, гэльский, мэнский, валлийский, ирландский и др.

Согласно наблюдениям И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни, понятия «международный язык» и «мировой язык» – «пересекающиеся». «Международный язык» определяется как «язык, который используется как средство общения между разными государствами» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 114], в то время как «мировой язык» – «язык, использующийся во всех коммуникативных сферах, в том числе и в официальных, и неофициальных сферах международного общения» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 129–130]. Признавая за языком статус международного, исследователи обращают внимание на его распространенность, т.е. число людей, владеющих языком. К международным языкам сегодня относят шесть: английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки. Эти же языки признаны мировыми, однако в этом случае подчеркивается их правовой статус – языки используются в сферах международного общения. В современном мире «глобальным языком» практически официально признается английский. Этот язык выполняет одновременно все три функции, перечисленные выше, а число говорящих на нем (как на родном, так и на втором родном, а также как на иностранном) превысило в 2023 г. число говорящих на китайском. Согласно информации, предоставленной сайтом statista.com, в 2023 г. во всем мире число говорящих на английском языке (как родном – первом или втором) составило приблизительно 1,5 млрд человек (говорящих на китайском языке – около 1,1 млрд человек) [<https://inbusiness.kz/ru/news/anglijskij-stal-samym-rasprostrannym-yazykom-v-mire-v-2023-godu>].

Таблица 1

Наиболее распространенные языки в мире в 2023 г.
(по данным inbusiness.kz [<https://inbusiness.kz/ru/news/anglijskij-stal-samym-rasprostranennym-yazykom-v-mire-v-2023-godu>])

Несколько иначе данные представлены на сайте
 [<https://statisticsanddata.org/data/the-most-spoken-languages-2023/>]:

English: 1,459,223,454 speakers

Chinese Mandarin: 1,158,967,314 speakers

Hindi: 616,147,868 speakers

Spanish: 569,401,705 speakers

Bengali: 272,982,906 speakers

Standard Arabic: 272,398,649 speakers

French: 345,387,768 speakers

Portuguese: 269,887,864 speakers

Russian: 251,727,395 speakers

Urdu: 232,470,600 speakers

Indonesian: 200,051,571 speakers

German (Deutsch): 129,678,311 speakers

Nigerian: 128,730,238 speakers

Japanese: 121,792,197 speakers

Marathi: 99,501,029 speakers

Swahili: 80,483,211 speakers

Понятия «мажоритарный язык», «миноритарный язык»,
 «коммуникативно мощный язык», «коммуникативно слабый язык»

также во многом пересекаются. Под мажоритарным языком мы будем понимать язык с большим числом говорящих, в отличие от миноритарного языка. Коммуникативно мощные языки, сохраняя этот признак, обладают также рядом других характеристик. А.В. Кирилина определяет коммуникативно мощные европейские языки как «разработанные языки с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющие давнюю письменную традицию и функционирующие в экономически и культурно развитых европейских странах» [Кирилина, 2018, с. 27]. К этой группе относятся прежде всего английский, немецкий, русский, французский, итальянский, испанский языки. Однако в настоящее время коммуникативно мощными являются не только европейские языки, например путунхуа – литературный китайский язык (более подробно см. главу IV данной монографии).

История вопроса

Сегодня мы являемся свидетелями неравномерного участия разных языков мира в формировании коммуникативной ситуации. Наиболее значимые события, непосредственно имеющие отношение к современной языковой ситуации в мире, берут начало в середине XX в. После Второй мировой войны в Европе происходят колоссальные изменения, затронувшие различные аспекты жизни общества: политические, экономические, социальные, культурные, которые, конечно, не могли не отразиться на языке.

Однако столь стремительному изменению языковой ситуации в современном мире мы обязаны не только объективным социально-политическим и экономическим факторам, но и психологическим установкам, в большей степени зависящим от ценностей и установок социальных групп и отдельных личностей. В начале XXI в. эти тенденции связаны с активно набравшей темпы глобализацией – «крупномасштабной интеграцией человеческого сообщества, направляемой и стимулируемой прежде всего факторами политическими, экономическими, идеологическими, в том числе религиозными и пр.» [Нещименко, 2006, с. 57].

Отметим, языковая ситуация в мире всегда зависела от политической ситуации, от «веса» страны на международной арене, от степени интенсивности международных контактов и в немалой степени от интенсивности внешней и внутренней миграции. Пример XX в. хорошо это демонстрирует.

До Первой мировой войны в мире практически полностью преобладал французский язык, при этом английский, немецкий и русский языки использовались как международные, но не так широко. Так, немецкий язык был основным языком в контактах между Германской и Австро-Венгерской империями, а русский – в славянской среде.

Монополия французского языка была нарушена на Парижской мирной конференции (1919–1920), где французским лидерам пришлось признать равноправие французского и английского языков, что впоследствии было закреплено в функционировавшей в межвоенные годы Лиге Наций.

В области науки в этот период явное преимущество было у немецкого языка, наиболее ярко проявляясь в науке о языке – лингвистике, которую неофициально называли «немецкой наукой». Так, А.А. Холодович по этому поводу заметил: «<...> кому бы пришлось в голову читать лингвистическую работу по-русски, когда международным языком уважающих себя лингвистов в то время был немецкий?» [Холодович, 1977, с. 657]. Более того, при обсуждении языка, на котором следует издать «Энциклопедию славянской филологии», один из участников Предварительного съезда русских филологов (1903) после несогласия остальных подготовить ее на латыни (!) предложил немецкий язык [Лаптева, 2012, с. 20], что также было, впрочем, отвергнуто. Тем не менее господство и престиж немецкого языка как языка науки в XX в. еще довольно долго сохранялись наряду с английским и французским языками, на нем писали не только немецкоязычные авторы, но и иностранцы (более подробно см.: [Валуйцева, Хухуни, 2020]).

Судьба русского языка в XX в.

Не менее показательна история русского языка в этот период. В СССР (30 декабря 1922 – 26 декабря 1991) русский язык имел статус государственного, служил средством межнационального общения на территории страны, а также обладал международным статусом. Приобретение русским языком международного статуса в XX в. связано с его включением в список официальных языков Организации Объединенных Наций (24 октября 1945), что было продиктовано во многом политическими причинами. Русский язык изучался в школах и вузах не только в странах социалистического лагеря, но и в других странах. Интерес к изучению русского языка

часто был продиктован прагматическими задачами. Так, «после запуска советского спутника интенсивные курсы по чтению научной и специальной литературы на русском были введены в программу многих американских университетов, а также проводились в исследовательских институтах и научных лабораториях США» [Романов, 2017]. Также популярности русского языка на мировой арене способствовали успехи СССР в экономике, науке, космосе и культуре. Популяризации русского языка в мире не в меньшей степени способствовала внешняя языковая политика СССР в 60–70-е годы XX в. Так, в 1966 г. был основан Научно-методический центр русского языка при МГУ им. М.В. Ломоносова, ставший в 1974 г. самостоятельным учебным заведением – Институтом русского языка имени А.С. Пушкина, основная деятельность которого была связана с вопросами преподавания русского языка как иностранного. 7 сентября 1967 г. была создана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), цель которой была определена как установление и поддержание научного диалога между учеными-русистами разных стран. В этот период в СССР также активно проводились мероприятия, связанные с пропагандой русского языка за рубежом (олимпиады, конкурсы, фестивали и т.п.) [Валуйцева, Хухуни, 2020].

В то же время русский язык не получил признания в качестве языка научного дискурса, несмотря на то что в СССР издавалось довольно большое количество научных журналов по разным областям знания. Исключения составляли советские научные журналы по вопросам русистики или славистики, однако на международном уровне такого статуса у языка не было, в отличие от английского, французского и немецкого. Русский язык официально признавался языком научных конференций (наряду с немецким, французским и английским), однако чаще всего на нем выступали советские ученые (более подробно см.: [Валуйцева, Хухуни, 2020]).

После распада Советского Союза Российская Федерация сохранила место в Совете Безопасности ООН в качестве преемницы Советского Союза; русский язык также сохранил статус официального языка международной организации и по-прежнему числится в «клубе мировых языков» наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским. Официальный статус русского языка в РФ «возрос»: в статье 68 Конституции РФ отмечается, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз

равноправных народов Российской Федерации» [Конституция Российской Федерации, 2020] (по Конституции СССР и Конституции РСФСР русский язык не обладал таким статусом). Однако в бывших советских республиках русский язык постепенно терял свои позиции, уступая национальным языкам. Во многих государствах, возникших после распада СССР, русский язык потерял статус государственного или официального. Аналогичные процессы отмечались в области науки: если до распада Советского Союза научное общение советских ученых происходило на русском языке, то впоследствии ситуация существенным образом изменилась. Сегодня даже владеющие русским языком на высоком уровне ученые из республик бывшего СССР могут выступать с докладами на английском языке [Валуйцева, Хухуни, 2020].

Английский язык как глобальный

Существуют как объективные, так и субъективные причины того, почему именно английский язык был признан глобальным в начале XXI в. На английском в США говорят 95.81% жителей страны (251 388 301 человек); в Индии – 11.38% (125 226 449); на Филиппинах – 92.58% (89 800 000); в Нигерии – 53.34% (79 000 000); в Великобритании – 97.74% (59 600 000); в Германии – 56% (46 272 504); в Канаде – 85.18% (25 246 220); во Франции – 36% (23 000 000); в Австралии – 97.03% (17 357 833); в Италии – 29% (17 000 000) [Сескутова, 2015, с. 50]. В качестве второго или третьего языка в профессиональной деятельности и общении английский язык также оказывается высоко востребованным: на сегодняшний день более миллиарда человек используют английский язык в этом качестве [Сескутова, 2015, с. 50]. Как отмечает З.Г. Прошина, причины, способствовавшие повсеместному распространению английского языка, имеют 1) исторический, 2) политико-экономический, 3) информационный и, наконец, 4) лингвистический характер. Исторические причины обусловлены колониальным прошлым Великобритании, в результате чего «в 1920-х годах 1/4 карты земного шара была англоговорящей» (более подробно см.: [Прошина, 2017, с. 17]). Политико-экономические причины объясняются мощью англоязычных держав; прежде всего США и Великобритании. Английский язык обладает высоким социальным престижем, что подчеркивается использованием английского языка в рекламной коммуникации даже в тех странах, где он не

является государственным. Информационные причины – использование английского языка как языка науки, Интернета, социальной коммуникации, морской навигации, международной авиации и пр. – также поспособствовали укреплению статуса английского языка в мире. Не последнюю роль сыграли и собственно языковые основания.

По мнению ряда исследователей, одним из принципиальных требований к глобальному языку является его относительная доступность, иначе говоря, простота его усвоения. Согласно формальному определению сложности языка, которое ввел в научный лексикон отечественный математик Андрей Николаевич Колмогоров (1903–1987), языковую сложность определяют через корреляты, одним из которых, является, например, разнообразие элементов: чем больше в языке элементов, тем более сложен этот язык по данной системе. Единообразие в образовании какой-либо грамматической формы свидетельствует об относительной простоте языка. Если рассматривать английский язык через призму колмогоровской сложности, то следует признать, что этот язык не является сложным для освоения – его грамматика довольно проста. Будучи структурно языком аналитического типа, английский язык обладает скромным количеством словоизменительных средств. Так, например, множественное число имен существительных передается в основном присоединением форманта *-s/-es* к основе, а прилагательные не изменяются по числу. Следует, однако, отметить разветвленную глагольную систему. Что касается лексического уровня английского языка, то его словарный запас включает большое количество лексем романского происхождения: по некоторым подсчетам, от 40 до 60% единиц современного английского языка составляют слова французского происхождения. Таким образом, английский язык демонстрирует высокую степень толерантности к разного рода заимствованиям, что является безусловным преимуществом для глобального языка и свидетельствует о его языковой гибкости (более подробно см.: [Раренко, 2019]).

Английский язык в высшем образовании (вне автохтонных территорий)

Особый вопрос – роль языков в образовании, т.е. в сфере деятельности, чрезвычайно важной в современном мире. Глобализационные процессы в этой области также тесно связаны с миграцией,

в том числе транснациональной. В наше время миграция вызывается не только политическими и экономическими причинами. Происходят интенсивные трансграничные перемещения представителей тех профессиональных групп, которые по роду своей деятельности склонны к мобильности: это журналисты, деятели науки и культуры, бизнесмены и рабочие-мигранты, преподаватели и учащиеся, спортсмены, а также обладатели ряда других профессий. Профессиональная миграция является средством выхода языков за пределы своих автохтонных территорий, она вносит значительный вклад в формирование ситуации двуязычия или многоязычия в разных странах мира. Некоторые исследователи считают, что двуязычие или многоязычие к настоящему времени действует практически во всех странах. Однако в каждом случае ситуация складывается из специфического набора характерных признаков, обуславливающих особенности применения языков в разных сферах коммуникации и различных социально-культурных контекстах. Эти закономерности касаются английского языка, действующего как средство международного общения в наиболее высокостатусных сферах коммуникации. К ним относятся наука, компьютерные технологии, экономика, массмедиа, образование, в том числе высшее.

Английский язык в сегодняшнем мире выполняет роль *lingua franca* в высшем образовании. В последние десятилетия во многих университетах Европы ряд курсов преподается на английском языке, причем это касается и лекций, и семинарских занятий. Такая тенденция обуславливается экономическими причинами и соображениями престижа учебного заведения: включение английского в число языков преподавания и исследовательской деятельности позволяет привлечь к работе в университете известных профессоров. Многонациональным стал также состав обучающихся – студентов и аспирантов из разных стран [Risager, 2012]. В наше время такие университеты получили название «интернациональных» (англоязычный термин – *international universities*), однако для Европы подобная ситуация не является совершенно новой: академическая сфера, в том числе университеты, всегда действовали «поверх границ» [Bull, 2012].

Сегодня ситуация с использованием английского как языка преподавания имеет ярко выраженную экономическую составляющую и свидетельствует о формировании глобального рынка в сфере высшего образования. Университеты стали выступать как носители интеллектуального капитала, и английский в этом

процессе является ведущим языком. Т. Булл отмечает, что экономические категории проявляются в применяемых терминах, обозначающих новые для дискурса академической области понятия, такие как *knowledge economy*, *knowledge-based economy* – «экономика знания», «экономика, основанная на знании». При этом образование по-прежнему рассматривается не только как общественная ценность, что традиционно, но и как важнейший атрибут современного общества, которое характеризуют как *knowledge society* – «общество знания» [Bull, 2012].

Сами понятия глобализма и глобализации тесно связаны с экономическими категориями, формированием глобального рынка. В таком социально-политическом контексте английский язык 20–30 лет назад начал утверждаться в сфере высшего образования, и его можно рассматривать как важный инструмент глобализации. В последние годы интенсивность глобализации снизилась. В политике, в том числе языковой, в экономике и культуре проявляются противоположные ей тенденции, однако английский остается ведущим языком международного общения, в том числе в высшем образовании. На европейском континенте многие университеты приняли «правила игры» уже несколько десятилетий назад и не отказываются от них.

Нельзя не видеть того, что в современном мире владение английским языком является социальным «лифтом» для индивида – английский язык позволяет получить престижную и потому хорошо оплачиваемую работу, добиться более высокого статуса в обществе. Таким образом, его экономическая ценность проявляется не только по отношению к организациям и профессиональным сообществам, но и по отношению к отдельной личности. Образование играет значительную роль в социальных процессах, и настроения студентов свидетельствуют о понимании ситуации. Так, опрос, проведенный в университете г. Хельсинки (Финляндия), где в последние 10–15 лет выросло количество групп, для которых английский стал одним из языков преподавания, показал, что недостаток курсов, преподаваемых на английском, оценивается учащимися как недостаток образовательной программы [Lindström, 2012]. Анкетирование студентов одного из университетов другого региона, а именно Южной Африки, также показало, что они в своем большинстве поддерживают применение английского языка в образовании, при том что связывают свою идентичность и культуру с языком африкаанс. В настоящее время языковой багаж некоторых студентов, называющих родным или домашним (англо-

язычный термин – home language) африкаанс, дополняется одним из африканских языков ЮАР [Coetzee-Van Rooy, 2013].

Однако проявляется и противоположная тенденция: глобальное распространение английского языка вызывает недовольство и конфликты. «Захват» со стороны английского доминирующих позиций в наиболее высокостатусных и ключевых сферах современного общества осознается как вытеснение и маргинализация других языков, в том числе имеющих немалое число носителей. Этот вопрос касается также высшего образования и является проблемой для студентов и преподавателей. Например, в том же университете г. Хельсинки, где рабочими являются три языка (финский, шведский и английский), многие студенты, в том числе финноязычные, сожалеют, что программа не дает им возможность усовершенствовать знание шведского языка, которым они ранее не овладели на достаточно хорошем уровне и который наравне с финским является государственным языком Финляндии. Однако такое недовольство имеет не только субъективные обоснования. Шведский важен как региональный язык Северной Европы, поэтому владение им рассматривается как практическая ценность, а его оттеснение на периферию образовательной и научной деятельности – как негативный фактор [Lindström, 2012]; подробнее на эту тему см. [Опарина, 2015]. Негативно оценивается также сужение сферы применения финского языка.

Судьбы миноритарных языков

Как упоминалось в начале статьи, современная языковая ситуация в мире является противоречивой. В то время как одни языки упрочивают свою позицию и соперничают за доминирование в разных коммуникативных сферах, другие борются за выживание.

В современных исследованиях анализируются причины и последствия вымирания языков, предлагаются меры по ревитализации языков национальных меньшинств. Подчеркивается, что языковое разнообразие как компонент культурного наследия и идентичности нации важно сохранять от чрезмерного воздействия английского языка, который стал *lingua franca* в межкультурной коммуникации.

В первую очередь под угрозой исчезновения оказываются языки, число говорящих на которых небольшое и уменьшается по естественным причинам, так называемые миноритарные языки.

Чтобы не допустить утраты языкового многообразия, некоторые государства проводят политику ревитализации языков и культур. Так, в Чили, в основном испаноговорящей стране (из 16 000 000 чилийцев 14 000 000 говорят на чилийском диалекте испанского как на первом языке), в настоящее время правительство предпринимает (и весьма успешно) ряд мер по восстановлению и защите культур и языков коренных народов. Сегодня в стране признаны девять живых (на которых говорят от 20 до 200 000 человек) и семь мертвых языков.

Наибольшие шансы на выживание миноритарный идиом имеет в том случае, если он признается на государственном уровне именно языком, а не диалектом [Contested languages, 2021]. В Европе, например на территории Королевства Великобритания и Северной Ирландии, среди языков, которым грозит исчезновение, – гэльский язык, скотс, мэнский язык и др. Эти языки являются официально признанными, и этот факт позволяет им претендовать на получение помощи от государства.

Особого упоминания заслуживает история мэнского языка, поскольку он буквально восстал из мертвых. До V в. н.э. остров Мэн, как полагают исследователи, был населен только бриттскими племенами, а в V в. остров захватили гойделы. В IX в. о. Мэн входит в состав королевства Мэна и Островов, основанного викингами, а в 1265 г. управление острова переходит к шотландцам. В 1333 г. остров уже находится под сюзеренитетом английского короля, и в качестве основного языка используется английский, что ведет к ослаблению языка местного населения. К середине XVIII в. происходит почти полная англизация городского населения. Уже в этот период молодежь родному языку предпочитает английский. Об утрате мэнским языком позиций свидетельствуют цифры. В 1901 г. из 4657 говорящих на мэнском языке 59 владеют английским, а уже в 1911 г. на мэнском говорят 2832 человека, и все они считают себя билингвами: наряду с мэнским они владеют английским языком. Число говорящих на мэнском языке в последующие годы стремительно падает: 896 человек в 1921 г., 529 человек в 1931 г. В 1975 г. на Международном конгрессе кельтологов в Пензансе (Великобритания) язык был официально объявлен мертвым, поскольку в конце 1974 г. скончался последний традиционный носитель мэнского языка – рыбак с острова Мэн Нэд Маддрел (Edward Maddrell (1877–27 December 1974)).

Более десяти лет (с 1975 г. по приблизительно 1986 г.) язык действительно считался мертвым, поэтому, когда в 1981 г.

проводилась перепись населения Королевства, вопрос о знании мэнского языка был из опросника вычеркнут, но уже в 1991 г. включен снова. Согласно данным на 1991 г., 741 житель острова (1% населения) владел языком. За последующие десять лет число говорящих на мэнском языке увеличилось более чем в два раза и составило в 2001 г. приблизительно 2,2% населения острова. При этом отмечалось, что 1527 человек говорят на языке, 910 человек читают, а еще 706 человек могут писать на мэнском языке. Еще более удивительным оказалось то, что 46% говорящих (784 человек) составляли жители острова в возрасте до 19 лет. Данные за 2011 г. сильно различаются: от приблизительно 200 уверенно говорящих до приблизительно 2000 человек.

Примерно с середины 1990-х годов мэнский язык как предмет по выбору начинает преподаваться в начальной и средней школах, а также на курсах при Колледже острова Мэн (Isle Man College), г. Дуглас.

Социальная значимость языка растет. В 2001 г. появилась первая начальная школа (Bunscoill Ghaelgagh), где все предметы преподаются на мэнском языке. В парламенте острова Мэн наряду с английским языком предусмотрено употребление мэнского языка.

Постепенно мэнский язык занимает свою нишу в СМИ: транслируются радиопередачи, создаются сайты, в газете Examiner публикуются билингвальные колонки – на английском и мэнском языках; в газете Manx Independent есть регулярная рубрика, посвященная изучению мэнского языка, а в журнале Carn новости публикуются исключительно на мэнском. Уличные указатели на о. Мэн на английском языке дублируются на мэнском; в официальных документах кроме английского языка используется мэнский.

В некоторых церквях на мэнском языке проводятся богослужения. Библия была полностью переведена на мэнский язык еще в 1775 г., а в конце XX – начале XXI в. переводы Библии на мэнский язык были переизданы.

Переиздаются также словари мэнского языка XIX–XX вв. и некоторые классические пособия.

По мере того как возрастает интерес жителей острова к мэнскому языку, можно предположить, что они связывают свою национальную идентичность именно с этим языком. Отметим, однако, что говорящие сегодня на мэнском языке являются билингвами – владеют английским языком.

Еще одним миноритарным языком Европы является фриульский, принадлежащий к романской группе языков. Он также

известен как восточный ретороманский и фурланский. Этот язык распространен на территории северо-восточной Италии в историческом регионе Фриули – на большей части современной области Фриули-Венеция-Джулия и в восточных районах области Венеция, также отчасти сохраняется в странах Латинской Америки. Ранее он был также распространен в ряде регионов Румынии. В Италии фриульский официально признан языком этнического меньшинства. Число носителей, по данным на 2002 г., составляет около 300 тыс. человек. В основном фриульский является языком бытового общения. Он не выполняет каких-либо официальных функций. Носители фриульского – это в первую очередь сельские жители среднего и старшего поколения, и до недавнего времени фриульский воспринимался как язык, принадлежащий только социальным «низам».

В разные периоды XX в. отношение к фриульскому языку, как и к языкам других этнических меньшинств, в Италии менялось. В 1925 г. в Италии было отменено преподавание языков этнических меньшинств. С 1928 г. единственным официальным языком государства был признан итальянский язык, помимо прочего началась итальянизация фамилий и топонимических названий.

В 1999 г. в Италии по рекомендациям Совета Европы (Европейская хартия региональных и миноритарных языков 1992 г.) был принят закон № 482 «О защите исторических языковых меньшинств», согласно положениям которого в Италии охраняются языки и культура албанского, каталонского, немецкого, греческого, словенского и хорватского населения, а также говорящего на французском, франко-провансальском, фриульском, латинском, окситанском и сардинском языках. По этому закону за языками перечисленных этнических групп был закреплен особый статус. Приняты также региональные законодательные акты о защите фриульского языка, среди них – закон 1981 г., поддерживающий использование языка в образовании, издательской деятельности и культурной сфере, благодаря которому выросло количество школ с изучением фриульского языка.

По последним данным, в селах региона на фриульском языке в домашней обстановке говорят 65,5% населения, а в столице – г. Удине лишь 17% горожан. В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» организации ЮНЕСКО фриульский язык отмечен как неблагополучный, и этому в немалой роли «способствует» тот факт, что фриульская молодежь между собой предпочитает общаться на итальянском языке, считая его более престижным.

В еще более плачевном положении оказываются языки, имеющие лишь статус диалектов. Они не учитываются в официальной статистике, не могут рассчитывать на официальную помощь государств, на территории которых существуют. К таким непризнанным языкам сегодня относится, например, пьемонтский – один из галло-итальянских языков, распространенный на северо-западе Италии в области Пьемонт. Несмотря на то что многие европейские и американские лингвисты считают пьемонтский самостоятельным языком, в Италии он все еще считается диалектом, а число говорящих на нем сегодня насчитывает около 2 млн человек. Пьемонтский язык имеет определенный официальный статус, признанный региональным правительством Пьемонта, но не правительством Италии, что означает отсутствие какой-либо поддержки со стороны правительства.

Если сравнивать перспективы пьемонтского и фриульского языков, то у фриульского, как полагают специалисты в области социолингвистики, их больше по той причине, что он официально признан и получает поддержку государства [Contested languages, 2021].

В ситуациях с миноритарными языками мы часто наблюдаем проявление культурного империализма. Это явление имеет примеры и в прошлом. Так, в конце XVI – начале XVII в. переселенцы из Старого Света в Новый везли с собой свой культурный багаж, в том числе язык. Освоившись на территориях Северной Америки, основав новые города (Нью-Йорк, Бостон, Новый Орлеан и др.), европейцы заняли доминирующее положение на континенте. По отношению к племенам индейцев с самого начала проводилась жесткая политика культурного империализма: индейцев выгоняли с их территорий, учреждались государственные институты на английской языке, что привело к исчезновению многих языков коренных народов. К началу XXI в. в Северной Америке (США и Канада) осталось немногим более 200 языков индейцев, исчезло же примерно 120. Сегодня осталось всего несколько языках (навахо, дакота, чероки, кри, оджибва), на которых говорят десятки тыс. человек. С конца XX в. в США и Канаде предпринимаются усилия по возрождению языков коренных племен. В ряде случаев удастся затормозить процесс отмирания, что дает шанс на возрождение языка.

В Южной Америке на коренных языках говорят около 20 млн человек, некоторые языки стали межэтническими, по сути – средством самоидентификации индейцев. В ряде случаев языки приобрели официальный статус (кечуа, гуарани, аймара). Общее число гово-

рящих на языках американских индейцев к началу XXI в. оценивается как более 32 млн. Из них в Южной Америке – около 20 млн, в Мезоамерике – 10 млн, в Северной – более 500 тыс. человек¹.

В сложной языковой ситуации, когда родной язык в силу определенных причин подвергается опасности исчезновения (например, не рассматривается как языковой капитал и поэтому теряет привлекательность для носителей), своего рода «спасением» потенциально может стать билингвизм, когда один язык используется как язык межкультурной коммуникации, а родной язык – как язык этнокультурной идентичности.

Однако, отметим, определенной угрозе сегодня подвергаются и коммуникативно мощные языки – немецкий, французский и др. Как упоминалось выше, многие исследователи и общественные деятели считают, что доминирование английского языка ведет к маргинализации других языков, в том числе мажоритарных.

Например, согласно официальным данным, под угрозой исчезновения находится сегодня ирландский язык – язык крупной нации (людей, имеющих ирландские корни, в современном мире насчитывается от 70 до 80 млн). По официальным данным ирландского правительства, на 2004 г. в Ирландской Республике 1 570 894 человека владеют ирландским языком, из них 339 541 человек используют ирландский язык в повседневном общении; 155 039 человек используют язык примерно раз в неделю; 585 300 человек – реже; 459 657 человек – почти никогда, а 31 357 человек не ответили на вопрос о частоте использования языка². [<https://www.missionary-bible.ru/index.php/yazyki/8-glavnaya/398-irlandskij-yazyk>³]

По мнению Д. Кристала, уровень опасности исчезновения языка зависит от трех основных параметров: степени освоения языка среди детского населения общины, отношения общины к языку и степени воздействия других языков [Crystal, 2004].

В случае с ирландским языком, видимо, «сработали» все три фактора: английский язык, ставший в стране и мире *lingua franca* для межкультурной коммуникации, рассматривается в Ирландской Республике как язык большинства и приобретает статус «престижного», одновременно вытесняя ирландский язык и снижая его популярность в глазах жителей Ирландии. В стремлении

¹ Индейские языки. – URL: https://iling-ran.ru/kibrik/American_Indian_Lgs.pdf

² Индейские языки. – URL: https://iling-ran.ru/kibrik/American_Indian_Lgs.pdf

³ <https://www.missionary-bible.ru/index.php/yazyki/8-glavnaya/398-irlandskij-yazyk>

обеспечить языковой капитал подрастающему поколению ирландцы ограничивают использование родного языка даже в рамках семейного общения. По некоторым данным, только 5% жителей Ирландии используют данный язык как инструмент коммуникации дома и незначительно количество семей способствует его усвоению детьми как первого языка общения, предпочитая ему английский.

Что касается английского языка, то определенные «опасности» подстерегают и его. Продолжая свое триумфальное шествие по всем континентам, английский становится, с одной стороны, языком всех, с другой – как бы «ничьим» языком, поскольку, выходя за пределы автохтонных территорий, он часто теряет связь с какой-либо определенной культурой.

Примером может служить распространение английского языка «Globish» (от англ. global и English). Данный термин, впервые появившийся в одном из номеров Christian Science Monitor в 1997 г., а в 1998 г. использованный М. Гоугейтом для разработанного им искусственного диалекта на основе английского языка, сегодня обозначает набор диалектов английского, которые функционируют за пределами англоязычных регионов [M.N. Gogate's website]. В 2004 г. вышли работы Ж.-П. Нерьепа с изложением его версии этого языка, в которых Globish был позиционирован как естественный язык. Позже Нерьепа разработал учебники Globish, предназначенные для не носителей английского языка, чтобы они могли общаться друг с другом на нем как на *lingua franca*.

Наряду с Globish используются другие «адаптации» английского языка. Так, радиостанция Voice of America при вещании на неанглоязычную аудиторию с 1959 г. использует так называемый Special English – контролируемую версию английского языка, с лексиконом около 1500 слов, в которой преобладают короткие предложения, а скорость речи медленнее, чем у традиционного английского. Разновидностью версии Special English является Specialized English, разработанный и используемый радиовещательной корпорацией Feba Radio, по своим характеристикам почти совпадающий со Special English и в небольшой степени отличающийся лексиконом.

Признаваемые рядом ученых национальные варианты английского языка – такие как Russian English, German English, Indian English и пр., каждый со своей «нормой» (более подробно см. [Прошина, 2017]), также свидетельствуют о «размывании» английского языка.

Еще одним фактором, повлиявшим на изменение языковой ситуации в мире, следует назвать высокий уровень миграции насе-

ления, начавшейся еще в середине XX в. и продолжающейся сегодня. Интенсивная миграция затронула почти все континенты, в результате чего многие естественные языки распространились за пределы своих автохтонных территорий, оказывая влияние на другие естественные языки, в том числе автохтонные, и сами нередко испытывая их влияние.

Роль миграции в процессе языковых контактов

Интенсивная миграция, характерная для последних десятилетий и затрагивающая не только индивидов, но и целые группы населения, влияет на все стороны жизни современного общества. Миграция усиливает межъязыковые и межкультурные контакты, так как переходит границы языков, культур и часто – государств. Поэтому языковые и культурные процессы оказываются непосредственно зависимыми от миграции. Несомненно, эти процессы воздействуют на состояние языков на своих автохтонных территориях и вне их, в том числе на взаимоотношения мажоритарных и миноритарных языков и диалектов.

Эти грани ситуации взаимосвязаны. Так, представление о функционировании языка за пределами автохтонной территории ассоциируется прежде всего с мажоритарными и коммуникативно мощными языками, которые приобрели статус международных в результате глобализационных процессов, происходивших в разные исторические периоды. Среди причин распространения языков западноевропейских стран за пределы их автохтонных ареалов – колонизация стран Азии и Африки государствами Западной Европы в XVIII–XIX вв., позже – мировое экономическое развитие. Современная глобализация, интенсифицирующая все аспекты международных и межкультурных контактов, способствует распространению наиболее коммуникативно мощного языка, английского.

Однако миграция означает также выход за пределы автохтонных территорий языков, имеющих многочисленный состав носителей, однако не обладающих таким мощным «всемирным» потенциалом, как английский. Например, турецкий язык за последние полвека получил широкое распространение на территории Германии в результате интенсивной иммиграции носителей этого языка. Лингвисты анализируют влияние, которое турецкий язык оказывает на лексику и структуру немецкого, особенно на его разговорные варианты [Опарина, 2023]. В США проживают множество мигрантов с разных кон-

тинентов, в том числе носителей языков хинди и польского – достаточно многочисленных по числу говорящих. Так, на хинди в Индии, Бангладеш, Непале и некоторых других странах Азии говорят более 500 млн человек, польским владеют около 60 млн¹.

Кроме того, мажоритарные языки, которые поддерживаются экономикой и военной силой их стран и обладают потенциалом стать международными, за пределами автохтонных территорий нередко оказываются в роли языков меньшинств. Это, например, касается языков многих европейских стран (кроме английского, на территории Северной Америки): французского, немецкого, испанского, русского; это также китайский язык, обладающий на своей автохтонной территории наибольшим по сравнению с другими языками числом говорящих на нем и считающих его своим родным языком². Мажоритарные языки, в том числе имеющие статус официальных / государственных, могут потерять свою роль в результате изменения общественно-политических обстоятельств. В такой ситуации оказался русский язык в бывших советских республиках после распада Советского Союза в 1991 г. Интересно то, что отношение к русскому языку после распада СССР было разным в бывших советских республиках. В ряде новых государств его сразу лишили статуса официального / государственного языка (Латвия, Эстония). В других (например, Казахстан, Кыргызстан) русский язык утратил статус государственного, но сохранял статус официального, используемого в организациях и рабочих коллективах наравне с автохтонным языком данной страны.

Наконец, не следует игнорировать происходящие в последние десятилетия процессы, касающиеся ряда миноритарных региональных языков и диалектов в их автохтонных ареалах. Поскольку статус многих идиомов как языков или диалектов до настоящего времени остается спорным, в англоязычной лингвистике используется термин *contested languages* – «языки с оспариваемым статусом». Этот термин вполне выражает суть ситуации [Опарина, 2024]. Таких языков / диалектов много в Европе, например в Италии, особенно в ее северных регионах. Совет Европы защищает права этих идиомов и, как правило, признает за ними статус самостоятельных

¹ Язык хинди. – URL: https://mgimo.ru/study/faculty/mo/kindo/docs/yazyk-khindi/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=

² См. главу Красиковой Е.А. «Проблемы развития китайского языка как одного из наиболее коммуникативно мощных языков XXI века: тенденции и перспективы лексического состава путунхуа» в данной монографии.

языков. Однако не все государства готовы признавать региональные идиомы языками и настаивают на их диалектном статусе [там же]. Академическая среда и общественные активисты способствуют продвижению прав «спорных языков» в СМИ, образовании и других сферах региональной жизни. Они также способствуют приданию тем из них, которые считаются государственными органами диалектами, статуса языков. Лингвисты настаивают, что это необходимо делать, опираясь на структурные особенности, отличающие «оспариваемые языки» (contested languages) от признанных языков, в том числе общенациональных [Contested languages, 2021].

Необходимо отметить, что миноритарные языки и диалекты находятся в настоящее время в разном положении: от успешного существования и развития до жизни на грани исчезновения. К идиомам, значительно укрепившимся в последние десятилетия в роли региональных языков Европы, относятся баскский и каталанский на севере Испании. Лингвисты работают над стандартизацией региональных языков и диалектов Италии – пьемонтского, ломбардского, сицилийского. К середине XX в. на грани исчезновения оказался валлийский язык в Британии, но меры по его распространению, в первую очередь в сфере региональной культуры и образования, привели к улучшению ситуации [Раренко, 2019; Раренко, 2020; Раренко, 2024]. В Европе также есть пример ливонского языка, которым пользовалось финно-угорское этническое меньшинство на территории Латвии. Последний носитель этого языка скончался более десяти лет назад. Однако сейчас в Латвии при поддержке тех, кто считает себя потомками этого этноса, предпринимаются попытки возродить ливонский язык. В данном случае государственные органы страны (Латвии) поддерживают возрождение и придание ливонскому статуса языка [Contested languages, 2021].

Таким образом, в Европе повышение статуса и развитие региональных языков и диалектов поддерживаются международными организациями, в том числе ЮНЕСКО, конвенциями Совета Европы. В случае успеха такой подход приводит к позитивному изменению положения региональных языков и диалектов в их автохтонных ареалах. При этом тесный контакт языков отражается не только в экстралингвистическом контексте их существования, он также влияет на их внутриязыковые характеристики [Опарина, 2023].

В целом миграционные процессы в разные исторические периоды были и остаются главной движущей силой взаимодействия языков и их распространения по миру. Миграция является причиной многих социальных и культурных трансформаций в истории.

Литература

- Валуццева И.И., Хухуни Г.Т. Глобальный и национальные языки в научных публикациях: новая форма диглоссии? // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: сборник научных трудов / отв. ред., ред.-составитель Паренко М.Б. – Москва: РАН ИНИОН, 2020. – С. 176–190.
- Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1729&page=1> (дата обращения: 04.04.2020).
- Кирилина А.В. Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Этнопсихоллингвистика. – 201. – № 1. – С. 26–62. Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3917586>
- Конституция Российской Федерации. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
- Лантвева Л.К. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – Москва: Индрик, 2010. – 840 с.
- Нецименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация – этнизация: этнокультурные и языковые процессы. – Москва, 2006. – Кн. 1. – С. 38–69.
- Опарина Е.О. Английский в контакте с другими языками: социокультурные, идеологические, прагматические и психологические причины выбора языка общения в ситуации двуязычия или многоязычия // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сборник обзоров / РАН, ИНИОН, отд. языкознания; отв. ред. Н.Н. Трошина. – Москва, 2015. – С. 69–83. – (Теория и история языкознания).
- Опарина Е.О. К проблеме разграничения языков и диалектов: на материале современных исследований европейских лингвистов // Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям: коллективная монография / РАН, ИНИОН, отд. языкознания; отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2024. – В печати.
- Опарина Е.О. Концепт миграция как база для осознания и оценки миграционной практики в обществе и культуре: аналит. обзор / РАН, ИНИОН, отд. языкознания. – Москва, 2023. – 54 с. – (Теория и история языкознания).
- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории = World Englishes paradigm. – Москва: Флинта: Наука, 2017. – 208 с.
- Паренко М.Б. Английский язык как глобальный и его использование в академической среде // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – Москва, 2019. – С. 167–170.
- Паренко М.Б. Валлийский язык и его позиция в современном мире // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. – Москва, 2020. – С. 2475–2479.
- Паренко М.Б. Языковая ситуация в современной Шотландии как результат исторического развития трехязычия // Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям: коллективная монография / РАН, ИНИОН, отд. языкознания; отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2024. – В печати.

- Романов А.Ю. Запуск советского спутника и русский язык в США // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapusk-pervogo-sovetskogo-sputnika-i-russkiy-yazyk-v-ssha> (дата обращения: 09.08.2020).
- Сескутова И.К. Английский язык в Европе XXI: приоритетные области и перспективы развития // Языковая ситуация в Европе начала XXI века / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – С. 46–68.
- Словарь социолнгвистических терминов. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
- Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр: жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – С. 650–671.
- M.N. Gogate's website. – URL: <http://mngogate.com/overview> (дата обращения: 26.04.2024).
- Bull T. Universities with an alternative language policy // Intern. j. of the sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 55–73.
- Coetzee-Van Rooy S. Afrikaans in contact with English: Endangered language or case of exceptional bilingualism? // Intern. j. of the sociology of language. – 2013. – N 224. – P. 179–207.
- Contested Languages: The hidden multilingualism of Europe / Ed. by M. Tamburelli, M. Tosco. – Turin : John Benjamins Publishing Company, 2021. – 271 p.
- Crystal D. English as a global language. – Cambridge : Univ. Press, 2004. – 212 p.
- Globish. – URL: <https://www.globishfoundation.org/index.php/globish-overview> (дата обращения: 26.04.2024).
- Lindström J. Different languages, One mission? Outcomes of language policies in a multilingual university context // Intern. j. of the sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 33–53.
- McCrum R. Globish: How the English Language became the World's Language. – New York : Norton, 2010. – 331 p.
- Risager K. Language hierarchies in the international university // Intern. j. of the sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 111–130. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population>
- <https://ifiyak.sfu-kras.ru/news/21-fevralya-mezhdunarodnyy-den-rodnoy-yazyka-0/#:~:text=%D0%92%202009%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%AE%D0%9D%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0,%D0%B8%20%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B>
- <https://inbusiness.kz/ru/news/anglijskij-stal-samym-rasprostranennym-yazykom-v-mire-v-2023-godu>
- <https://inbusiness.kz/ru/news/anglijskij-stal-samym-rasprostranennym-yazykom-v-mire-v-2023-godu>
- <https://statisticsanddata.org/data/the-most-spoken-languages-2023/>

ГЛАВА II. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ И РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА: НАБЛЮДЕНИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

А.Б. Бушев

История вопроса

Исследование языков на автохтонных территориях и вне их поставило перед нами проблему описания функционирования английского языка в российском сегменте Интернета, на российских сайтах. Научный вопрос состоит в том, прослеживается ли здесь какая-то специфика, позволяющая судить об особой социолингвистической роли английского языка в российском социуме, об особых языковых контактах исследуемой пары языков. Очевидно, описав использование английского языка на сайтах вне территории, где язык является родным, традиционным, мы сможем судить о некоторых функциях языка как в коренном социуме, так и вне его.

Применяемые в такой работе методы – прежде всего дескриптивные (риторико-стилистическое описание *языкового существования народа*¹), а также социолингвистические, статистические. При описании языковых феноменов, концептов, специфики функционирования языка в сознании индивида, его когнитивной роли возможно и необходимо применение структурных, интроспективных и психолингвистических методов. Данные социолингвистические исследования имеют показательную традицию в работах центра социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН [Гусейнова, 2017; Опа-

¹ Впервые концепция была детально обоснована японистом С.В. Неверовым [Неверов, 1982].

рина, 2015; Опарина, 2017; Паренко, 2022; Русский язык в современном мире, 2021; Сескутова, 2015; Трошина, 2015; Трошина, 2017; Язык в глобальном контексте, 2018].

Наша гипотеза при обращении к исследуемой теме заключалась в том, что язык не функционирует в электронной среде сам по себе: online-коммуникация, как правило, зеркально отражает offline-коммуникацию. Анализируя современное бытование языка, надо исходить из описания языка в функциональной стилистике (известные концепции стилевой дифференциации речи Д.Н. Шмелева, И.Р. Гальперина). Использование языка в Интернете есть отражение языкового поведения человека в offline-пространстве.

Проникновение английского языка в разные лингвокультуры в условиях глобализации, тем более на фоне экспансии игрового общения, отмечают многие исследователи [Карасик, 2021]. Представления о смешанном, координативном и субординативном типах билингвизма в его активном и искусственном вариантах заставляют нас размышлять о том, образуют ли исследуемые языки единую систему в сознании человека. Или в условиях диглоссии английский – это ксенолект, т.е. язык, на котором вынуждены говорить носители автохтонных языков, язык, используемый как рабочий инструмент?! И, наконец, самый интересный вопрос – как повсеместно распространяемый глобализованный английский влияет на автохтонный язык территории.

Европейские языки с Петровской эпохи выступают медиумом и мерилом усвоения европейского технологического и культурного опыта. Вспомним голландский и немецкий у сподвижников Петра I, французский – в переписке Екатерины Великой, немецкий – русского императорского двора, французский – образованного дворянства, французский – Пушкина, французские и немецкие переводы – Тургенева и многие другие хрестоматийные примеры. Английский язык популярным становится в начале XX в. – мы видим это, например, в переписке императора Николая II¹, в англоманстве Набокова.

Во время существования «железного занавеса» широкого распространения в советском социуме английский язык не имел. Туристические контакты, прорыв «железного занавеса» англо-

¹ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. – Берлин: Слово, 1922. – Т. 1 / пер. с англ. В.Д. Набокова. – 1922. – [1], 642 с. – Текст. парал. рус. англ. Источник электронной копии: Президентская библиотека. – URL: <https://www.prilib.ru/item/436971>

язычными медиа (спутниковым телевидением, а затем и Интернетом) способствовали расширению популярности английского языка в российском социуме.

С другой стороны, этому способствовало и давнее изучение английской и американской литературы [Бушев, 2013], большая просветительская деятельность по переводу сокровищницы англоязычной литературы [Панова, 2021]. С эпохи Элвиса Пресли и «Битлз» медиумом английского языка является поп-культура. При этом показательно, что поп-культура неанглоязычных стран в самых значительных явлениях часто двуязычна.

В перестроечные годы возросли культурные и экономические связи, в крупных российских городах появилось много *экспатов* (так назывались носители английского как родного, граждане стран, где английский является автохтонным), в нашей стране стало работать около тридцати тысяч инофирм, где английский являлся рабочим языком персонала и стержнем организационной культуры. Это сделало английский язык еще популярнее в России.

Популярность английского языка демонстрируется и статистикой обучения школьников: в российской школе сегодня английский язык по-прежнему на первом месте среди иностранных языков, как и в Евросоюзе¹. Возникают идеи, что это не только язык для коммуникации, но также язык для освоения науки и техники, для интеллектуального развития. Это социально престижный язык – понятна прагматическая мотивированность его изучения в связи со статистикой говорящих, международной ролью английского языка².

Отметим, совсем недавно мы переживали период интенсивных контактов с европейскими странами, с Востоком (здесь именно не родной ни для кого английский язык служит средством международной коммуникации, что свидетельствует о глобальности английского языка [Harmer, 1998]).

Популярности английского способствуют популярность русского Лондона и Нью-Йорка, проживание большого числа наших соотечественников в США и Англии, появившиеся возможности обучения молодежи в англоязычных странах и странах англоязыч-

¹ Показательно обсуждение этого вопроса в ненаучной периодике: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inostrannyj-yazyk-perspektivnaya-investiciya>

² <https://journal.tinkoff.ru/foreign-languages-stat/> ; <https://rg.ru/2021/07/06/vtoroj-inostrannyj-yazyk-v-shkole-stanet-neobiazatelnym.html> ; <https://govoritmoskva.ru/news/361354/>

ного обучения. Все эти факторы способствовали социальной престижности английского языка в российском социуме¹.

Функционирование английского языка в сфере компьютерных технологий – социолект WEBLISH

Налицо бурное развитие информационных технологий, которые стали средством не только отражения, но и преобразования мира [Жилавская, 2021; Зубкова, 2021; Кириллова, 2015; Bühl, 2000; Center for media literacy, 2024]. Любой современный человек вступает не только в устное общение, но и электронное – sms, e-mail, социальные сети, блоги. Обсуживающий это общение подъязык в значительной мере англизирован. Этот социолект (weblish) представляет собой подъязык коммуникантов в Интернете, объединяющий автохтонных носителей английского и всех других его носителей за пределами автохтонной территории².

Экспоненциальный рост культурных сообществ в виртуальной среде, блогерство, феномен виртуального общения, представление значительного количества дискурсов в Интернете, в том числе до этого ранее маргинальных, преодоление изоляции некоторых сообществ влияют на распространение тех или иных норм дискурса в Интернете. XXI в. характеризует начало научной рефлексии над текстами Интернета [Crystal, 2001]. Показательно, что общение в Интернете – не только межличностное, научное или культурное общение. Интересы социума отражает его поведение в сетях. В сети пришел прежде всего агрессивный пользователь, и для него это средство продвижения своего контента, в том числе в бизнесе (интернет-маркетинга), актуальной политической мобилизации, усвоения маргинальных дискурсов и буллинга.

Показательно, что такое русскоязычное общение несет заметный след влияния английского языка и англоязычных дискурсов.

¹ <http://londonrussian.ru/> Библиография русских в Америке представлена https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%9D%D1%8C%D1%8E-%D0%99%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B5

² В Сети есть списки лексических единиц этого социолекта: URL: <https://www.englishdom.com/blog/neformalnyj-stil-can-i-facebook-you-tomorrow-ili-perepiska-v-soc-setyax/>

Приведем пример. Преподаватель высшей школы, профессиональный филолог-русист пишет автору данного материала в ответ на вопрос о программе конференций Zoom, вдруг ставшей для всех нас так актуальной в эпоху коронавирусного кризиса: *«Не буду умничать. Я сама частенько захожу на ютуб и смотрю обучающие видео, как работать с той или иной программой. Я не буду посылать все ссылки. Можете забить в поиск, как работать в зум с компьютера, как работать в зум с телефона, как работать учителю и т.д. Просто для дискорда, когда я делала, не было обучающих видео. В зум у меня все получилось интуитивно. За последнее время появилось много тьюториалс по такого рода программам в ютубе. Я сама очень часто прибегаю к помощи таких видео. Надеюсь, что ответила. Я не продвинутая))) я люблю учиться у других на ютубе)))* – Отправлено из Mail.ru для Android».

В вышеприведенном тексте отражаются все изменения коммуникации – дисплейные межличностные тексты смартфонов, новые феномены, имеющие транслитерированные названия (*ютуб, зум, дискорд*), кальки (*я не продвинутая*), профессиональное просторечье компьютерщиков (*захожу на ютуб, забить в поиск*), использование престижных транслитерированных синонимов (*много тьюториалз* – «много шпаргалок, подсказок, текстов»), отказ от склонения (*работать в зум*), иконические значки типа скобок и смайликов. В целом так бы никогда не сказали и не написали порусски еще каких-то двадцать лет назад!

Это позволяет сделать вывод, что норма автохтонного языка при контактах с глобализованным английским характеризуется крайней динамичностью. Об этом еще совсем недавно говорил в интервью portalу «Православие и мир» В.Г. Костомаров¹. На норму языка влияют средства коммуникации. Посмотрим глазами лингвиста на общение участников ютуб тьюториалз². Оно столь же необычное.

За последние годы параллельно реальному возник новый, виртуальный мир со своей культурой. Он проявляется на уровне языка, он загадочен для непосвященного: *тэги, посты, аккаунты, комьюнити, блоги, форумы, комменты, френдленты...* Слова *брандмауэр, файл, браузер, сканер, анимация, утилиты, секвенсоры,*

¹ URL: <https://www.pravmir.ru/filolog-vitaliy-kostomarov-norma-yazyika-skoro-pogibnet/>

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iGeKgORa5MI>

сэмплеры, спам, мультисессионные диски вошли в обиход новой информационной культуры. В языке появляются слова, призванные отражать реалии. Избежать столкновения с английским языком на компьютерном поприще невозможно. Не чужды новому языку оказались и разговорные выражения, собственный сленг. Вместе с ним пришли *рипперы, граберы, клипарты, гоферы, анти-вирусы, зиперы, экстракторы*. Свой сленг требует понимания: *меня забанили*.

Блогерство является сравнительно новым феноменом. На языковых контактах в коментах, мемах, использовании английского языка в российском сегменте Интернета мы остановимся позже.

Функционирование английского языка в сфере науки

В середине XX в. отечественные ученые активно осваивали английский для научного общения и чтения работ по специальности. Важную роль в этом сыграли работы профессора А.Л. Пумпянского [Пумпянский, 1962]. Однако сегодняшние цели выдвигают задачу не только перевода текстов по специальности, но и академического письма в научной коммуникации.

Группу этого этапа нашего исследования составляли физик, биолог, филолог и историк классического регионального университета¹. Мы видим в их профилях на e-library значительное количество публикаций, выполненных на английском языке. Ученые-гуманитарии, особенно филологи и историки, казалось бы, публикуются по-английски реже, чем представители естественных наук, но, например, преподаватель иностранных языков РУДН доцент Ю.А. Муравьев опубликовал значительное количество работ на английском языке в международных журналах².

¹ URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=90899&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 ; URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=12448&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 ; URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=98970&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 ; URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=46634&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 ; URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=109784&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 ; URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=183198&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 ; URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=75252&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0

² URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=997050&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0

В РУДН и ряде других ведущих российских вузов в рамках магистратуры и докторантуры иностранные студенты пишут и защищают диссертации на английском языке. Ряд российских журналов также двуязычен¹. Тольяттинский университет сообщает, что издает двуязычный журнал «Frontier Materials & Technologies» («Прогрессивные материалы и технологии»), что, по мнению издателя, значительно расширяет его читательскую аудиторию².

Примером социальных научных коммуникаций может выступить, например, деятельность Ботанического сада Тверского госуниверситета. Ботанический сад ТвГУ имеет партнерство с арборетумом Миннесоты, есть двуязычный сайт³, до недавнего времени существовали не только русскоязычные, но и англоязычные социальные сети.

Задачам такого вербального поведения отвечает современная дидактическая литература. Пособие Е.Т. Беляковой [Белякова, 2015] представляет в качестве материала для упражнений аутентичные научные тексты из различных отраслей знаний. Навыки монологической и диалогической речи закрепляются в упражнениях на перевод с русского на английский. В приложении приводится примерный рассказ аспиранта о его научной работе. Пособие А.А. Стрельцова [Стрельцов, 2012] тоже ставит целью перевод научно-технической литературы и носит выразительный подзаголовок «От понимания к переводу». Учебное пособие содержит оригинальные и адаптированные тексты на английском и русском языках. Даны упражнения, направленные на совершенствование навыков прямого и обратного перевода научно-технических текстов со словарем и без. Пособие знакомит с лексико-грамматическими трудностями перевода научно-технических текстов, подготавливает к переводу технической литературы и способствует формированию у обучающихся научной картины мира с учетом достижений XX в. в точных и естественных науках.

Известное научное руководство Н.К. Рябцевой, которое носит название «Активный словарь-справочник» [Рябцева, 2006], – руководство по научному изложению. Сказалась методологическая позиция лингвиста-прикладника. Словарь-справочник призван оказать специалистам многостороннюю языковую помощь в написании научных трудов на английском языке. Справочник

¹ URL: <https://www.pdc-journal.com/jour/about/submissions#onlineSubmissions>

² URL: <https://volga.news/article/670348.html>

³ URL: https://gardentver.ru/index_eng.html

построен на представительном материале оригинальных английских научных текстов и содержит системно-упорядоченные выражения, словосочетания, обороты и примеры, характерные для английского научного стиля и позволяющие просто и ясно излагать свои мысли на английском языке и связывать их в единое целое внутри разных жанров: резюме, тезисы, доклад, статью, рецензию и т.д. В состав книги входит «Руководство по научному изложению на английском языке», которое предназначено активизировать знания английского языка и их применение в создании текста в противоположность переводу, требующему профессионального владения языком. Материал базируется на статистически достоверных выборках из международных журналов.

В пособии Н.Ю. Ожигбесовой [Ожигбесова, 2016], написанном с этими же целями, показательно использование подкастинга и научно-популярных и научных текстов. Цель пособия – знакомство магистрантов с основной терминологией научной публикации, развитие навыков устной и письменной коммуникации на английском языке посредством подкастов. На материале аутентичных текстов из оригинальных источников даются упражнения, направленные на закрепление лексики, рекомендации по написанию научной статьи, составлению научных докладов и презентаций. Для решения данных задач предлагаются тексты и подкасты научной тематики, отобранные из современных источников, включая научные журналы, входящие в базу Scopus и базы поисковой платформы Web of Science. Итак, здесь мы видим использование аутентичных электронных текстов научной и научно-популярной тематики.

Показательна задача пособия «Академическое письмо. Лексика: Developing Academic Literacy» В.В. Меняйло [Меняйло, 2017], в которой представлены упражнения на отработку таких навыков, как постановка целей и задач исследования, реферирование научной литературы, оформление ссылок на источники, описание статистической информации, графиков и диаграмм, формулирование выводов исследования и другие.

Язык специальности рассматривается как мост к профессиональной коммуникации. На это, например, указывает на своем сайте кафедра морского английского языка¹.

¹ URL: <https://morvesti.ru/themes/1700/68510/> (кафедра – часть ФБОУ высшего профессионального образования Санкт-Петербургский гос. ун-т водных коммуникаций).

Показательно, что двуязычие отличает сайты гуманитарных исследовательских институтов: сайты Института Европы РАН, ИМЭМО РАН¹ и т.д. Преподавание ряда российских программ также ведется на английском². Английский язык являет собой субстрат переводческой технологии. Укажем в этой связи некоторые из многочисленных сайтов билингвальных словарей³.

Функционирование английского языка в медийной сфере

В сфере медиа в советское время существовала отечественная англоязычная газета «The Moscow News», в перестроенное время она дополнилась газетой для экспатов «The Moscow Times». Англоязычный советский журнал «Soviet life», издаваемый в США, был преобразован в «Russian Life»⁴.

Вполне естественен возникающий вопрос: каких языковых способностей требует работа в англоязычных медиа?

Известно, что в «The Moscow News» работали репатрианты, например Сергей Сосинский⁵. В газете долгие годы работал С.Н. Сыроваткин (под псевдонимом Сергей Рой). Вот как он представлен на одном из сайтов Интернета: «Сергей Николаевич Рой – журналист, писатель, поэт-переводчик. Рой живет в Москве, пишет по-русски и по-английски. Перевел на английский десятки книг, особенно поэтических, для московских и зарубежных издательств. Главный редактор “Moscow Magazine” (1994–95), “The Moscow News” (1995–2004), позднее – электронных изданий www.intelligent.ru и www.guardian-psj.ru. На протяжении ряда лет еженедельно публиковал в “The Moscow News” очерки о периоде перестройки под общим названием “Collapse of a Colossus”. Сергей Рой – страстный путешественник, на материале своих дневников опубликовал несколько книг (“Закон – тайга”, “Соло на Аrale”, “Дурной круиз”) и

¹ URL: <https://en.instituteofeurope.ru/> ; URL: <https://www.imemo.ru/en>

² URL: https://www.mba.su/rejting_biznes_shkol_2022_mba_su/

³ URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/translate/> ; URL: <https://translate.yandex.ru/> ; URL: <https://www.deepl.com/ru/translator> ; URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> ; URL: <https://ru.duolingo.com/> URL: <https://skyeng.ru/articles/luchshie-online-perevodchiki/>

⁴ URL: <https://www.marxists.org/history/ussr/culture/soviet-life/index.htm> ; URL: <https://www.russianlife.com/>

⁵ URL: https://nvo.ng.ru/history/2011-09-09/15_rodina.html?id_user=Y

множество рассказов о приключениях в дикой природе в России и иных странах»¹.

Опишем сегодняшние медийные реалии. Двуязычен сайт Президента РФ². Показательно, что на странице Президента РФ в YouTube нашумевшее интервью с Т. Карлсоном представлено как на русском, так и на английском языках³, некоторые события представлены в роликах с английскими хэштегами, с переводом⁴: например, #WeAreTogether award ceremony.

В России в электронном пространстве существуют современные СМИ, рассчитанные на англоязычную аудиторию:

<https://tass.com/>

<https://www.rt.com/>

Социологические медиаметрические исследования показывают значительность аудитории англоязычных средств массовой информации – Russia Today и т.д.

Новейшие медиа существуют с новыми технологиями блогинга, подкастинга, стриминга. Треш-стримы вызывали законодательное запрещение и самого слова, и явления⁵.

Английский присутствует на сайтах въездного туризма: сегодня растет турпоток из Китая, стран арабского Востока. Демонстрируют работу на российском ТВ и в Рунете на английском языке Стас Натанзон и прочие путешественники-блогеры.

Функционирование английского языка для знакомства с мировой культурой

Невозможно изучать язык, руководствуясь лишь прагматическими мотивами – надо сдать экзамен, хочу грамотнее говорить, чтобы взяли на приличную работу, по работе требуется перевести технические тексты и т.д.

Одинаково малопродуктивным является концентрирование на «ключевом вокабуляре» – минимальном словарном запасе, ядре ментального лексикона человека и т.д. Некоторые научные деятели даже полагали, что, работая с этим ограниченным *pidжин*-

¹ URL: <https://www.livelib.ru/author/115954-sergej-roj>

² URL: <http://kremlin.ru>

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hYfByTcY49k>

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0vllfwFmSg> ; URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qe8p0-dWupM>

⁵ URL: <http://duma.gov.ru/news/58701/>

английским (*Basic English*), они смогут достичь каких-то необыкновенных научных результатов исследования языка (концепция базового лексикона в психолингвистике и т.д.)

Закономерным является обращение к пластам языка вроде бы несовременным, особенно актуально такое обращение на продвинутом этапе изучения языка.

Шекспировский дискурс – средоточие английской культуры. Наряду с Библией именно эти тексты являются каноническими на английском языке и на языке перевода, они составляют общий фонд культурного наследия образованного слоя населения. Рецепция Шекспира хорошо известна. Известна и работа Т.Л. Щепкиной-Куперник, М.М. Морозова, А.А. Аникста, С.Я. Маршака по представлению наследия Шекспира советскому читателю. Эта работа отражена шекспировской энциклопедией и сайтом «Мир Шекспира»¹. На последнем перечислены переводчики, исследователи, режиссеры-постановщики Шекспира.

На новый уровень такая работа выходит в связи с тем, что шекспировский дискурс становится общедоступным. При помощи Интернета становятся доступными тексты пьес, записи спектаклей, аудиозаписи, шекспировская мультипликация, сцены из спектаклей Британского театра «Глобус», Национального шекспировского театра. Возможно знакомство с творчеством выдающихся актеров шекспировского театра – Иэном Маккелленом, Джуди Денч, Лоуренсом Оливье, Джоном Гилгудом и т.д. Шекспировский дискурс дополняют фрагменты телепередач, лекции, выступления непрофессиональных театров, рассказы литературоведов – Г. Блума, А. Аникста и т.д. Инкультурации способствуют представления Шекспира на русскоязычных и особенно автохтонных сайтах: коллизии и образы, шекспировский ямбический пентаметр, эмблематичность языка, метафоры, цитаты. Показательны трактовки Шекспира иными семиотическими системами: Шекспир «переведен» на языки киноискусства, балета, мюзикла, оперы.

Для обучаемых – это знакомство с британской и мировой театральной традицией, с достижениями Ф. Дзеффирелли и т.д.

Формированию языка как средства знакомства с культурой способствует работа переводчиков: работа школы советских пере-

¹ URL: <https://world-shake.ru/ru/encyclopaedia/3672.html> ; URL: <https://rus-shakespeare-enc.slovaronline.com/>

водчиков-кашкинцев, Р. Райт, Н. Галь, К. Чуковского и т.д., современные художественные переводы¹.

Английский язык как задача обучения

На протяжении одного поколения отечественные преподаватели английского языка работали с пластинками Р. Диксона с записанными речевыми клише и нереальными диалогами, изучали учебник «про семью Ивановых, имеющих комфортабельную квартиру в Москве и проводящих отпуск на курорте в Сочи», читали газету «Московские новости» с ее клише политической пропаганды, смотрели редкие фильмы в кино на изучаемом языке. Потом все это сменилось аутентичными учебниками, направленными на диалогизацию общения, кассетами, цифровыми технологиями.

Фильмы на английском языке в доцифровые времена изредка шли в кинотеатрах, потом появились видеотеки, собрания DVD-дисков. Опции многократного просмотра, разных режимов просмотра диктовали новые возможности лингводидактики и методики работы с кино- и видеоматериалами [Российский рынок онлайн-образования ..., 2023].

Публицистический стиль привлекал в лингводидактике английского языка недостаточное внимание в прежние, доинтернетовские времена. Обучаемые читали газету «The Moscow News», затем «The Moscow Times». Идеологические клише были малоинтересны, скорее, чтение прессы воспринималось как возможность увидеть то, как можно рассказать о нашей современной жизни.

В киосках была газета британских коммунистов «Morning Star», однако в Москве номенклатура доступных изданий была чуть больше. Элементарной газетной лексике, коллокациям, частым грамматическим явлениям в языке газеты обучало, например, популярное тогда пособие «Учитесь читать английскую газету» Т.А. Зражевской и И.М. Козловской². Можно было послушать программу радио, особенно легко ловилось радио религиозной тематики (не глушилось). В библиотеках были представлены тогда еще выходившие на бумаге «Newsweek», «Economist». Вспомним,

¹ URL: <https://tversu.ru/news/28952> ; URL: <https://tver.mk.ru/articles/2017/12/06/aleksandr-safronov-rabota-perevodchika-srodni-akterskoy.html>

² Зражевская Т.А., Козловская И.М. Учитесь читать газету на английском языке: учебное пособие, учебники. – Москва: Междунар. отношения, 1966. – 263 с.: ил.

каким прорывом для изучающих иностранный язык оказалась возможность принимать программы спутникового телевидения. Есть основания думать, что это массмедиа также было средством уничтожения железного занавеса.

Современный этап работы с медиа характеризует наличие пользовательского контента, видеохостингов, блогов, сайтов, медиатизацию жизни («чего нет в жизни – нет в медиа, чего нет в медиа – нет в жизни»), наличие большого количества конвергентных медиа (все пути предоставления контента «сходятся» на экране любимого мобильного телефона). Появилась возможность читать и смотреть любые аутентичные медиа, что дает новые возможности для лингводидактики. Этого, конечно, не было до интернетизации, некоторые дискурсы были малодоступны.

Массмедиа представляют широкую панораму событий – от политики до культуры и спорта, полотно социальной жизни, экономики, и это особенно важно на фоне медиатизации жизни.

Возникает медиаопосредованный путь создания билингвизма. На продвинутом этапе языкового обучения «медиапедагогические» меры включают работу по страноведению (культуроведению), освоение медийной повестки и профессиональный пласт языковой личности.

Укажем на категории имеющихся в распоряжении обучаемого ресурсов:

- работа с доступными в Интернете ресурсами – аудиокнигами
<https://www.youtube.com/watch?v=Fim5AejpScY>
- ресурсы самого начального уровня, адаптированные книги
<https://www.youtube.com/watch?v=iYvOdXTH4Nc>
- практики чтения, совмещенные с аудированием
<https://www.youtube.com/watch?v=jYdmXuh6gTI>
- российские ресурсы, позволяющие быстро повторить английскую грамматику типа учебника Мерфи
<https://www.youtube.com/watch?v=xRrpvSeQq3Q>
(они могут быть использованы вместе с аутентичными ресурсами)
- фонетическая зарядка: скороговорки, обеспечивающие тренировку фонических навыков
https://www.youtube.com/watch?v=WRui2_7Jt-8
- подкасты продвинутого уровня
<https://www.youtube.com/watch?v=JLaeBWgodhA>
<https://www.youtube.com/@LukesEnglishPodcast>
- повторение примитивной прагматики

<https://www.youtube.com/watch?v=v-jIvacpsxI>
<https://www.youtube.com/watch?v=uUMPULuwDLI>
<https://www.youtube.com/watch?v=rhpO-cCM0u0>

При этом часть материалов – исключительно аутентичная. К таковым относятся, например, интернет-материалы по тематике акцентов и региональных вариантов произношения в английском языке:

https://www.youtube.com/watch?v=1m94y7cj-00_
<https://www.youtube.com/watch?v=IL2MJ8rQ12E>
https://www.youtube.com/watch?v=mXpW_WyZpmQ
<https://www.youtube.com/watch?v=H1KP4ztKK0A>

Аутентичный дискурс на видеохостингах выполняет и функцию демонстрации разных вариантов дискурса, разных социолектов, социально престижной произносительной нормы. Так, известные работы по вариантам и вариациям английского слова, выполненные в школе проф. МГЛУ Васильева (проф. Шахбагова, Шевченко и др.), могут быть проиллюстрированы разнообразным аутентичным материалом:

<https://www.youtube.com/watch?v=EHgrDDwXkTA>
<https://www.youtube.com/watch?v=g0qShxkuS7Q>
https://www.youtube.com/watch?v=u_BDG9JtGw8

На определенном этапе работа над грамматикой, фонетикой и лексикой перестает быть необходимой. Все эти примитивы усвоены, даже если они преподаются носителями языка:

<https://www.youtube.com/watch?v=wQIoo8OivsA>

Пользуется относительным успехом билингвальный сопоставительный метод:

<https://usefulenglish.ru/>

А механическая работа с собственно строевым материалом языка – лексикой – вне контекста, сама по себе начинает раздражать. Человек-билингв – это не словарь!

<https://www.youtube.com/watch?v=Bt8OTU34WKw>
<https://www.youtube.com/watch?v=Mkxixi-Xi7M>

Этого часто не понимают многочисленные преподаватели. Они объясняют язык. Но на определенном этапе такие объяснения бессмысленны. Известен парадокс знания родного языка без «ненужной» теоретической грамматики:

<https://www.youtube.com/watch?v=fkooLJ9MWVE>

Приведем показательные сайты для методического обеспечения изучения английского языка в Рунете:

<https://preply.com/ru/blog/6-neobychnyh-sajtov-dlya-praktiki-i-izucheniya-anglijskogo-yazyka-onlajn/>
<https://www.youtube.com/watch?v=Jjb-G5xDkeg>
<https://englex.ru/top-22-websites-for-beginners/>
<https://journal.tinkoff.ru/list/english-online/>
<https://www.britishcouncil.ru/english/websites>
<https://englex.ru/>

Показателен отбор материалов для обучения, степень его устности, разговорности, формальности, аутентичности, подготовленности (спонтанности); здесь продемонстрированы особенности форматов работы с медийным материалом на продвинутой ступени обучения, направленные на развитие принципиально иных, характерных для цифровой среды обучения навыков речевой деятельности. Кроме учебных курсов в распоряжении обучаемого в одном клике мыши находятся аутентичные новости, видео, компьютерные игры, видеофильмы, видеоблоги, записи [Harmer, 1998]. Наступил современный медиапедагогический этап. Медиапедагогика понимается очень по-разному: и так, чтобы технологии кино становились знакомыми обучаемым (киноклуб изучения профессий кино), и как медиакритика фильмов, и вплоть до создания собственных медиаресурсов, работы с другими медиаресурсами и т.д. [Жилавская, 2021].

Нас в силу простоты, доступности и градуированной сложности, чрезвычайной разножанровости и разнообразия тематики дискурсов занимает медиаматериал для самообучения на видеохостинге YouTube. Задачей видится не изучение медиа ради медиа или ради языка, а медиа как проводника к изучению культуры и общества. Сформировался новый мир YouTube-журналистики как возможности снимать малобюджетное документальное кино, налаживать аналитическое вещание. YouTube-журналистика как основа медиакommunikации обсуждалась в работе трехлетней давности Л. Зубковой [Зубкова, 2021], прозорливо отмечавшей главенствующую роль видеохостинга в поставке контента. Эта работа, конечно, отражает современную тенденцию придавать значимость видеохостингам и стримам. Немаловажной видится и возможность интеракции новейших медиа со зрителями.

Роль языка в медиаобразовании

Изучение языка должно обеспечивать возможности социализации в языковом коллективе. Обучаемому необходимо приобрести

такие знания и умения, которые обеспечивали бы его существование в языковом коллективе. Это меняет акценты, ставит задачи, выходящие за пределы изучения собственно языка, задачи, находящиеся за пределами развития канонических четырех видов речевой деятельности.

Обеспечивают достижение этих задач современные масс-медиа.

Показательна современная цифровизация многих сфер жизни и многих дискурсов. Налицо особенности такой среды, ведь в медийной коммуникации состоялась нивелировка границ между межличностной и массовой коммуникациями. Есть и другие особенности медийного дискурса – увеличение объема и плотности коммуникации, расширение информационного пространства, дробление информации, усиление роли субъективной оценки, возникновение ролей субъекта коммуникации, деперсонализация, анонимность, карнавализация, изменение субъекта сетевого общения, размытость идентичности, «битва дискурсов» и т.д. Явственна важность информационной социализации и самопрезентации в виртуальной среде.

Применение сетевых ресурсов разнообразно. Сетевой дискурс используется не только для профессионально-образовательных целей, но и для политической мобилизации, социальной коммуникации, управления, маркетинга, PR, психологии личности, творчества. Показателен интерес к медиапроизводству на английском языке.

Произошла дигитализация музейной работы. Так, онлайн-программа биеннале «Искусство будущего» целиком посвящена новым медиа: https://artforthefuture.art/2021/online_projects/index.php?lang=ru

Система гипертекста арт-дискурса может быть продемонстрирована и на примере каналов видеохостинга YouTube.

Сетевое вербальное поведение макаронического типа отражает повседневность – ресторан, дискотеку, компьютерные игры¹, мировую рекламу и ее адаптацию. Вообще показательна модель изучения английского при помощи компьютерных игр².

Можно отметить, что широко представлены не самые распространенные, редкие дискурсы, например, деятельность молодых кинематографистов, короткометражное кино, документальное

¹ М. Шибяев. Из виртуального в реальное. – URL: <https://sreda.v-a-c.org/ru/read-36>; <https://www.cybersport.ru/>

² URL: <https://habr.com/ru/companies/englishdom/articles/429716/>

кино. Произошла цифровизация архива телевидения, что важно для разговоров о принципах, достижениях и истории телевидения.

Показательно, что мы имеем дело с новейшими англоязычными СМИ, с их характеристиками – гипертекстовостью, мгновенностью, интерактивностью, мультимедийностью, трансграничностью, возможностью читать комментарии к интернет-текстам, в частности в блогах.

Эти медийные источники оказывают влияние на родной язык. Это интерферентное влияние на язык и речь, выражающееся в нарушении привычного интонирования русской фразы в устной речи (вторжение англоязычного *rising tune*), в явлении варваризации языка.

Функционирование английского языка в русском экономическом дискурсе¹

Современная стилистика изучает не только функциональные стили языка, но и виды дискурсов – медицинский, военный, технический, юридический, экономический и т.д.

Динамичный медийный язык новой российской экономики является предметом рассмотрения в нашей работе

Например, обращает на себя внимание принципиальная новизна экономического дискурса на русском языке, в устах русской языковой личности не имевшего аналогов до середины 1970-х годов. В этот период в рамках Торговой палаты начали изучать маркетинговые идеи. Были переведены на русский язык работы, ставшие библией маркетинга (например, классический учебник Ф. Котлера «Маркетинг»). Маркетинг был институализирован, приняты его идеи – продавать то, что потребляется, а не потреблять то, что производится. Сам маркетинговый подход был нов. Дальнейшее развитие характеризуют изменения в потреблении, развитие сервисной экономики, крушение социалистического планового хозяйства, отпуск цен и т.д., укоренение идеи потребителя, диктующего действия производителя, идея экономической свободы и частной собственности (бывшей табу, ее стыдливо заменяли *личной собственностью* еще при жизни ныне живущих поколений). Характерна смена парадигмы экономического мышления, смена концептов.

¹ Материал разделов 8, 9, 10 собран автором во время выполнения работы [Бушев, 2010].

Для экономиста и управленца показательно возникновение нового менталитета, проявляющееся и в концептуальной сфере, и в сфере языковых знаков.

Примеры развития языкового сознания русской языковой личности эпохи глобализации приводятся в работах, посвященных профессиональному экономическому лексикону и вербальному поведению русской языковой личности в современном русском экономическом дискурсе [Томашевская, 2006].

Пристальное внимание экономистов вызывает *бенчмаркинг*. В русском языке оказывается заимствованным как само слово, так и концепт. Бенчмаркинг – техника сравнения с лучшим по профессии. Но это лишь частичный и очень приблизительный эквивалент. Ведь этот концепт – звено нового менталитета в русском языке, менталитета стратегического менеджмента и рыночного администрирования.

Обсуждая этот концепт, смотрим, насколько бенчмаркинг распространен как анализ поведения лидеров: Xerox, Kodak, Motorola, IBM активно используют его, чтобы снизить издержки, ускорить разработки. Тут и происходит концептуальная добавка к менталитету. Областью приложения бенчмаркинга является установление основных факторов, подлежащих анализу, выявление лидеров, сбор информации, сравнение и разработка стандартов, мониторинг.

Концепты экономического дискурса новы и сложны. Приведем другой пример того, как сами концепты могут быть заимствованы [Агаркова, 2001]. Таким является концепт *корпоративное управление* [Корпоративный секретарь, 2005] – калька с английского *corporate governance* (иногда имеющее синонимом *corporate management*). С учетом имеющихся определений данного понятия можно выделить в качестве участников системы корпоративных отношений менеджеров, различные группы и категории акционеров и так называемые другие заинтересованные группы (кредиторы, персонал, партнеры, местные сообщества, власти и пр.), а в качестве основной задачи – обеспечение деятельности компании в интересах указанных участников этих отношений. Обратим внимание, что в вышеуказанном перечислении английский термин *stakeholders* получает эквивалент на русском: «иные заинтересованные группы». Тридцать лет назад бессмыслен был текст, подобный следующему: «Задачей является реализация корпоративным секретарем своих основных функций – обеспечение созыва, подготовки и проведения общего собрания акционеров». До акционирования предприятий в

эпоху перестройки вне вокабуляра и концептуального аппарата русской языковой личности находился, например, и столь простой сегодня концепт «владельцы контрольных пакетов акций» (controlling shareholders, majority stake owners). Наряду с общераспространенными терминами (такими, как «спрос» = «demand») обращает на себя внимание терминологическая перенасыщенность экономического дискурса узкоспециальными, малопонятными терминами.

Особенности дискурса – новизна, большое количество заимствованных мировых идей и концептов, проявляющихся в заимствовании терминов, транслитерации, калькировании, неясность семантики общих терминов, характерная для социального дискурса в целом (*laissez faire*, *кейнсианство* понимаются по-разному разными исследователями). Экономистам, выступающим с объяснениями и прогнозами в медиа, справедливо адресуются упреки в сложности, непонятности текстов СМИ. С этим связаны и переводческие трудности – необходимость избегать нагромождения транслитераций, толковать эпонимические названия, понимать семантику термина.

Злоупотребление англоязычной терминологией порой маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоение истин извне без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за оригинальным, не всегда доступным декодированию «фасадом»: *промоушен, комиссионер, индемнитет, конвенционный, консорциум, контрагент, контракт «продакшн шеринг», контроферта, транзиция, лаг, ликвидность, лизинг, ликвиды, лимиты...* Переводоведческую проблему представляет перевод неассимилированных слов и заимствований. Характерной приметой выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка: *дисбурсментский счет, аудит = ревизия, авуары = денежные средства, акт сюрвейера = наблюдателя, онкольная операция (on call), опцион, бонусное отчисление, хеджер, детенишен, риелтор, дистрибьютер, дисконтер, рецессия, римесса (remittance), роялти, таксатор (tax-collector).*

Подобно транслитерации варваризмов к сходным семантическим явлениям в газетах мы относим необоснованно частое и не вызванное объективными потребностями речевого поведения калькирование англоязычных терминов, особенно терминов-словосочетаний: *расширять продажу (expand = extend sales), платеж против аккредитива (payment against a L/C), оценка по критерию «цена – качество» (cost effectiveness = рентабельность),*

одобренный банк (*approved bank*), свободно плавающая валюта (*freely floating currency*), пролонгированный (продленный) вексель (*extended = prolonged bill*), эскалация цен (*price escalation*).

Необходимость объяснительного перевода может быть связана с недостаточной популярностью транслитерированного заимствованного термина: *бидер* = участник торгов; *бэквардэйшн* = биржевая игра на повышение и др. Сегодня невозможно ограничиться национальными и переводными фрагментами экономического дискурса.

В идеале при специализированном заимствовании мы должны освоить и термин, и стоящее за ним понятие. Например: *форфейтинг* – одна из форм платежа, при которой покупатель часть сделки оплачивает наличными, а для оплаты оставшейся величины получает среднесрочный кредит. Так, концепт *траста* мало присущ в целом в романо-германской правовой системе, он инновационен и в новом гражданском законодательстве России. Для англосаксонской правовой системы в ее американском варианте характерны *доверительные операции банков* – операции банков в виде банковских услуг, выполняемые по поручению частных лиц и фирм, являющихся клиентами банка, в интересах этих клиентов. Причем, как известно, доверительные операции для частных лиц представляют собой управление имуществом по доверенности, хранение ценных бумаг, консультирование по вопросам приобретения и продаж недвижимости и ценных бумаг. Доверительные операции для фирм представляют собой осуществление платежей, обслуживание процессов распространения и оплаты облигаций фирмы, выполнение роли агента АО, распоряжение имуществом по доверенности. Отсюда и многочисленные языковые инновации: *trust, fiduciary, grantor, donor, corpus, trust fund, trust estate, testamentary trust*.

В книге И. Акулич [Акулич, 2006] указываются недавно еще «слабо осязаемые» для гражданских лиц способы выхода на внешний рынок – *экспорт, совместная предпринимательская деятельность – контрактное производство, международный лицензинг, международный франчайзинг, стратегический союз, управление по контракту*.

Возможны и собственно концептуальные изменения без ярко выраженных заимствований из чужого языка. Так, качественно новыми являются теории человеческих мотиваций в менеджменте – А. Слоу, К. Альдефер, МакКлелланд, Ф. Герцберг, Мэррей, М. Рокич. Идеология *customer-oriented approach* – квинтэссенция маркетингового подхода к покупателю. Осваивая неоклассический синтез,

невозможно пройти мимо семантизации прецедентных имен — *Stigler, Thomas Nagle, Lawrence Summers*. В обиход входят сами реалии глобализации: *The World Bank, IMF*.

Повседневный разговорный и художественный макаронический язык в России

Проблематика дискурсов в СМИ давно является предметом внимания языковедов. В связи с заявленной темой, например, традиционно эпатирует «МКСтраница». В газете «Московский комсомолец» (тоже хороший пример стилистической функции, силы имени, стереотипа, бега времени) музыкальной эстрадной культуре посвящены «Звуковая дорожка» и «Музыка, образы, стиль Капитолины Деловой». Здесь можно встретить сообщения о том, что «три аппетитные герлы скачут и яростно трясут патлами под жесткий синтетический ритм», про компьютерный треш-фэшн, ненависть к стилю хаус («*Я не то что бы ненавижу хаус этот. Просто мне не нравится смотреть, как люди танцуют, отдыхают под музыку устаревшую, заплесневелую*» или «*Ну да пошел вон тот устарелый гламур, что ходит на вечеринки Роджера Санчеса. Вообще ходить на такие веселухи — все равно что на концерты рок-старперов типа «Роллигн стоунз»*») («Московский комсомолец» № 239 от 29 октября 2003 г.). Подобные статьи всегда полны жаргона («Но на ваших же вечеринках куча **фриков!**» — «Да нет, самые обыкновенные люди угорают под **электроклэш**». О популярности можно судить по тому, что «крупнейшие **рекордлейблы** тоже гоняются за артистами **электроклэша**»). Всякому становится понятно, что «ведь раньше выступления электронных артистов были совсем неинтересными. Ну выходит Моби, топчется себе на сцене. А персонажи электроклэша делают настоящее шоу, феерический зажигательный **перформанс**... И это все очень иронично, прикольно, с хорошим вкусом, конечно же») («Московский комсомолец» № 239 от 29 октября 2003 г.). Налицо инкрустация русской речи варваризмами.

Приведем пример из журнала о гостиницах: *У нас есть и up-to-date размещение*. При переводе теряется сигнал, подаваемый при помощи варваризма — «продвинутость». Смысл «информация из первых рук, не понаслышке, общность прошедших стажировку», апелляция к слоям, читающим по-английски. В сфере мобильной телефонии свои ксенонимы: *wap-GPRS, WiFi, Bluetooth*,

Web-камера... Частым становится употребление слов из профессионального просторечья компьютерщиков, силовиков, молодежный сленг, аргю, уже обсужденные нами выше. Характерна специфическая манера речи – американизированные интонации типа *rising tune*, характер общения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (*пиплы, хай, хавать будем*).

Приведенными примерами иллюстрируются *варваризация* и *жаргонизация*. Часть из новых заимствований привносится в язык в силу того, что не существует слов для самих понятий (сканнер), часть как эвфемизм (маржа, секьюрити), часть из дурной моды отказываться от своего. Необоснованные варваризмы, по сути дела, выступают метафоризацией престижности.

Злоупотребление англоязычной терминологией маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоенность истин извне, без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за не всегда доступным декодированию «фасадом»: *легальность, легитимность, промоушен, комиссионер, индемнитет, ратификация, конвенционный, компетенция, консигнация, консорциум, контрагент, контракт «продакшн шеринг», контроферта, конъюнктура, котировка, транзигция, лаг, ликвидность, либерализация, лизинг, ликвиды, лимиты...* Наблюдается засилье и повседневной иностранной лексики, в том числе сниженной, употребляемой к месту и не к месту, – *нюсмейкер, бебиситтер, кастинг, киллер, промоушен, менеджер* (вместо продавец). Вплоть до смешного: *«Ильич – бренд нашего города»* (об Ульяновске).

Подобно транслитерации варваризмов к сходным семантическим явлениям в газетах мы относим необоснованно частое и не вызванное объективными потребностями речевого поведения калькирование англоязычных терминов-словосочетаний: *валюта, привязанная к доллару (currency pegged to dollar), расширять продажу (expand = extend sales), платеж против аккредитива (payment against a L/C), оценка по критерию цена-качество (cost effectiveness = рентабельность), одобренный банк (approved bank), длинные кредиты (long money)* и др.

Калькирование наблюдается и в манере построения фразы, что доказывает обильные заимствования в менталитете в сфере менеджмента: *«Доставка может быть осуществлена с завода... Мы размещаем заказы... Мы (существуем) на рынке... Возможно, мы сможем дать Вашей компании большие заказы... Драматически изменить стиль... Доставьте на наш адрес...»*.

Надуманная аббревиатурность (поставляем в ценах СИФ, ведем расчеты в ценах ФОБ), увлечение различными индексами (часто эпонимы) тоже заставляют выглядеть текст «иностранным». Корпоративная культура, идентичность, базовый эшелон миссии организации, идеология бизнеса, организационная культура, слоган тоже этноспецифичны. Это может быть явно видно даже на уровне лексики: *бренд, информационная поддержка, продукт, диверсификация, валютный дилинг, форвардный, фьючерсный, венчурный, опционная сделка, операционный маркетинг с краткосрочным горизонтом планирования, генерация доходов от продаж, corporate identity, superordinate goals, business mission, portfolio, брендовая FMCG, медиапланирование, проведение трейдовых акций, бюджетирование, HR-специалист, человеческие ресурсы, наблисити, гудвил*.

Социальные перемены в современном российском обществе вызвали невиданные изменения и в разговорном русском языке. Современная беллетристика, где язык, по меткому выражению В.В. Виноградова, олитературируется, также не может не отражать эти изменения. Феномен билингвальности в современном российском бизнесе (русский плюс английский, официально продекларированные международными компаниями в качестве кредо) влияет на состояние современного русского языка.

Современная российская беллетристика дала прекрасный полевой материал – книги С. Минаева «Duxless» и «The Тёлки»¹. Главный герой указанных романов – бизнес-профессионал из международной компании в Москве.

Разговорный язык героев пересыпан английскими словами:

– *И ты собираешься уехать в Штаты?* – *Еще пару лет, honey. Получу head of purchasing, осуществляю some investments и все. Быстро сделать карьеру и состояние можно только в России, you know, а делать investments и жить я хочу в America.*

Язык как романа, так и героев воплощает их ценности. Это мир менеджмента, имеющего вестернизированный флер:

– *Ты решил отменить совещание?* – *Management meeting? Совещание? Нет, honey, солнце мое. Просто тут у меня... – you know – порезал десну. Да мне тут на reception desk... секретариши дали drug... из аптечки.*

¹ Минаев С. Duxless. Аудиокнига, 2006. Минаев С. The Тёлки. Аудиокнига, 2008.

Когда тебе дадут пост партнера, ты будешь исполнять same tricks.

– Это слишком *overestimated* проблема, – говорит одна из героинь подруге. – Компания Вадима купила в сериале продакт-плейсмент для своих духов.

– Ленка. Я тебя умоляю. Все cool. Лена, relax, что такого произошло?

Клавишей *Escape* мне служили книги, привезенные мамой из *Russia*.

Это компьютеризированный мир, мир дивайсов:

В *аттаче* – текст статьи. Дома открываю почту, вытираю сотню писем спама. Отвечаю на какие-то каменты в своем ЖЖ.

Обратный перевод макаронических текстов представляет собой проблему: они теряют стилистическую характеристику.

Наряду с вторгающейся в язык варваризацией идет жаргонизация – широкое присутствие арготизмов, молодежного и компьютерного сленга англоязычного происхождения: *аккаунт*, *анлимитед*, *апгрейд*, *апдейт*, *аттач*, *бластер*, *браузер*, *брандмауэр* (то же, что и *файрволл* – пояснение), *инсталляция*, *интерфейс*, *кластер*, *коннект*, *крэкер*, *кулер*, *курсор*, *кэш*, *мейлер*, *модем*, *модератор*, *монитор*, *ноутбук*, *патч*, *портал*, *принтер*, *провайдер*, *слэш*, *сканер*, *стимулятор*, *сэмплы*, *трэкбол*, *утилиты*, *флор*, *хакер*. Просторечие, особенно молодого поколения, насыщено жаргоном, в том числе общим. Жаргон заполонил СМИ, литературу. Характерно, что ряд заимствований переосмысливается в языковой игре. Результаты варваризации в языке вовлекаются в процесс построения арготизмов: *черный нал*, *маржа* (*margin*), *карга* (*cargo*). Показателен лингвоцентризм жаргона: *аська*, *батоны*, *винды*, *варез*, *винт*, *доска*, *ламер*, *юзер*, *мать*, *мастдай* (*mustdie*), *оффтопик*, *пень*, *псюк*, *прокси*, *рулез*, *сидюк*.

При изучении общемолодежного жаргона, складывавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х годов, языка различных групп молодежи, а именно – музыкантов, диггеров, путешественников автостопом, байкеров, спортивных фанатов и многих других – обращают на себя внимание как метафоризация и переосмысление (семантические способы), так и транслитерация слов: *Акум*, *активный флип*, *Алик* (мобильные телефоны фирмы *Alkatel*), *битая трубка*, *биллинг*, *блютуз*, *голозуб*, *синезуб*, *браузер*, *вапиться* (пользоваться *WAP*-режимом), *ваять мэски*, *вибра*, *гнумас*, *горючесмазочные материалы* (*GSM*), *Жаба* (*Java*), *кирпич* (телефон, имеющий большие массу и линейные размеры), *красный глаз*

(IrDA), лыжа, мотор, моторулез, нетбизя (network busy), нюша, ночка, чухня, перешивать (перепрограммировать интегральную микросхему памяти сотового телефона), распиновка (описание назначения контактов разъема сотового телефона), роуминг, Се-мен, Сима, соньерик, Филипп, хот-биллинг, ШАРЖПРС (просторечное название функции WAP-GPRS).

Макаронический разговорный язык

За последние десятилетия язык в целом, а точнее, пласт молодежной лексики и жаргона, «обогатился» следующими прописавшимися транслитерированными и не всегда приспособленными по форме к нормам русского языка заимствованиями: Бишура (от англ. *be sure* – тест на подтверждение беременности, от надписи на упаковке), сейшн, беби, найсовый, апгрейдить, аскер, аскашь, байкер, байк, берздей, бестовый, беспрайсовый, блэковка, блэк, бразер, брейкер, задринчить вайну, вайф, винды, виндовский, войс («Войс был молодой, звонкий, веселый»), выдринкать, герлы, гуд, даун, дарлинг, драйв, дринкать, дэнс, заинсталить, задринчить, заслипать, засэйшенный, зафачить, трузера на зипперах, ивнинг, интерсейшен, искейпнуть, кантри («Поехали на кантри!»), крейзи-хаус, лайкать, лейбл, мани, мессидж, миксовать, милитэр, мэновыи, мэйкаться, мэйло, найтовать, ньювейвицик, олдовый, отпринтить, отфачить, отфэйсовать, парента, пати, перенайтать, пипл, поспикать, прайзовый, прайс, проаскнуть, пэрэнс, рейв, релакснуться, рингануть, флет, сконнектиться, спикать, тин, трэшер, фазер-мазер, фак-сейшн, файновый, фэн, фейс, френд, форэвер, форин, фейсушник, хич-хайк, шузы. Характерна специфическая манера речи – американизированные интонации типа *rising tune*, характер обращения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (пиплы, хай). Исследования вышеуказанных феноменов позволяют отчетливо видеть новый ракурс социолингвистики – внимание к средствам выражения социальности в языке и формирование языком социальности и культуры [Йоргенсен, 2008].

Определим сферы сетевой коммуникации, где возможны инкрустации английской речи. Наш ход рассуждений таков: явления культуры мирового масштаба могут вызвать комментарии и по-русски, и по-английски, что будет свидетельствовать о международной аудитории виртуальной коммуникации. Предположения диктовали имена звезд балета (Уланова, Плисецкая, Цискаридзе, Барышников, Нуриев), деятелей культуры, снискавших успех на Западе (Рахманинов, Бродский, актуальные художники), выдающихся деятелей науки и литературы (известна, например, всемирная популярность теорий М.М. Бахтина), В.Н. Образцова. На наш взгляд, также можно ожидать международной англоязычной аудитории на блогах известных отечественных спортсменов, артистов и музыкантов.

Наше предположение в результате поиска подтвердилось:

Ресурс Mikhail Baryshnikov in the ballet by L. Minkus «Don Quixote». 1984¹.

Art Lover

Михаил Барышников в балете Л. Минкуса «Дон Кихот». 1984. Метрополитен Опера, Нью-Йорк. 1984. Режиссер: Михаил Барышников.

53 комментария

@tanon5765

@user-jc5 ci8 mp4 u

4 года назад

Фантастика! Здесь не получается говорить о прыжках – это полеты! И даже тяжелого дыхания не видно после окончания вариации.

@tatianan6976

3 года назад

Барышников, Bravo, не устаю восхищаться

@quinnhen2325

5 месяцев назад

Amazing!!! Masculine, sexy and unbelievably talented!!!

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=IJg9yidmE-Q>

@user-qq6 te9 ju7 d

5 месяцев назад

Спасибо, что есть такой танцор!

@anare4333

1 год назад

Ato essa apresentação de Baryshnikov: é a síntese da perfeição.

Não me canso de ver. Bravo!Brgds from Brasil SP

@hextoken

5 месяцев назад

Better than most top male ballet dancers today with the exception of a few minor technique improvements.

@lilytaras

5 лет назад

Уровень – Бог!

@AnaLuiza-rl9 ee

5 месяцев назад

Esse homem é um milagre da natureza

@user-un5 gt3 mn8 k

3 года назад

Браво! Неповторимо!!!!

@alinegierak920

1 месяц назад

Sublime magnifique!

@user-vj9 lf2 fq3 b

2 месяца назад

Шикарно!

Phantastic!!!!!!!!!!!!. Can't believe in such talented dance. Unprecedented

@pavelmunoz478

3 месяца назад

Que maravilla.

@danielaescobar2499

1 год назад

Dios bendito que maravilla

@lorrainelevesque3123

2 месяца назад

Le Grand, l'Unique Baryshnikov

@barneyronnie

6 месяцев назад

Turns me ON

@anastasiavash5647

5 месяцев назад

@nataivanutenko9186

4 месяца назад

Ссср вырастил столько гениев!!

@user-xu3 id4 yi9 b

5 месяцев назад

00:57 invention of mic drop.

Выводы

Использование элементов английского языка варьирует по целям и выраженности в разных речевых сферах, разных стилях, разных дискурсах русского языка. Сферой наибольшего проникновения англицизмов в язык являются попкультура во всех ее проявлениях, медиа, рекламный дискурс.

В то же время объективная картина использования языка позволяет регистрировать интерференцию на уровне грамматики, лексики и т.д.

Использование языка в Интернете есть отражение языкового поведения человека в офлайн-пространстве. Сетевая культура трансгранична, преодоление барьеров связано с использованием источников трансграничным образом: прежние представления о небольших языковых контактах явно меняются в связи с широкой межкультурной коммуникацией при помощи Интернета.

Ряд социальных страт характеризуется скорее общей англоязычной культурой (например, субкультура компьютерщиков), чем этноцентрированной лингвокультурой.

Интерферентное влияние английского языка на русский на автохтонной территории русского языка проявляется в обильной варваризации языка на лексическом уровне, в макароническом дискурсе.

Результаты использования английского языка в России в качестве рабочего языка и ксенолекта заставляют обратиться к теории активного субординативного искусственного билингвизма.

Литература

- Агаркова Н.Э.* Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2001. – 16 с.
- Акулич И.Л.* Международный маркетинг. – Минск : Вышэйшая школа, 2006. – 544 с.
- Белякова Е.И.* Английский для аспирантов. – Москва: Вузовский учебник: Инфра-М, 2015. – 188 с.
- Бушев А.Б.* Русская языковая личность профессионального переводчика: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2010. – 380 с.
- Бушев А.Б.* Литературные вкусы шестидесятников: англоязычная литература // Ученые записки Ульяновского государственного университета. – 2013. – № 1(17). – С. 131–133.
- Гусейнова И.А.* Мода на язык как способ реализации стратегии «мягкой силы» в условиях современных геополитических изменений // Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества: сб. статей / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. – Москва, 2017. – С. 28–49.
- Жилаева И.В.* Системные и институциональные трансформации российского медиаобразования. – Москва : МПГУ, 2021. – 368 с.
- Зубкова Л.В.* Youtube как основа медиакommunikации // Актуальные проблемы гуманитарных наук : Всероссийская научно-практическая конференция. – Нижневартовск, 2021. – С. 439–442.
- Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ / пер. и науч. ред. А.А. Киселевой. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
- Карасик В.И.* Игровой билингвизм: типы и характеристики // Российский журнал исследований билингвизма.–2021. – Вып. : Билингвизм на пересечении научных исследований. – С. 21–30. – URL: <https://bilingualism.ru/S123456780015170-8-1> (дата обращения: 29.02.2024).
- Кириллова Н.Б.* Медиалогия. – Москва : Академический проект, 2015. – 424 с.
- Корпоративный секретарь в системе корпоративного управления компании / под общ. ред. И.В. Беликова. – Москва : Имперіум Пресс, 2005. – 424 с.
- Меняйло В.В.* Академическое письмо. Лексика. Developing Academic Literacy. – Москва, 2017. – 226 с.
- Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. – Москва : Наука, 1982. – 149 с.
- Ожигбесова Н.Ю., Бабич О. А.* Иностраный язык профессиональной и научной коммуникации (на основе подкастов) : учебно-методическое пособие для самостоятельной работы ОП магистратуры естественно-научных направлений. – Шадринск : Шадринский Дом Печати, 2016. – 80 с.

- Опарина Е.О.* Английский в контакте с другими языками: социокультурные, идеологические, прагматические и психологические причины выбора языка общения в ситуации двуязычия или многоязычия: научно-аналитический обзор // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. – Москва, 2015. – С. 69–84.
- Опарина Е.О.* «Модные» слова в рекламе: слово – концепт – дискурс: (На примере англоязычных заимствований в русскоязычных рекламных анонсах) // Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества: сб. статей / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. – Москва, 2017. – С. 96–108.
- Панова О.Ю.* Третья международная научная конференция «Западно-советские литературные контакты (1917–1990)». (ИМЛИ РАН. 10–11 ноября 2021 г.) // Новые российские гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 16. – С. 110.
- Познер В.В.* Прощание с иллюзиями. – Москва : Астрель, 2008. – 480 с.
- Пумпянский А.Л.* Чтение и перевод английской научной и технической литературы: фонетика, грамматика, лексика. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 448 с.
- Раренко М.Б.* Языковая структура дискурса социальной гармонии: аналитический обзор / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания. – Москва, 2022. – 64 с.
- Русский язык в современном мире: настоящее и будущее: сб. статей / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред., ред.-составитель Раренко М.Б. – Москва, 2021. – 215 с.
- Рябцева Н.К.* Научная речь на английском языке : руководство по научному изложению: словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики : новый словарь-справочник активного типа / РАН, Ин-т языкознания. – 4-е изд. – Москва : Флинта; Наука, 2006. – 608 с.
- Сескутова И.К.* Английский язык в Европе XXI века: приоритетные области и перспективы развития: (Научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. – Москва, 2015. – С. 46–69.
- Стрельцов А.А.* Научно-технические тексты: от понимания к переводу: учебное пособие для студентов, обучающихся по естественно-научным и инженерно-техническим направлениям и специальностям вузов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – 398 с.
- Российский рынок онлайн-образования по изучению иностранных языков: анализ современного состояния и ключевые тенденции развития / Федосов А.Ю., Мнацаканян О.Л., Елисеева Д.Ю., Елисеева А.А. // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Vol 11, N 7. – P. 137–142.
- Томашевская К.В.* Концептосфера экономики в разножанровых текстах // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 1(17). – URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21374> (дата обращения: 14.01.2024).
- Трошина Н.Н.* Введение: Языковая ситуация в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. – Москва, 2015. – С. 5–14.

Трошина Н.Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // Язык и мода: сб. статей / РАН, ИНИОН; отв. ред. Трошина Н.Н. – Москва, 2017. – С. 5–28.

Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сб. науч. трудов / РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2018. – 202 с.

Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. – 100 s.

Center for media literacy. – URL: <https://www.medialit.org/reading-room/aspen-institute-report-national-leadership-conference-media-literacy> (дата обращения: 06.01.2024).

Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 256 p.

Harmer J. How to Teach English. – Longman, 1998. – URL: <https://ia800801.us.archive.org/31/items/HowToTeachEnglish/How%20to%20Teach%20English%20Harmer%2C%20Jeremy.pdf> (дата обращения: 24.04.2024).

Harmer J. The Practice of English Language. – URL: https://www.academia.edu/25472823/The_Practice_of_English_Language_Teaching_4th_Edition_Jeremy_Harmer (дата обращения: 24.04.2024).

ГЛАВА III. МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ МЕГАПОЛИС СОВРЕМЕННОСТИ

Е.А. Казак

Введение

На рубеже XX и XXI вв. мегаполисы во всем мире претерпели значительные изменения, в том числе и в отношении коммуникативно-языковых процессов, что во многом обусловлено активными миграционными процессами. «Город, являясь сосредоточением современной полифоничной цивилизации, открывает широчайшие возможности для изучения всех сторон человеческой деятельности – в том числе и в лингвистике» [Михайлюкова, 2019; Булыгина, 2015]. Современные мегаполисы становятся средой распространения большого ряда глобализационных процессов, транснациональных движений и многоязычия. Знаки культуры мотивируются и контекстуализируются в современных коммуникативных практиках, реализуя в них свой семантический потенциал. Мегаполис, являющийся, согласно мнению многих исследователей, общественным спектром, самым важным дифференциатором различных элементов жизни социума, переживает переломный момент в истории. Возникновение множества новых явлений повседневности приводит к усложнению языковой практики [Исмаилова, Майорова, 2019; Леонтович, Бакумова, Котельникова, 2022; Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience, 2017].

Изменения языкового ландшафта городов привело к возникновению мультиэтнOLEKTOB (multiethnolects). Множественность и гетерогенность миграционных потоков усложняет ситуацию и ставит перед лингвистами задачу поиска новых подходов и методов анализа не только языковых вариаций – личных и межличностных

(inter- and intra-speaker linguistic variation), но и того, как носители языка постоянно приспосабливаются к новому в языке и социально-коммуникативных ситуациях.

Одни исследователи рассматривают так называемые лекты (lects) как достаточно четко очерченные явления, которые могут быть описаны структурно по отношению к языку большинства [Wiese, 2009]. Другие, стремясь избежать овеществления новых вариантов, применяют количественную вариационистскую методологию к соответствующим речевым сообществам и концентрируют внимание на индивидуальных особенностях говорящих [Cheshire, Fox, 2009]. Существуют также направления, изучающие новые явления качественными методами и предпочитающие рассматривать их либо как речевые практики, либо как языковой репертуар говорящего, состоящий из индивидуальных особенностей, которые стратегически используются в управлении коммуникацией и обозначении идентичности [Svendsen, Røyneland, 2008; Quist, 2008].

Ключевой особенностью современных больших городов является увеличивающийся многоязычный состав их населения и последующее взаимодействие данного языкового разнообразия. Движущей силой, лежащей в основе данного процесса, несомненно, является миграция, при этом достаточно сложно найти достоверную, основанную на исследованиях информацию об этом феномене и его последствиях для развития языка и его изучения. Достаточно скудно представлена информация о жизнеспособности языков или их «истощении», также как и об использовании этих языков и их изменениях. Сложившаяся ситуация может быть объяснена тем фактом, что исследования причин и последствий увеличивающегося языкового разнообразия следует рассматривать в широком спектре точек зрения и различных подходов. Сложность данных проблем, которые следует изучать и анализировать, требует проведения мультидисциплинарных исследований.

Языковое разнообразие города

Для лучшего понимания социальной реальности, которая обеспечивает основу для исследования языкового разнообразия в больших городах, следует обратиться к фактам и цифрам, свидетельствующим об уровне фактической миграции, выделяя при этом языковые аспекты.

Постоянно увеличивающийся уровень миграции значительно изменил языковую ситуацию в Европе за последние 50 лет. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что реальное количество и масштаб языков, на которых говорят в Европе, практически не известны. Языковые данные не полностью представлены в национальной и наднациональной статистике населения или в официальных опросах, проводимых социологами. Яркий пример того, насколько ограниченным является подход к языковому разнообразию в Европе, можно найти в проведенном исследовании *Euromosaic*. Данное исследование включает около 90 языков миноритарных групп населения, базирующихся на определении, что «региональные языки или языки меньшинств являются языками, которые 1) традиционно используются в отдельно взятом государстве гражданами этого государства, которые образуют группу численно меньшую, чем остальная часть населения этого государства, и 2) отличаются от официального языка / языков этого государства; при этом диалекты официального языка государства и языки мигрантов не рассматриваются» [*Euromosaic*, 2008]. Подобная картина, сложившаяся на национальном и региональном уровнях в Европе, анализируется в работе [*Multilingual Europe: Facts and policies*, 2008].

В отличие от стран с традиционно преобладающим населением иммигрантов, таких как США, Канада и Австралия, страны в Европе не контролируют фактическое языковое разнообразие среди своего населения, включая языки иммигрантов.

Несмотря на отсутствие проверенных и надежных данных, можно предположить, что несколько сотен языков иммигрантов дополняют почти 90 национальных и региональных языков, традиционно связанных с Европой.

Следует отметить, что характер миграции изменился за последние два десятилетия. В период с 1960 до 1980 г. с миграционными потоками столкнулись в основном страны Северной и Западной Европы, в то время как страны Южной и Восточной Европы являлись источниками эмиграции. Однако в начале 1990-х годов ситуация изменилась, и все европейские страны стали мишенью для иммигрантов. Миграционные потоки в определенные страны зависели от политического и экономического развития данных стран.

Еще одной важной характерной чертой, повлиявшей на изменение модели миграции в Европе, является диверсификация регионов ее происхождения. Так, до 1980-х годов в Европу прибывали

иммигранты из небольшого количества стран. С тех пор количество стран – источников иммиграции значительно увеличилось, в то время как число мигрантов, прибывших из одной страны-источника или региона, уменьшилось. Например, «до 1970-х годов в Германии (в то время ФРГ) большая часть иммигрантов была из 20 стран-источников. В 2006 г. иммиграционная статистика отмечала, что люди приблизительно из 150 стран жили в Германии, а сегодня уже можно говорить о 190 странах. Таким образом, сегодня едва ли можно найти страну в мире, которая не представлена мигрантами, живущими в Германии» [Multilingualism, language contact and urban areas, 2013, p. 3] (перевод Е.А. Казак). Информационные расхождения, с которыми мы сталкиваемся в отношении количества языков в странах Европы, становится очевидным, если сравнить данные из разных источников. Языковое разнообразие в основном встречается в густонаселенных городах, которые являются самыми привлекательными местами для мигрантов. Соответственно, фактическое количество языков в крупных мегаполисах Европы, вероятнее всего, следует полагать намного выше, чем те цифры, которые фиксируются национальной статистикой или социологическими опросами [Gamlen, 2010].

Динамика речевого пространства Лондона

Характерной особенностью городов Великобритании, в первую очередь Лондона, является то, что происходящие в них процессы связаны с наследием крупнейшей колониальной империи: традиционные миграционные процессы изначально шли из бывших колоний. Последствия Второй мировой войны привели к множеству демографических изменений. Лондон, как и другие европейские города, столкнулся с разрухой и недостатком рабочей силы. Фактический исход коренного рабочего класса Лондона из его центра на окраину и в близлежащие графства Суррей и Кент оставил много пустот на демографической карте Лондона. Отчаянно нуждаясь в дешевой рабочей силе, правительство Великобритании обратилось за помощью к странам, входящим в Содружество наций. И вскоре началась первая крупномасштабная миграция на туманный Альбион. 22 июня 1948 г. в порт Тилбери прибыл пассажирский корабль HMT Empire Windrush, на котором в страну приехали переселенцы из британских колоний на Карибских островах. Это событие считается поворотным пунктом в современной

истории Великобритании, так как оно положило начало новой эры мультикультурализма во всей стране.

В последующие годы транснациональная миграция в Великобританию не только продолжилась, но и переживала резкий рост. Тысячи переселенцев из стран Карибского бассейна прибывали в Великобританию в период с 1948 г. до конца 1970-х годов; наряду с этим шли крупные волны миграции населения из стран Южной Азии, в основном бангладешского, индийского, пенджабского, пакистанского и китайского происхождения. С годами в Великобритании начали признавать, узаконивать культуру различных этнических меньшинств и даже праздновать их национальные события. Действительно, присутствие иммигрантов из Азии ощущается в Лондоне и других городах благодаря распространению индийских ресторанов, музыки в стиле бхранга, известной как индийский хип-хоп, и многочисленным азиатским магазинам. В свою очередь переселенцы из Карибских стран также внесли значительный вклад в британскую культуру, привнеся в нее несколько музыкальных жанров, а также связанные с их культурой события, подобно Ноттинг-Хиллскому карнавалу (Notting Hill Carnival) – ежегодному карибскому карнавалу, который проводится с 1966 г. на улицах лондонского района Ноттинг-Хилл (в течение двух выходных дней в августе). Карнавал создавался, чтобы объединить местную многонациональную общину и покончить с расовыми конфликтами. Ведущую роль в карнавале обычно играют представители британской афрокарибской общины, особенно выходцы с островов Тринидад и Тобаго.

Сегодня Лондон – один из самых этнически разнообразных городов в мире. Согласно переписи населения, проведенной в Англии и Уэльсе в 2011 г., белые британцы остаются ведущей этнической группой Лондона, проживающей преимущественно в округах Хаверинг, Ричмонд на Темзе и Саттон. Они составляют 45% от общей доли населения. Второй самой крупной этнической группой населения Лондона являются британцы азиатского происхождения (в основном индийцы, пакистанцы, бангладешцы и китайцы), которые составляют 18% от общей доли населения. Такие районы Лондона, как Тауэр Хэмлетс, Харроу, Brent, Редбридж и Ньюем, плотно заселены людьми азиатского происхождения. И, наконец, черные британцы (люди африканского и карибского происхождения, как правило, рожденные в Великобритании), входят в третью значительную этническую группу, проживающую в Лондоне, – 13%. Они густо заселяют такие районы, как Хакни, Ламбет, Льюшем, Кройдон и Саутварк.

Следует отметить, что в связи с прибытием переселенцев разных национальностей Лондон явился свидетелем значительных языковых перемен, происходивших во второй половине XX в. В этнически смешанном климате постоянная социальная коммуникация между молодым (вторым) поколением мигрантов и их белыми сверстниками создала новые панэтнические речевые нормы.

В европейских городах во второй половине XX в. в многоязычных кварталах, населенных наемными рабочими, индивидуальными и мелкими предпринимателями, стали возникать новые, достаточно четко обозначенные варианты исконного языка. Исследования, проведенные в Великобритании и ряде стран континентальной Европы, подтвердили, что динамика вариантности связана с активной позицией подросткового населения.

Городское просторечие, будучи неоднородным, дает нам достаточно пеструю языковую картину Лондона, города этнически и социально эклектичного. В настоящее время это европейский мегаполис, в котором проживают второе и третье поколения мигрантов из разных стран мира, а также представители различных социальных групп, носители региональных английских диалектов.

В результате языковых контактов исконных жителей восточных районов Лондона, носителей кокни, и мигрантов из разных стран мира возник новый диалект. Данный новый мультиэтнолог, возникший в Лондоне приблизительно в 1980-е годы, с 2007 г. лингвисты начали называть «мультикультурный лондонский английский» (Multicultural London English, MLE) [Contact, the feature pool and the speech community, 2011]. Параллельно СМИ стали широко использовать термин «яфайский» (Jafaican или Jafaikan, т.е. pseudo- или fake Jamaican – псевдоямайский), поскольку по своему происхождению этот языковой вариант связан с мигрантами из Карибского бассейна и Африки. Подчеркивается, что MLE это не только элементы языков мигрантов из разных стран, он возник в процессе контактов мигрантов разного происхождения с носителями традиционного лондонского просторечия, в основном кокни. В районах, традиционно связанных с диалектом кокни, происходят изменения, в результате которых исследователи заговорили о возникновении «нового кокни» [Fox, 2015].

Действительно, в начале 2000-х годов звучащий чужеродно лондонский разговорный язык привлек внимание общественности. Несколько публичных людей, находящихся в центре внимания, стали в определенной степени представителями новой манеры разговора. К ним можно отнести теле- и радиоведущего сатирических

программ Али Джи, а также ведущего на радио BBC 1 Тима Вествуда, наряду с увеличивающимся числом артистов, работающих в жанрах рэп и грайм, таких как Дилан Квабена Миллз – музыкант, музыкальный продюсер с нигерийскими и ганскими корнями, который больше известен под сценическим псевдонимом Диззи Раскал, а также хип-хоп музыкант Бенджамин Пол Баллэнс Дрю, более известный как Plan B или Бен Дрю. Английская пресса с самого начала заклеила данный вариант языка как «яфайский», считая его угрозой, крайне заразной болезнью, которая необратимо изменила языковой ландшафт Лондона в течение нескольких лет и вытеснила проверенный временем диалект кокни. «Яфайский» ощущался большинством консервативных британцев как чужеродный элемент, более того, он ассоциировался с криминалом, обездоленностью и бандитизмом. Следовательно, новый разговорный язык молодежи рассматривался и рассматривается до настоящего времени как повод для беспокойства.

Заключение

Суммируя сказанное выше, можно отметить, что в XX в. обозначенные нами миграционные процессы привели к тому, что в науке о языке возникла необходимость введения новых понятий, таких как «социолект», «этнолект» и «мультиэтнолект». Мы сталкиваемся с пестрой языковой ситуацией. В крупных городах каждая этническая группа обладает своими характерными чертами. Данные группы незамкнуты, однако при этом они сохраняют свою индивидуальность. В результате в рамках контакта разных этнических групп между собой и с коренным населением возник MLE. MLE объединил в себе целый ряд черт новых «лектов», прежде всего в лексике и в формах общения.

Данные процессы будут иметь продолжение, так как постоянно развивается мультиэтническая среда, а средства коммуникации в свою очередь поддерживают эти языковые тенденции.

Можно только констатировать, что это тенденция, обусловленная временем и реалиями современной жизни.

Литература

- Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.
- Исмаилова Н.В., Майорова О.А. Язык города как социолингвистическая проблема : перспективы изучения // Вестник Башкир. ун-та. – 2019. – Т. 24, N 4. – С. 900–909.
- Леонтович О.А., Бакумова Е.В., Котельникова Н.Н. Язык большого города : медиаурбанистический дискурс в России и Китае. – Волгоград : Гнозис, 2022. – 288 с.
- Михайлюкова Н.В. Социолингвистика: языковой образ города. – Москва : Юрайт, 2019. – 290 с.
- Cheshire J., Fox S. Was / were variation: A perspective from London // Language variation and change. – Cambridge, 2009. – Vol. 21, Issue 1. – P. 1–38.
- Contact, the feature pool and the speech community: The emergence of the Multicultural London English / J. Cheshire, P. Kerswill, S. Fox, E. Torgersen // Journal of Sociolinguistics. – 2011. – Vol. 15, Issue 2. – P. 151–196.
- Fox S. The new Cockney : New ethnicities and adolescent speech in the traditional East End of London. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – 247 p.
- Gamlen A. International Migration : Data and the Study of Superdiversity. – Göttingen : Max-Planck-Institute for the Study of Religious a. Ethnic Diversity, 2010. – 32 p.
- Multilingual Europe: Facts and policies / G. Extra, D. Gorter (eds.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. – 352 p.
- Multilingualism, language contact and urban areas / I. Gogolin, P. Siemund et al. (eds.). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. – 379 p.
- Euromosaic, 2008: Presence of Regional and Minority Language Groups in the European Union's New Member States: Final Report. – Brussels : EU Contract 2008–2236 001/001 LLA EUSTUM.
- Quist P. Sociolinguistic approaches to multiethnolect: Language variety and stylistic practice // International Journal of Bilingualism. – 2008. – N 12 (1/2). – P. 43–61.
- Svendsen B., Røyneland U. Multiethnolectal facts and functions in Oslo, Norway // International Journal of Bilingualism. – 2008. – N 12 (1/2). – P. 63–83.
- Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience / Ed. by D. Smakman, P. Heinrich. – London ; New York : Routledge, 2017. – 260 p.
- Wiese H. Grammatical innovations in multiethnic urban Europe: New linguistic practices among adolescents // Lingua. – 2009. – N 119. – P. 782–806.

**ГЛАВА IV.
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ОДИН
ИЗ КОММУНИКАТИВНО МОЩНЫХ ЯЗЫКОВ XXI в.:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ПУТУНХУА**

Е.А. Красикова

**Развитие современного китайского языка
в эпоху глобализации**

В эпоху глобализации китайский язык имеет тенденцию к непрерывному распространению по всему миру. Стандартный китайский язык, также известный как мандаринский, является официальным языком материкового Китая, Тайваня и Сингапура. Мандарин, или путунхуа 普通话 (досл. обычная речь) на материковом Китае является общим языком всех современных ханьцев. В силу полиэтничного состава китайской нации на территории КНР официально проживают 56 национальностей, при этом более 91% населения (около 1,2 млрд жителей) относятся к народности 汉 хань, говорящей на ханьском (китайском) языке. Так, путунхуа функционирует на территории КНР в качестве средства межнационального общения. Остальные 55 национальностей, численность которых на 2023 г. составляет 125 млн человек¹, принято относить к *национальным меньшинствам* 少数民族, а их языки, соответственно, к языкам национальных меньшинств.

Как отмечает М.Я. Каплунова, «общее число языков, функционирующих на территории, по разным данным, варьируется от 80 до 300 в соответствии с китайской классификацией» [Каплунова, 2017].

¹ http://gb.china-embassy.gov.cn/eng/dshdjjh/202312/t20231214_11202073.htm

Языки, функционирующие на территории Китая, по мнению отечественных лингвистов, делятся на:

- 1) сино-тибетские (китайский, тибетский, язык ну, бай и др.);
- 2) алтайские (монгольские, тюркские, тунгусо-маньчжурские);
- 3) австронезийские (амисский, язык бунэнь, пайвань);
- 4) австроазиатские (язык ва, дэан, булан);
- 5) индоевропейские (русский, таджикский) [Каплунова, 2017].

В китайских исследованиях языки мяо-яо и тай-кадайские включены в состав сино-тибетской семьи, в то время как западные и отечественные лингвисты сходятся во мнении, что эти языки должны быть выделены в отдельные семьи. При этом на автохтонных территориях Китая насчитывают 28 письменных языков и 72 устных языка¹.

Как отмечают западные специалисты, на территории Китая выделяются следующие основные языковые группы: австронезийские языки, хань, индоевропейские языки, кам-тай, корейский язык, мяо-яо, монгольские языки, тибето-бурманские языки, тюркские языки. Все вышесказанное можно представить в виде следующей карты:

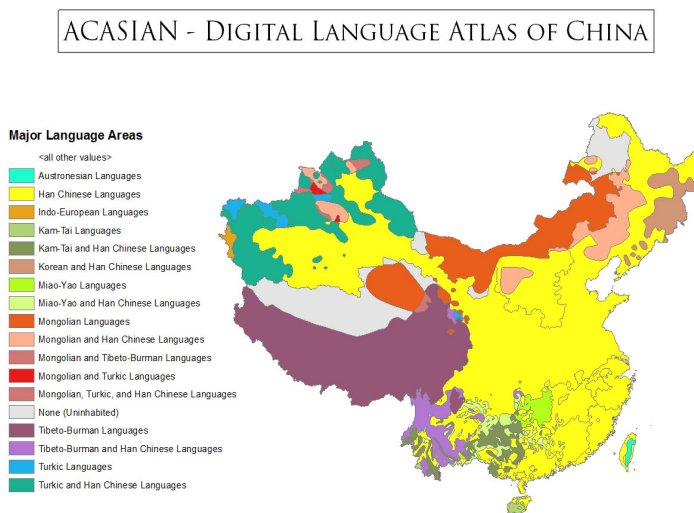

Рис. 1.
Языковой атлас Китая²

¹ http://gb.china-embassy.gov.cn/eng/dshdjhh/202312/t20231214_11202073.htm

² Crissman L.W. Digital Language Atlas of China, 2012, Harvard Dataverse, Vol. 6. – URL: lang 1 20121005 1. jpg

Необходимо учитывать, что даже в рамках одной национальности хань наблюдается значительное варьирование диалектов китайского языка. Исходя из данных «中国语言资源保护工程. 汉语方言用字规范, 2017 (Проект по защите ресурсов китайского языка. Спецификация словаря китайского диалекта, 2017)¹», современный китайский язык состоит из 10 основных диалектных групп: 1) 官话 [guānhuà] Гуаньхуа, северные диалекты; 2) 吴语 [wúyǔ] диалекты У; 3) 闽语 [mǐnyǔ] миньский диалект; 4) 粤语 [yuèyǔ] гуандунский (кантонский) диалект; 5) 湘语 [xiāngyǔ] диалекты Сян (хунаньские диалекты); 6) 赣语 [gànyǔ] Гань, или цзянсийский диалект; 7) 客家话 [kèjiāhuà] диалект Хакка; 8) 徽语 [huīyǔ] анхойский диалект; 9) 平语 [píngyǔ] Пин; 10) 晋语 [jìnyǔ] Цзинь.

Однако среди китайских лингвистов существует общее мнение, что разновидности современного китайского языка делятся на семь основных диалектных групп, каждая из которых имеет свои собственные поддиалекты [Li Chor-Shing, 2006, p. 153]:

1) 北方言 [běifāngyán] *северные диалекты*; распространены в северной, северо-западной и юго-западной частях Китая;

2) 吴语 [wúyǔ] *диалекты У*; говорят в основном в Шанхае и провинциях Цзянсу и Чжэцзян;

3) 闽语 [mǐnyǔ] *миньский диалект*; в основном в провинции Фуцзянь;

4) 粤语 [yuèyǔ] *гуандунский (кантонский) диалект*; говорят в основном в провинциях Гуандун и Гуанси;

5) 湘语 [xiāngyǔ] *диалекты Сян (хунаньские диалекты)*; говорят в провинции Хунань;

6) 赣语 [gànyǔ] *Гань, или цзянсийский диалект*; распространен в провинции Цзянси;

7) 客家话 [kèjiāhuà] *диалект Хакка*; в основном встречается в небольших анклавах в различных провинциях южного Китая, в частности в Гуандуне, Гуанси, Фуцзяни и Сычуани.

В совокупности помимо национального языка, который известен как 普通话 *путунхуа* на материке и 国语 *гоюй* («мандаринский», буквально «национальный язык») на Тайване, в разных регионах Китая на данный момент говорят на более чем 2000 отчетливых диалектах и поддиалектах провинциального и муниципального уровней [Li Chor-Shing, 2006, p. 150].

Несмотря на разнообразие миноритарных языков в пределах Китая, путунхуа занимает доминирующую роль и является

¹ <http://www.moe.gov.cn/s78/A19/tongzhi/201704/W020170405307025943395.pdf>

связующим языком для всего населения Китая. Согласно национальному исследованию использования языков, которое проводилось в период с 1999 по 2000 г., доля китайского населения, владеющего путунхуа, составляла в среднем 53,06% и сильно варьировалась в зависимости от провинции, при этом самый высокий показатель составлял 90,36%, а самый низкий – всего 16,10% (Office of the Leading Group for the Survey on the Use of Chinese Language and Characters, 2006; [Guo Xi, 2020, p. 92]). Дальнейшие исследования, проведенные десять лет спустя, показали, что путунхуа, китайские диалекты и языки меньшинств в основном сформировали языковую ситуацию разнообразия в своем единстве. В районах проживания этнических меньшинств и в районах, где говорят на крупных китайских диалектах, наблюдается двуязычный или дуальный способ общения. Так, языковая ситуация на территории Китая в XXI в. характеризуется диверсификацией диалектов, субдиалектов и языков меньшинств. С одной стороны, наблюдается стремление сохранить этнические языки, а также традиции и обычаи народных меньшинств, с другой – поставлена цель укрепить общенациональный язык путунхуа. В соответствии с докладом Министерства образования КНР от 22 октября 2022 г. «Обзор достижений в развитии китайского языка (2012–2021)»¹ Китай приложил огромные усилия для содействия развитию современного китайского языка и за последнее десятилетие добился следующих результатов:

1. Стандартный китайский в настоящее время используется в стране более широко. Сегодня 80,72% населения Китая используют стандартный китайский, в то время как десять лет назад этот показатель составлял 70%. Более 95% грамотного населения могут правильно использовать стандартные китайские иероглифы, а уровень неграмотности снизился до 2,67%. Были реализованы различные планы по расширению использования стандартного китайского языка с целью содействия сокращению бедности и поддержке развития сельских районов. Был пересмотрен тридцать один национальный языковой стандарт и опубликованы стандартизированные переводы на китайский язык тринадцати групп иностранных терминов.

2. Было запущено большое количество языковых проектов, направленных на лучшее сохранение традиционной китайской культуры.

¹ http://en.moe.gov.cn/documents/reports/202210/t20221022_671530.html

3. Национальный корпус языковой службы Китая (National Language Service Corps of China) был создан для облегчения межкультурного общения в экстренных ситуациях. Глобальная платформа для изучения китайского языка привлекла 6,1 млн пользователей из 182 стран / регионов и получила в общей сложности 100 млн посещений.

4. Выпущено 42 публикации по языку, в том числе отчет о развитии языковой работы в Китае и языковой ситуации в Китае. Была создана группа научно-исследовательских институтов, возглавляемая Государственной комиссией по языку, в которую входят двадцать четыре исследовательских центра и аналитических центра мысли. Кроме того, было построено 122 центра для повышения квалификации специалистов по китайскому языку.

Таким образом, языковая ситуация в Китае носит сложный и комплексный характер, в широком смысле может быть охарактеризована как диглоссия с растущим (диалектным) двуязычием.

Китайский язык также является одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций (ООН), что, безусловно, подтверждает его значимость в современном мире. Китайский язык сыграл важную роль в формировании языков и характеров некоторых других азиатских стран, таких как Япония, Корея и Вьетнам. Согласно статистическим данным на 2024 г., в общей сложности около 1,4 млрд человек во всем мире говорят на китайском как на родном языке, в том числе более 1,3 млрд на материковой части Китая¹. Это означает, что мандаринский используется в качестве родного языка примерно пятой частью всего населения мира.

Помимо этого в последнее десятилетие китайский язык приобретает статус второго или иностранного языка во многих странах мира. Согласно приблизительным статистическим данным, в настоящее время около 25 млн человек изучают китайский язык за пределами Китая, а общее число людей, изучающих и использующих китайский язык, составляет почти 200 млн. В настоящее время (на 2020 г.) более 70 стран по всему миру включили китайский язык в свои национальные системы образования и более 4000 зарубежных университетов предлагают курсы китайского языка [人民日报海外版, Жэньминьжибао хайвайбань, 2020, 18 декабря, вып. 11]².

¹ <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/chinese-speaking-countries>

² http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2020-12/18/content_2024557.htm

Такой колоссальный приток изучающих китайский язык студентов вызван экономическим ростом Китая. По утверждению Джорджа Магнуса, экономиста Китайского центра Оксфордского университета, в статье BBC под названием «What China's economic problems mean for the world» от 29 сентября, 2023 г.: «На долю Китая приходится около 40% мирового экономического роста»¹. Для сравнения, еще в 2001–2003 гг. на долю Китая приходилось около 24 процентов мирового экономического роста (с использованием ВВП, основанного на паритете покупательной способности) [Prasad, Rumbaugh, 2004, p. 1]. С целью исследования и расширения собственных возможностей развития КНР претворяет в жизнь «политику мягкой силы» в распространении китайского языка во всем мире.

Особую роль в международном распространении языка играют специальные языковые центры – институты Конфуция. Эти институты создаются по всему миру по инициативе Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом при Правительстве КНР. Первый институт Конфуция появился в 2004 г. в г. Сеуле (Южная Корея). На сегодняшний день институты Конфуция существуют в США, Канаде, Мексике, Англии, Франции, Германии, Италии, Испании, Японии, Индии, Турции, Объединенных Арабских Эмиратах, Аргентине, Бразилии и в других странах мира. Например, по данным новостного китайского агентства 新华 Синьхуа на 2022 г., в России в общей сложности институт Конфуция подготовил более 20 000 российских студентов с момента основания более 20 лет назад².

Как указывается в исследовании Н.В. Хисамутдиновой и Ян Ю, по состоянию на 2022 г. в России отмечается наличие 19 институтов Конфуция, четыре из которых расположены в Дальневосточном регионе [Хисамутдинова, Ян, 2022, с. 120].

Коммуникативную мощь китайского языка также доказывает масштаб лексикографического фонда источников и на китайском языке. Перечислим лишь наиболее значимые. К ним относятся:

1) словари китайского языка: Большой словарь китайского языка «汉语大词典, 1986–1993», Словарь сочетаемости современного китайского языка [«现代汉语搭配词典, 1999»], Многофункциональный словарь Синьхуа [新华多功能字典, 2008], «现代汉语词典; 2012», Словарь иероглифов Синьхуа [«新华字典,

¹ <https://www.bbc.com/news/business-66840367>

² <https://global.chinadaily.com.cn/a/202212/03/WS638ac801a31057c47eba27a7.html>

2020»], в том числе электронные ресурсы: Словарь китайского языка Аодянь («澳典»)¹, Большой словарь китайского языка («汉辞网»)²;

2) словари древнекитайского языка: Словарь Канси «康熙字典, 2003», Словарь общеупотребительных иероглифов древнекитайского языка [«古汉语常用字字典, 2005»]; Словарь древнекитайского языка [«古代汉语词典, 2014»], Словарь «Шовэнь цзецзы» [«说文解字, 2017»];

3) фразеологические словари китайского языка: Китайский словарь чэньюев [«中华成语词典, 2009»], Словарь недоговорок и пословиц [«歇后语谚语词典, 2009»], Словарь общеупотребительных недоговорок. [«常用歇后语辞典, 2014»], Словарь общеупотребительных поговорок [«常用俗语辞典, 2014»], Словарь чэньюев Синьхуа [«新华成语词典, 2015»], Большой словарь чэньюев «成语大词典, 2022»;

4) многочисленные двуязычные словари: Современный русско-китайский словарь [«现代俄汉双解词典, 1992»], тщательно редактированный словарь русско-китайского и китайско-русского языков [«外研社精编俄汉汉语词典, 2011»];

5) словари диалектов: Большой словарь китайских диалектов [«汉语方言大词典, 1999»], Словарь китайских диалектов Синьхуа [«新华方言词典, 2011»];

6) словари специальной лексики: Китайский словарь языка Интернета [«中国网络语言词典, 2001»], Словарь буквенных слов китайского языка [«汉语字母词词典, 2009»], и т.д. Сюда также можно отнести и корпусы на китайском языке The Modern Chinese Language Corpus³, Academia Sinica Balanced Corpus of Modern Chinese (Sinica Corpus)⁴, аннотированный Корпус газеты Жэньминь жибао (北京大学《人民日报》标注语料库)⁵, лексическая база данных для китайского языка CHINESE WORDNET (中文詞網)⁶ и многие другие корпусы.

Все вышеуказанные источники свидетельствуют о том, что китайский язык можно отнести к коммуникативно мощными языкам, т.е. к таким, которые «благополучны» в своем нынешнем

¹ <https://zidian.odict.net/>

² <http://www.hydc.com/>

³ http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp

⁴ <https://app.sinica.edu.tw/cgi-bin/kiwi/mkiwi/kiwi.sh>

⁵ <http://www.icl.pku.edu.cn/>

⁶ <http://lope.linguistics.ntu.edu.tw/cwn/>

состоянии, обладают большим числом говорящих, распространены в мире, функционируют в разных сферах жизнедеятельности.

Китайский язык в роли лингва франка на автохтонных территориях Китая и за его пределами

Отдельного внимания заслуживает тенденция к развитию китайского языка в качестве лингва франка (*lingua franca*) как на его автохтонных территориях, так и за их пределами. Здесь стоит отметить, что выбор пекинского (северного) диалекта в качестве фонологической основы для путунхуа был в значительной степени основан на том факте, что Пекин был столицей сменявших друг друга политических режимов со времен династии Юань (1271–1368). Более 700 лет Пекин был политическим, экономическим и культурным центром Поднебесной. За этот период суверенитет Китая дважды переходил в руки неханьской этнической группы с севера (монголов и маньчжуров). Однако вместо того, чтобы правители навязывали свои языки и культуру численно превосходящему народу Хань 汉, оказалось, что они постепенно ассимилировались с более утонченным языком и культурой хань. В случае маньчжуров, бывших хозяев династии Цин 清 (1616–1911), степень ассимиляции гораздо более выражена; сегодня в живых осталась лишь горстка носителей старого маньчжурского языка, и это число недостаточно значительно для эффективного поддержания или возрождения языка.

Следовательно, в результате многовекового присутствия сильного регионального лингва франка – мандаринского диалекта, многочисленные этнические меньшинства наряду с самой многочисленной национальной группой хань не только мирно сосуществовали на обширных территориях, но и развивали культурную и экономическую мощь страны. Такое развитие также стало возможным и благодаря использованию логографического, неалфавитного письма. Под логограммой мы вслед за О.М. Готлибом понимаем «базовую единицу китайской письменности, значимую и синтаксически свободную (способную вступать в синтаксические связи с себе подобными единицами)» [Готлиб, 2007, с. 40].

Китайский язык, являясь одним из очень немногих современных языков, история которого задокументирована в непрерывной традиции, восходящей ко второму тысячелетию до нашей эры по сравнению с индоевропейскими языками, отличается своей

уникальной системой письменности и типологическими характеристиками. В отличие от языков, принадлежащих к языкам с алфавитным типом письменности, таких как романские, германские, славянские и др., китайская письменность представляет собой идеографический тип, при котором знаки в первую очередь передают значение, а не звучание.

О значимости грамматики в контексте китайского языка может свидетельствовать количество иероглифических знаков, например в словаре 大典 *аодянь* зафиксировано 94 252 иероглифических знака. Исторически сложилось так, что при непрерывных контактах и общении между ханьцами и этническими меньшинствами китайский язык заимствовал большое количество лексем из языков этнических меньшинств, и в то же время большое количество заимствованных китайских слов также появилось в языках этнических меньшинств.

Особенно после окончания гражданской войны в Китае 1946–1950 гг. языки этнических меньшинств с беспрецедентной скоростью впитали большое количество новых слов и терминов из китайского языка, удовлетворяя потребности общения и обогащая словарную систему языков этнических меньшинств. Некоторые заимствованные китайские слова даже стали базовыми для словарного запаса многих языков этнических меньшинств. Например, заимствованные в маньчжурский язык китайские слова *cai* 茶 чай, *sefu* 师傅 мастер и т.д. вошли в базовый словарный запас маньчжурского языка.

Поскольку носители китайского языка с разным диалектным происхождением могут ограниченно коммуницировать при помощи устной речи, однако могут прибегнуть к передаче информации в письменной форме. Тем не менее существуют различия и в семантическом аспекте при единонаписании. Например, одна и та же лексема 土豆 (досл. «земляные бобы») на материковом Китае обозначает *картофель*, а на Тайване *арахис*. Таким образом, особенности китайского языка также оказали определенное влияние на языки меньшинств, такие как расширение, сокращение или перенос значения некоторых заимствованных из Китая слов на языки меньшинств.

Различия внутри диалектных групп и между ними существенны, что ярко выражено на лексическом уровне языка. Исследования выявили значительные различия между диалектами мандаринского языка и поддиалектами с юго-запада на северо-восток.

Отмечается, что, согласно списку мандаринских слов на основе путунхуа, опубликованному в 1996 г., было обнаружено множество лексических вариантов в отношении следующих основных словарных позиций [Li Chor-Shing, 2006, p. 157]:

Таблица 1

Диалектные вариации лексем на основе путунхуа

Chinese characters	<i>Pǔtōnghuà</i> pronunciation	Meaning in English	No. of lexical variants in Mandarin-speaking areas
粥	zhōu	soup of rice or millet	10
米飯	mǐfàn	rice	11
餃子	jiǎozi	dumpling	14
廁所	cèsuǒ	toilet	17
廚房	chúfáng	kitchen	22
丈夫	zhàngfū / zhàngfu	husband	32
妻子	qīzi	wife	34

Как видно из табл., степень междиалектных вариаций сильно выражена на лексическом уровне. В исследовании междиалектных лексических вариаций, основанном на 100 высокочастотных словах, употребляемых в путунхуа, только семь односложных слов не демонстрируют никаких лексических вариаций [Li Chor-Shing, 2006, p. 157]:

Таблица 2

Лексемы, недемонстрирующие лексические вариации в диалектах китайского языка

Chinese characters	<i>Pǔtōnghuà</i> pronunciation	Meaning in English
年	nián	year
水	shuǐ	water
手	shǒu	hand
有	yǒu	have
來	lái	come
出	chū	go/come out
大	dà	big

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что, хотя и был достигнут значительный прогресс в продвижении путунхуа в

качестве национального лингва франка, многое еще предстоит сделать. В декабре 1997 г. был созван национальный симпозиум по языку и письменности, среди прочих целей которого было подведение итогов достигнутых результатов и постановка реалистичных целей по популяризации путунхуа. Было решено, что к 2050 г. в границах Китайской Народной Республики больше не должно быть «слепых зон», где, по мнению Чжоу Циншэна, нельзя понять язык путунхуа, и что проблемы общения, вызванные взаимно непонятными диалектами, должны исчезнуть [周庆生, 2003, с. 258].

Как полагает автор, пропаганда путунхуа была закреплена в конституции в 1982 г. в качестве важной цели национальной языковой политики. [周庆生, 2003, р. 256]. При всех усилиях, вложенных в продвижение языка путунхуа, центральное правительство планирует использовать его в качестве национального лингва франка для формальных, официальных или служебных функций, которые будут дополнены местным диалектом (или субдиалектом) для неформальных функций.

Несмотря на лидирующие позиции английского языка в качестве международного лингва франка профессионального общения, усиление позиций КНР не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в целом на международной арене выводит китайский язык на позиции языка – посредника в межкультурном пространстве. Значимость китайского языка в роли международного лингва франка можно найти в различных областях профессиональной коммуникации межкультурного пространства. К примеру, в Соединенных Штатах и Канаде китайский является вторым по распространенности неанглийским языком и входит во все основные сферы, такие как правительство, бизнес, средства массовой информации и образование. Зарубежные специалисты также отмечают необходимость применения китайского языка в области международного образования: «Распространение китайского языка как международного, возможно, играет важную роль в “диверсификации мирового лингва франка и разделении рынка образования” по всему миру» [Zhao, Huang, 2010, р. 127].

В русском социокультурном пространстве также намечается проблема использования китайского языка в качестве лингва франка профессионального общения в юридической сфере. Как отмечает С.Ю. Буденная, «если раньше интерес к Китаю и китайскому языку, главным образом, объяснялся желанием постичь “таинственную” китайскую культуру, то в современных условиях стремление к изучению китайского языка часто обусловлено

профессиональной потребностью» [Буденная, 2023, с. 15]. Автор, исследуя условия соизучения английского и китайского языков в перспективе межкультурного юридического взаимодействия, указывает на необходимость дальнейшей работы по совершенствованию методического аппарата, адекватного правовой реальности XXI в.

Основные направления китайской лингвистики в XXI в. и тенденции развития лексики китайского языка

Китайский – один из немногих языков, не относящихся к языкам индоевропейской семьи, который имеет давнюю традицию собственной лингвистической науки. Изучение китайской филологии, или 小学 *сяосюэ*, со времен династий Хань 汉 более 2000 лет назад сначала в основном касалось лексической семантики. Но со времен династии Цин 清 (1644–1911) сфера исследований была значительно расширена, и вот уже почти столетие учебная программа по гуманитарным наукам в китайских университетах, как правило, включает курсы по китайской исторической фонологии, диалектологии, лексической семантики и т.д.

В последние десятилетия мы стали свидетелями всплеска исследований в области китайской прикладной лингвистики, которые, интегрируя новые подходы и уделяя значительное внимание экспериментальным и корпусным данным, совершили много прорывов и привели к появлению большого объема литературы.

Помимо множества публикаций, собранных в журналах по общей лингвистике, многие другие включены в научные журналы, ориентированные на китайский язык, издаваемые в Китае, США и Тайване, такие как: *Studies of the Chinese Language* 中国语文, *Journal of Chinese Linguistics*¹, *Chinese Language and Discourse*², *Chinese Teaching in the World* 世界汉语教学³, *Sinogram Culture* 汉字文化⁴, *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)* 上海交通大学学报 (哲学社会科学版), *JinGu Creative Literature* 今古文创 и др.

¹ <https://www.jstor.org/journal/jchinling>

² <https://benjamins.com/catalog/cld>

³ <https://sjhy.chinajournal.net.cn/WKC2/WebPublication/index.aspx?mid=SJHY>

⁴ <https://www.yashilw.com/jiaoyukeyan/202101185513.html>

Основные направления мировой лингвистической научной парадигмы второй половины XX в. оказали существенное влияние на развитие китайского языкознания в XXI в. Например, идеи Н. Хомского (генеративный подход) использовались во многих аспектах для объяснения китайского синтаксиса [New horizons in Chinese linguistics, 1996].

Функциональный подход, другое крупное направление исследований китайского синтаксиса и семантики, стал развиваться в 1970-х годах. Функциональный подход в китайской грамматике начинался с рассмотрения роли языка в коммуникации и познании; однако более ранние работы были в основном сосредоточены на структурных свойствах, выводимых из построенных исследователями примеров, а не эмпирических данных [Thompson, Tao, 2010].

Функциональная справочная грамматика была предложена Ли и Томпсоном [Li, Thompson, 1981]. Это первая грамматика, которая дает функциональное объяснение структурным свойствам китайского языка, включая порядок слов, структуры слов и предложений, модальные и вспомогательные глаголы, наречия и предлоги, специальные конструкции, типы вопросов и т.д. Данная работа проложила путь к созданию функциональной грамматики дискурса.

Также можно отметить другое крупное исследование в области функциональной лингвистики «A Discourse Grammar of Mandarin Chinese» [Chu, 1998]. Данная работа – это первое обширное описание китайского языка с точки зрения лингвистики в Новую эпоху. Полагая, что китайские грамматические явления должны выходить за рамки описания на уровне предложения для объяснения, Чу дает исчерпывающий отчет о фактах китайского дискурса, таких как пресуппозиция, нулевые местоимения, тематические цепочки, средства связывания дискурса и информационной структуры. На сегодняшний день эти две грамматики являются наиболее изученными и остаются непревзойденными в китайской функциональной традиции.

В отечественной китаистике, моделируя терминологический аппарат, И.Г. Нагибина выделяет 17 вариантов термина «дискурс» (说法, 观点, 看法, 说话, 谈话, 演说, 发言, 文章, 论点, 表述, 言语, 言说, 言论, 篇章, 论述, 话语, 语篇) [Нагибина, 2017, с. 32–34], которыми оперирует китайское научное сообщество при исследовании проблематики дискурса. Автор приходит к выводу, что «указанные понятия, буквально обозначающие “реальное языковое взаимодействие”», близки к определению, предложенному А.А. Кибриком:

«Дискурс – это единство процесса языковой деятельности и ее результата» [Нагибина, 2017, с. 34–45; Кибрик, 2003, с. 10].

Также отмечается, что «на сегодняшний день наиболее широкой дистрибуцией в китайских работах обладают термины – «语篇» и «话语». В заглавиях и введениях китайских работ используются именно номинации «语篇» и «话语», сопровождаемые вариантом на английском языке «Discourse» при первом упоминании. Если в работах речь идет о дискурсивном анализе и дискурсивных исследованиях, то мы можем наблюдать только сочетания «语篇» и «话语» с терминами, обозначающими «анализ» и «исследования» – «分析» и «研究», а также сопровождение их первичного употребления английскими вариантами «Discourse Analysis» и «Discourse Studies» [Нагибина, 2017, с. 35–36].

Под современным китайским дискурсом китайскими лингвистами понимаются «все формы социально-культурной жизни современного Китая, в которых использование языка является неотъемлемой и важной частью» [Shi-xu, 2014, p. 56]. Именно в этом смысле такие формы в социальной и культурной жизни называются «communicative events and activities (classes of events)» и для краткости для них используется термин «discourse».

Основными современными подходами к исследованию китайского дискурса считаются: разговорный анализ, критический анализ дискурса, социолингвистический анализ и мультимодальный анализ дискурса [The Routledge Handbook of Chinese Discourse Analysis, 2019].

С недавнего времени все больше исследований китайского языка основывается на данных когнитивной лингвистики, которая пришла на смену функциональному подходу. Среди китайских авторов, занимающихся данной проблематикой, можно отметить таких, как Чжан Минь [张敏, 1998], Сюн Сюэлян [熊学亮, 1999], Чжао Яньфан [赵艳芳, 2001], Ху Чжуанлинь [胡壮麟, 2004] и др. В отечественной лингвистике в рамках китайского языка данное направление развивают такие исследователи, как А.А. Шахаева, Е.А. Красикова и др. (см. подробнее в [2007; Шахаева, 2021; Красикова, 2023]).

По мере беспрецедентного развития информационно-коммуникационных технологий в XXI в., а также глобализационных процессов пути пополнения лексического фонда китайского языка непрерывно развиваются. Интернет приобрел статус новой платформы международной коммуникации, поэтому развитие языков, в том числе китайского, происходит не только на геогра-

фических территориях, но и в виртуальном пространстве. В силу этого особый интерес для исследователей представляет изучение китайского интернет-дискурса. В этой связи представляется актуальным описание лексических и графических средств китайского языка в ракурсе интернет-коммуникации. Например, Лю Цици исследует вербальные и невербальные средства, которые используются в агрессивных китайско- и русскоязычных интернет-комментариях, посвященных социальным проблемам, важным политическим и культурным событиям. Одним из важных выводов, к которым приходит автор, является указание на то, что инвективная лексика в китайском интернет-дискурсе задействуется в рамках эвфемизации с применением таких приемов, как:

1) использование буквенных слов для замены инвективов: 快 gun 啊 *Быстро катись*;

2) употребление цифровых слов для представления инвективной лексики: 穷鬼, 4一个少一个。讹钱4全族 *Нищоброды, после их смертей злодеев становится меньше. Если они шантажируют (невинных людей), вся их семья умрет.*

В данном примере автор употребляет цифру 4 si для замены лексемы 死 si смерть на основе омонимии;

3) разложение слога иероглифа на несколько фонов и их последующей записи отдельными иероглифами: 鸽吻 gewen *Убирайся!*

В вышеприведенном комментарии иероглифические знаки 鸽吻 передают значение 滚 gun *выкатиться, убраться восвояси.* Пиньинь иероглифа 滚 gun состоит из инициали g и финали с носовым согласным un; при произношении финали с носовым согласным un сначала произносится задний гласный звук u/y, затем усиливается носовой звук и задней частью языка произносится звук n. Основываясь на произношении иероглифа 滚 gun, интернет-пользователи разложили этот иероглиф на три звука gun, зафиксированных двумя иероглифическими знаками;

4) разложение иероглифа на графемы.

Большинство китайских иероглифических знаков имеет сложную структуру. Однако существует относительно небольшое количество простейших знаков (т.е. минимальных построений), имеющих лексическое значение, которые принято называть **графемами**. Это базовые единицы китайской письменности, они имеют наиболее древнее происхождение. Графемы могут выступать в качестве отдельной лексемы либо быть составной частью сложного иероглифа. В нижеследующем примере инвектив пред-

ставлен как результат разложения иероглифа на графемы для реализации агрессивности: 让他们爪巴 Пусть они катятся.

Иероглиф 爬 *ползать, катиться* состоит из двух иероглифов 爪 *лапа, когти* и 巴 *примыкать, цепляться*. В интернет-дискурсе и иероглифический знак 爬, и сочетание иероглифов 爪 и 巴 обозначают *катись, проваливай*.

5) к реактивизации малоупотребительных иероглифов относится использование графического начертания и произношения малоупотребительных иероглифических знаков. Например: 老妖婆去三吧 *Старая ведьма, иди в ад*.

Данный комментарий представляет угрозу в адрес Нэнси Пелоси, в этом примере произношение иероглифа 四 sì, который в древности считался синонимом цифры 4 四 sì, омонимично иероглифу 死 *умереть, смерть*, они отличаются лишь тоном (3 и 4).

Так, в китайскоязычном агрессивном интернет-дискурсе употребляются буквенные слова, записанные полностью пиньинем или первой буквой слога пиньиня, варианты буквенных слов, цифровые слова, разложение слога иероглифа на несколько фонев и их последующую запись отдельными иероглифами, разложение иероглифа на графемы и привлечение малоупотребительных иероглифов [Лю Цици, 2023].

Заключение

Таким образом, на основании вышесказанного можно констатировать, что за последние полтора десятилетия значительно возрос интерес не только к изучению китайского языка, но и к изучению китайской лингвистики, причем как в традиционных областях филологических исследований и в теоретически ориентированных областях языковых изменений, так и в освоении новых рубежей в смежных областях когнитивных наук. Наблюдается значительное увеличение числа студентов, изучающих китайский язык за пределами его автохтонных территорий, что служит подтверждением развития китайского языка в XXI в.

В ходе исследования мы рассмотрели историческое развитие языковой политики и планирования в Китае за последние десятилетия. Кроме того, были описаны стратегии национального языкового планирования, которые пытаются способствовать интернационализации китайского языка и отстаивают языковой плюрализм путунхуа среди различных миноритарных языков на территории Китая.

Обзор изученных источников позволяет сделать вывод, что Китай в XXI в. планирует использовать китайский язык в качестве лингва франка, что определяет его статус в будущем.

Литература

- Буденная С.Ю.* Лингва франка в актуальном измерении юридической деятельности и юридического общения. Лингводидактический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Образование и педагогические науки. – 2023. – № 1 (846). С. 13–19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingva-franka-v-aktualnom-izmerenii-yuridicheskoy-deyatelnosti-i-yuridicheskogo-obscheniya-lingvodidakticheskiy-aspekt> (дата обращения: 02.02.2024).
- Готлиб О.М.* Основы грамматики китайской письменности. – Москва : АСТ Восток-Запад, 2007. – 284 с.
- Каплунова М.Я.* Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / ФГБУН, Ин-т языкознания, РАН. – Москва, 2017. – 192 с.
- Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2003. – 90 с.
- Красикова Е.А.* Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть – целое» в китайском языке (англо-китайское сопоставление) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 12 (880). – С. 62–68.
- Лю Цици.* Лингвокультурная специфика репрезентации агрессивности в русско- и китайскоязычной интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / ФГБОУ ВО, Моск. гос. лингв. ун-т. – Москва, 2023. – 200 с.
- Нагибина И.Г.* Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2017. – 231 с.
- Хисамудинова Н.В.* Институт Конфуция в России как носитель мягкой силы китайской культуры // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 3/1. – С. 120–126.
- Шахаева А.А.* Когнитивные основания полисемии китайского глагола 7 // СИНОЛОГИЯ В XXI в.: материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 12 октября 2021 года. Том Выпуск 1. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. – С. 134–138.
- Chu C.C.* A discourse grammar of Mandarin Chinese. – New York : Peter Lang, 1998. – 484 p.
- Guo Xi.* Language life in the People's Republic of China over the past seven decades // Социолингвистика. – 2020. – № 3 (3). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/language-life-in-the-people-s-republic-of-china-over-the-past-seven-decades> (дата обращения: 2.02.2024).
- Li Chor-Shing D.* Chinese as a lingua franca in Greater China // Annual Rev. of Applied Linguistics. – 2006. – N 26. – P. 149–176.
- Li N.Ch., Thompson S.A.* Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. – Berkeley : Univ. of California Press, 1981. – 691 p.

- New horizons in Chinese linguistics / Huang C.-T.J., Li Y. – H.A. (eds.). – Dordrech : Kluwer Acad. Publishers, 1996. – 392 p.
- Prasad, E., Rumbaugh, T. Overview // China's growth and integration into the world economy: Prospects and challenges. – 2004. – N 232. – P. 1–66.
- Shi-xu. Chinese Discourse Studies. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – 223 p.
- The Routledge Handbook of Chinese Discourse Analysis / Shei Ch. (ed.). – London : Routledge, 2019. – 700 p.
- Zhao H., Huang J. China's policy of Chinese as a foreign language and the use of overseas Confucius Institutes. Educational Research for Policy and Practice. – 2010. – N 9 (2). – P. 127–142. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10671-009-9078-1>

Источники на китайском языке

- 熊学亮. 认知语用学概论. (Сюн Сюэлян. Введение в когнитивную прагматику. – Шанхай : Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 1999. – 238 с.)
- 胡壮麟. 认知隐喻学. (Ху Чжуанлинь. Когнитивная метафорика. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2004. – 244 с.)
- 张敏. 认知语言学与汉语名词短语. (Чжан Минь. Когнитивная лингвистика и китайские именные словосочетания. – Пекин : Изд-во общественные науки Китая, 1998. – 386 с.)
- 赵艳芳. 认知语言学概论. (Чжао Яньфан. Введение в когнитивную лингвистику. – Шанхай : Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 2001. – 222 с.)
- 周庆生. 多样性中的统一性与统一性中的多样性: 中国语言政策与语言规划研究. 国家、民族与语言—语言政策国别研究. (Чжоу Циншэн. Единство в многообразии и многообразие в единстве: исследование языковой политики и языкового планирования Китая // Страна, этническая принадлежность и язык – межгосударственные исследования языковой политики. – Пекин : Изд-во Chinese Language Press, 2003. – С. 250–275.

Словари китайского языка

- 汉语大词典. –上海: 汉语大词典出版社. [Большой словарь китайского языка. – Шанхай : Изд-во Ханьйодацзыдяньчубаньшэ, 1986–1993. – Т. 1–12]
- 现代汉语搭配词典. –上海: 汉语大词典出版社. [Словарь сочетаемости современного китайского языка. – Шанхай : Изд-во Ханьйодацзыдяньчубаньшэ, 1999. – 1387 с.]
- 新华多功能字典. – 北京: 商务印书馆辞书研究中心编. [Многofункциональный словарь Синьхуа. – Пекин : Исследовательский Центр изучения словарей Commercial Press, 2008. – 1331 с.]
- 现代汉语词典, 第 7 版. –上海: 商务印书馆. [Словарь современного китайского языка. – 7-е изд. – Шанхай : Шаньуйньшугуань, 2016. – 1790 с.]

- 新华字典. –上海: 商务印书馆. [Словарь иероглифов Синьхуа. – Шанхай : Изд-во Шанъуиньшугуань, 2020. – 832 с.]
- 康熙字典. –太原: 书海出版. [Словарь Канси. – Тайюань : Изд-во Шухайчубань, 2003. – 409 с.]
- 说文解字. –北京: 联合出版公司. [Словарь «Шовэнь цзецзы». – Пекин : Изд-во Бэйцзинляньхэчубаньшэгуны, 2017. – 1474 с.]
- 古代汉语词典. –上海: 商务印书馆. [Словарь древнекитайского языка. – Шанхай : Изд-во Шанъуиньшугуань, 2014. – 1990 с.]
- 古汉语常用字字典. –上海: 商务印书馆. [Словарь общеупотребительных иероглифов древнекитайского языка. – Шанхай : Изд-во Шанъуиньшугуань, 2005. – 569 с.]
- 中华成语词典. –北京: 中华书局出版. [Китайский словарь чэньюев. – Пекин : Изд-во Чжунхуашуцзюйчубань, 2009. – 819 с.]
- 歇后语谚语词典. –吉林: 吉林人民出版社. [Словарь недоговорок и пословиц. – Гирин : Изд-во Цилиньжэньминьчубаньшэ, 2009. – 582 с.]
- 常用歇后语辞典. –上海: 上海辞书出版社. [Словарь общеупотребительных недоговорок. – Шанхай : Изд-во Шанхайцзышучубаньшэ, 2014. – 461 с.]
- 常用俗语辞典. –上海: 上海辞书出版社. [Словарь общеупотребительных поговорок. – Шанхай : Изд-во Шанхайцзышучубаньшэ, 2014. – 562 с.]
- 新华成语词典. –上海: 商务印书馆. [Словарь чэньюев Синьхуа. – Шанхай : Изд-во Шанъуиньшугуань, 2015. – 1185 с.]
- 成语大词典. –北京: 商务印书馆. [Большой словарь чэньюев. – Пекин : Изд-во Шанъуиньшугуань, 2022. – 1541 с.]
- 现代俄汉双解词典. –北京: 外语教学与研究出版社. [Современный русско-китайский словарь. – Пекин : Изд-во Вайюйцзяосюэюйяньцзючубаньшэ, 1992. – 1297 с.]
- 外研社精编俄汉汉俄词典. –北京: 外语教学与研究出版社. [Тщательно отредактированный словарь русско-китайского и китайско-русского языков. – Пекин : Изд-во «Преподавания и исследования иностранных языков», 2011. – 1036 с.]
- 汉语方言大词典. –北京: 中华书局出版. [Большой словарь китайских диалектов. – Пекин : Изд-во Чжунхуашуцзюйчубань, 1999. – 7798 с.]
- 新华方言词典. –上海: 商务印书馆. [Словарь китайских диалектов Синьхуа. Пекин : Изд-во Шанъуиньшугуань, 2011. – 1320 с.]
- 中国网络语言词典. –北京: 中国经济出版社. [Китайский словарь языка Интернета. – Пекин : Изд-во экономики Китая, 2001. – 351 с.]
- 汉语字母词词典. –北京: 外语教学与研究出版社. [Словарь буквенных слов китайского языка. – Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2009. – 332 с.]

**ГЛАВА V.
ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ¹**

Е.О. Опарина

Сравнительное изучение национально-территориальных вариантов языков является важной задачей лингвистики как в плане синхронии, так и в диахронии. Такой анализ позволяет не только исследовать структурные варианты языка, но и выявить влияние исторических и социально-культурных факторов на языковое развитие, языковую ситуацию, на сферы функционирования и статус языка.

Французский язык на территории Северной Америки не является исключением. Начиная с XVII в., когда французские путешественники и переселенцы стали обживать регионы континента (прежде всего восточные районы современной Канады, названные первоначально Новой Францией), его развитие происходило в особых социальных и природных условиях, отличных от франкоязычных стран Европы. Исторически ситуация сложилась так, что значительную часть этого времени носителям французского языка в Северной Америке приходилось бороться за выживание своих сообществ и за свои культурно-языковые права. Это было вызвано тем, что в результате войн и отдельных военных столкновений Франция вынуждена была передать свои североамериканские территории и колонии под власть

¹ Глава представляет собой переработку обзора: *Опарина Е.О.* Французский язык на территории Северной Америки: исторический, социокультурный и функциональный аспекты // *Язык в глобальном контексте: Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен* / ИНИОН РАН, отд. языкознания. – Москва, 2013. – С. 63–90.

Великобритании. Следствием этого стало ущемление языковых прав франкоязычного населения, которое долгое время носило характер прямых запретов на применение французского языка в разных социальных сферах, и постепенная ассимиляция франкоговорящих жителей региона. Ассимиляция вызвана как нарушением единства франкоязычных групп в Северной Америке в результате их миграции и вынужденных переселений, так и общим, весьма значительным и постоянно увеличивающимся численным превосходством англоязычного окружения. В XX в. к этим факторам прибавилось геополитическое и культурно-экономическое влияние США, а важным инструментом этого влияния, в том числе через сферу массовой культуры, выступает английский язык.

С 60-х годов XX в. в статусе французского языка в Северной Америке произошли некоторые позитивные изменения. Это касается прежде всего Канады: здесь на правительственном уровне узаконены два официальных языка – английский и французский, а в провинции Квебек, где франкоязычные жители до настоящего времени составляют большинство, права французского языка особо охраняются законом и он пользуется даже некоторым приоритетом. Однако эти достижения стали результатом длительной борьбы франкоязычных сообществ, проживающих в разных районах континента, за свои права. Эта борьба принимала в отдельные периоды различные формы, но в основе ее стремление групп франко-американцев сохранить верность своему языку и своей культуре [Голубева-Монаткина, 2010; Марусенко, 2006; Марусенко, 2007; Реферовская, 2007].

Французский язык, сформировавшийся на территории Северной Америки, не только обладает структурной спецификой, проявляющейся на разных уровнях и несводимой к нормам языкового стандарта метрополии. Исследования показывают, что для франкоязычных групп Северной Америки, какова бы ни была их численность, язык, прежде всего в той форме, которая используется данной группой, является существенным, как правило, основным критерием этнокультурной идентичности. В этом смысле для франкоговорящих сообществ Северной Америки и сам французский язык, и цель его сохранения обладают символической значимостью.

Данная работа посвящена историческим и социокультурным аспектам развития вариантов французского языка в Северной Америке¹.

¹ В данной главе помимо термина «франкоязычный» используется также термин «франкофонный». Под франкофонией в лингвистическом плане понима-

В научной литературе по данной тематике до настоящего времени не выработан единый подход к статусу французских языков североамериканского континента и их отношению к «стандартному» французскому Франции, прежде всего в том смысле, стоят ли они в ряду региональных вариантов французского языка, являются ли вариантами иного характера или же самостоятельными языками. Также высказываются разные мнения относительно количества групп франкофонных североамериканцев. М.А. Марусенко выделяет четыре исторически сложившихся в Северной Америке франкофонных очага: 1. Квебек; 2. Акадия; 3. Американский штат Луизиана; 4. Территория обитания особого этноса, метисов, на западе Канады [Марусенко, 2007].

Помимо названных франкоязычных центров на континенте до настоящего времени существуют и другие группы франкоязычного населения, проживающего более или менее компактно. К этим группам относятся: франкоканадцы провинции Онтарио, которые являются второй по численности после населения Квебека франкоговорящей группой Канады; часть жителей Ньюфаундленда (на островах Сен-Пьер и Микелон и на полуострове Авалон); жители западных провинций Канады (Манитобы, Саскачевана и Альберты), которые не причисляют себя к метисам или их потомкам. В результате эмиграции из Канады по экономическим и другим причинам в XIX–XX вв. франкоязычные сообщества сформировались в северо-восточных районах США. Так, в шести штатах Новой Англии (в Мэне, Нью-Хэмпшире, Вермонте, Массачусетсе, Род-Айленде и Коннектикуте) и на северо-востоке штата Нью-Йорк франкоязычных жителей в 1990 г., согласно переписи, было

ются люди, народы и социальные группы, которые в коммуникации (в разной мере) применяют французский язык. Он может быть для них родным, первым или вторым языком общения, языком их культуры. Во французские словари слово *francophonie* вошло еще в 30-х годах XX в., но стало широко употребляться с начала 1960-х годов после публикации Леопольда Седара Сенгора – президента Сенегала и франкоязычного поэта, связавшего франкофонию с идеями равенства и единения народов. В основе франкофонии языковая общность и забота о сохранении французского языка как языка мирового. При этом, однако, большое значение придается представлению об общих культурных ценностях франкоязычных народов и сообществ, особенно идеям гуманизма и прав человека, ассоциируемым с французской культурой.

Франкофония оформлена соответствующими структурами, в том числе профессиональными и региональными. Международная организация Франкофонии (МОФ) имеет своих представителей при ООН, Европейском союзе и при Организации африканского единства [Голубева-Монаткина, 2010, с. 171].

более 2 млн. Группы франкоязычного населения образовались также в штате Калифорния, в регионе бухты Сан-Франциско, который называют Силиконовой долиной. Франкоговорящее население было в Калифорнии издавна, оно создавало свои организации и стремилось поддерживать свои традиции. В конце XX в. к ним прибавилась франкоязычная молодежь из Европы (в основном имеющая техническое образование), а также франкоговорящие иммигранты из Гаити, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи [Голубева-Монаткина, 2010].

Помимо этого на Антильских островах существует франкоязычное государство – Гаити. Принадлежность Гаити к Северной Америке с географической точки зрения является весьма спорной, однако роль выходцев с острова в развитии франкофонии этого континента нельзя игнорировать. Начиная с конца XVIII в. несколько волн гаитянских иммигрантов пополняли число франкоговорящих североамериканцев, расселяясь в разных районах США и Канады.

Однако единой франкоязычной (франкофонной) общности на территории Северной Америки не сложилось. Между франкоязычными группами с самого начала существовали значительные социокультурные и языковые различия, поэтому они осознавали себя разными этническими и культурными сообществами, говорящими на разных «языках» [Марусенко, 2007].

Поскольку каждое из франкоязычных сообществ Северной Америки имеет собственную судьбу, отличную от других и приводящую к особому этноязыковому самосознанию и положению французского языка на современном этапе, необходимо остановиться на истории формирования и развития каждого из них в отдельности.

История формирования франкоязычных сообществ Северной Америки

Канадская **провинция Квебек** в настоящее время является основным очагом франкофонии Северной Америки и единственным ее регионом, где франкоязычные жители составляют большинство. Статус французского языка здесь в последние полвека защищен законами, кроме того, он является предметом интенсивных научных исследований квебекских лингвистов и объектом постоянной заботы со стороны общественных и правительствен-

ных организаций. Франкоязычным населением местная разновидность французского языка рассматривается как основной механизм формирования и сохранения своей особой этнокультурной идентичности.

Квебек, расположенный в долине реки Св. Лаврентия и называвшийся первоначально Новой Францией, заселялся в начале XVII в. (с 1608 г.) выходцами из разных областей метрополии. На фонетику квебекского французского значительное влияние оказали говоры Иль-де-Франса и запада Франции, на лексику – просторечие Иль-де-Франса, где велико было влияние центра, северо-востока и запада страны. На базе своих говоров иммигранты начали формирование некоего стандарта, который позволял бы им понимать друг друга. Этот стандарт-койне отличался и от литературного французского метрополии, и от родных диалектов колонистов. Он вобрал в себя наиболее жизнеспособные элементы и все то, что способствовало взаимопониманию носителей разных говоров и диалектов. На «выравнивание» диалектов на новой почве в начальный период также оказал влияние французский язык метрополии, на котором говорили чиновники, духовенство и офицеры колонии. Повлияли на формирующийся язык Квебека и говоры так называемых дочерей короля (*les filles de roi*) – девушек и женщин, преимущественно из Иль-де-Франса, которых Людовик XIV отправлял в Канаду для улучшения демографической ситуации. Через них элементы французских говоров передавались в семье детям как признаки «материнского», т.е. родного языка. В дальнейшем язык Квебека развивался самостоятельно, в особых природных и социально-культурных условиях, постоянно трансформируясь в изменяющейся ситуации. В результате это привело к специфике его структурных и функционально-стилистических характеристик. Языковая специфика квебекского французского внимательно изучается лингвистами Канады и Франции, при этом высказываются разные мнения о степени его специфики и степени самостоятельности по отношению к французскому языку метрополии и другим региональным вариантам [Le français au Québec, 2000; Poirier, 1988].

К началу XVIII в. Квебек превратился в настоящую французскую провинцию со стройной системой администрации, действовавшей по французским законам, и своими вооруженными силами, которые состояли из французского гарнизона и местного ополчения. Новая Франция поддерживала тесные экономические и гуманитарные связи с метрополией, что способствовало ее интенсивному

развитию. Такая ситуация благоприятствовала развитию французского языка и культуры на территории Квебека. Однако благоприятный ход событий был прерван в середине XVIII в. В 1763 г., после неудачной войны с Англией, Франция по условиям Парижского договора вынуждена была передать Канаду под британское управление. С этого момента и до середины XX в. французский язык Квебека не раз подвергался опасности исчезновения, так как вытеснялся из разных сфер коммуникации английским языком. Давление явилось не только следствием численного превосходства англоязычного населения в Канаде, но и результатом политики британской администрации: управление длительное время осуществлялось исключительно на английском, англичане отобрали у франкоканадцев все важнейшие отрасли хозяйства, многие франкоязычные жители Квебека вынуждены были покинуть провинцию. Впоследствии к этим факторам добавилось растущее влияние англоязычных Соединенных Штатов во всех областях деятельности [Голубева-Монаткина, 2010; Марусенко, 2006; Марусенко, 2007].

Колония **Акадия**, основанная французами на территории Канады даже раньше Квебека (в 1604 г.), первоначально также была важным очагом франкофонии в Северной Америке, располагавшимся на территории современных Приморских (Атлантических) провинций – Новой Шотландии, Нового Брансуика и Острова Принца Эдуарда. По данным конца 1980-х – начала 1990-х годов, акадийцы Приморских провинций составляли 30% всех франкоязычных канадцев вне Квебека. Однако уже давно Акадия представляет собой лишь символическое культурно-языковое пространство, поскольку франкоязычное население осталось здесь на изолированных друг от друга территориях (в населенных пунктах, разбросанных по побережью Атлантического океана на две тыс. километров) или же эмигрировало в другие места, например в Луизиану. Разрозненность способствует ассимиляции франкоязычных акадийцев в англоязычном окружении, намного превосходящем их на этих территориях численно: «Ассимиляции успешно сопротивляются лишь франкоязычные нью-брансуикцы, составляющие 34% от 725 тыс. жителей своей провинции и достаточно компактно проживающие на акадийском полуострове, в Мадаваске и в регионе Монктона» [Голубева-Монаткина, 2010, с. 72].

До середины XVIII в. франкоязычное население этого региона росло. Однако в результате войн между Англией и Францией Акадия, имеющая важное военно-стратегическое значение, стала в

1713 г. (по Утрехтскому миру) британским владением. В 1755 г. акадийцы подверглись депортации, причем с конфискацией домов и имущества, – их обвинили в том, что они сохраняли верность Франции, католицизму и своему языку. Через десять лет после депортации около трети акадийцев возвратились и были расселены британскими властями в разных точках Приморских провинций. Однако многие акадийцы перебрались в Квебек и Луизиану. Впоследствии имела место экономическая эмиграция франкоязычного населения в Квебек и Новую Англию [Марусенко, 2006; Basque, 2000]. В настоящее время особенности французского языка акадийцев продолжают жить только в речи их потомков в разных регионах Северной Америки, однако акадийцы по-прежнему чувствуют себя отдельным сообществом и пытаются его сохранить. Особенности их языка заметны при сравнении с языком жителей Квебека, они определяются более тесными историческими связями акадийцев с провинциями Пуату и Сентонж. Лексические и фонетические признаки, восходящие к говорам западной Франции, проявляются сильнее, в том числе признаки, отсутствующие в языке современной Франции.

Необходимо отметить эволюцию отношения квебекцев и акадийцев к своему языку. Обе группы франкоязычных канадцев начиная с 60-х годов XX в. не только отстаивают свои культурные и языковые права, сопротивляясь англоязычной ассимиляции, но и заявляют о самостоятельности своих идиомов по отношению к языку бывшей метрополии. Это, с одной стороны, вызывает недовольство пуристов, с другой – поддержку носителей говоров Франции и региональных вариантов французского языка в странах Европы, желающих поднять престиж своих региональных вариантов по отношению к официальному стандарту [Голубева-Монаткина, 2010].

В канадской провинции **Онтарио**, по данным 1990 г., франкоязычные жители составляли около 500 тыс. от населения, общая численность которого более 10 млн. Большинство франкоязычных жителей этого района первоначально составляли переселенцы из Квебека и Атлантических провинций Канады. В настоящее время франкоговорящее население Онтарио является в значительной степени городским. Степень употребления французского языка сильно варьируется в зависимости от концентрации говорящих: «Если в маленьком городке на юге Онтарио (Hawkesbury с 85% франкоговорящих) в магазинах и учреждениях в середине 90-х гг. можно было общаться по-французски, то в Торонто, где франко-

говорящие составляют менее 3%, эта возможность и в то время минимальна. Также известно, например, различие, с одной стороны, между франкоговорящими торонтцами, живущими в центре города и в предместье, и, с другой, между давно приехавшими в этот город франкофонами (а это «старые торонтцы», бывшие акадийцы и квебекцы) и сравнительно недавними иммигрантами (французами, гаитянами, африканцами...). В связи с этим все чаще пишут о культурном плюрализме в современной канадской франкофонии» [Голубева-Монаткина, 2010, с. 101].

Несмотря на очень значительное численное превосходство англоязычного населения, франко-онтарийцам до сих пор удается сохранить свое сообщество. Однако в отличие от Квебека, который стремится к приоритету французского языка и французской культуры, ситуация в Онтарио характеризуется развитием и распространением билингвизма. Для франко-онтарийцев французский язык и культура представляются важными ценностями, если они сопутствуют хорошему владению английским языком как языком публичного общения. Для молодых франко-онтарийцев билингвизм стал неотъемлемой частью жизни. В семьях провинции Онтарио французский язык используется все меньше, что является негативным фактором для его выживания. Частично это компенсируется функционированием школ с французским как языком преподавания; многие англоязычные дети также изучают в школах французский язык, как и дети, для которых ни английский, ни французский языки не являются родными. По данным опроса 1991 г., более 500 тыс. англоязычных жителей провинции Онтарио заявили о способности общаться по-французски. Таким образом, французский язык передается здесь не только в семье, сфера его применения не ограничивается домом [La francophonie ontarienne ..., 1995]. Английский язык, конечно, доминирует в экономике, на рабочем месте и в средствах массовой коммуникации. Вместе с тем франко-онтарийцы добились важных языковых прав не только в сфере образования, но и в некоторых других областях социальной жизни. Так, с конца 1980-х годов французский язык может использоваться в судах провинции. В результате всех этих процессов франкоязычное население Онтарио сформировало особый менталитет, в котором стремление сохранить французский язык сочетается с приверженностью североамериканской культуре.

Франкоязычные жители **острова Ньюфаундленд**, по отношению к которым часто используется термин *les franco-terreneuviens*, т.е. франко-ньюфаундлендцы (Magord, 1998), представляют собой

самое маленькое франкоязычное меньшинство Канады. Европейское население Ньюфаундленда имеет пятивековую историю – остров был обнаружен европейцами еще до экспедиции Колумба. Рыболовы из Бретани и Нормандии, как и из других западноевропейских стран, занимались здесь промыслом с конца XV в. и до середины XVII в. Однако по Утрехтскому миру 1713 г. Ньюфаундленд с прилегающими островами полностью перешел во владение Великобритании. Число англоязычных мигрантов в Ньюфаундленде постоянно увеличивалось. Осталось только несколько небольших франкоязычных населенных пунктов на западе острова, жители которых – потомки французов из Бретани. Многие исследователи считают влияние французского языка Бретани основным для местного идиома. Ряд семей даже используют в домашней обстановке бретонский язык. Кроме того, на побережье Ньюфаундленда на базе французского и бретонского языков образовались языки-пиджины, существовавшие примерно до середины XVIII в., такие как франко-бретоно-эскимосский пиджин.

В 1949 г. Ньюфаундленд присоединился к Канаде. Это, с одной стороны, способствовало выходу его жителей из экономической и социальной изоляции, с другой – усилило ассимиляцию немногочисленного франкоязычного населения. Однако в конце 60-х годов XX в. и здесь начинается движение за этнолингвистическое возрождение, которое расширяется в 1980-е годы. Современный анализ ситуации показывает, что до сих пор это движение имело значение скорее для сознания людей, чем для языковой ситуации. Франко-ньюфаундлендцы являются двуязычными, многим из них проще устно общаться по-английски, чем по-французски, однако они по-прежнему стремятся сохранить в своем сообществе французский язык. Их идентичность в гораздо большей степени строится на той франкоязычной культуре, которая лежала в основе их общины, чем на базе канадской и североамериканской культур. Характерно, что именно молодые участники опросов чаще всего называли себя франко-ньюфаундлендцами, а не канадцами, французами или просто ньюфаундленцами [Голубева-Монаткина, 2010; Magord, 1998].

Основу **франкофонии на западе Канады**, в провинциях Манитоба, Саскачеван и Альберта, заложили так называемые трапперы – по-французски их называли *voyageurs* и *soueurs de bois*, т.е. «путешественники и беглецы в леса». Это были франкоязычные молодые люди, не желавшие жить под властью католического духовенства и порядков Новой Франции. Они уходили в

леса, где нередко жили вместе с индейцами, даже могли говорить на их языках. Эта группа сыграла важную роль в контактах между индейцами и французами. Они, занимаясь охотой и добычей пушнины, осознавали себя особой народностью и говорили на французском, а также на языке мичиф (*le mitchif*). Этот язык сформировался в начале XIX в. на основе индейского языка кри, французского и элементов английского. В XIX в. попытка метисов создать собственную этническую провинцию в Манитобе, чтобы противостоять политике притеснений и ассимиляции со стороны британских властей, потерпела неудачу – восстание было подавлено. В результате сократилось число мест компактного проживания франкоязычного населения, оно было рассеяно по территории Западного побережья.

Британские власти стремились устранить французский язык на всей территории Канады, кроме Квебека. Ярким выражением этой политики было устранение французского языка из системы преподавания. Для франкоязычных жителей западных провинций Канады такой ход событий привел к быстрой ассимиляции, хотя еще в конце XIX в. в Альберте и Саскачеване франкофоны были в большинстве, и при этом не все они были потомками метисов [Голубева-Монаткина, 2010]. Исследователи отмечают специфику самосознания современных франко-манитобцев, для которых исключительно важна связь с пространством канадского Запада. Французский язык в силу обстоятельств уже не играет ведущей роли в их самосознании, однако не потеряно представление об исторической связи французской и индейской культур на территории Западной Канады.

Языковая ситуация в **Луизиане** отличается пестротой, также объясняемой своеобразием исторического развития. Территория этого штата США была обследована испанцами в середине XVII в. В 1682 г. она была объявлена французской, и в XVIII в. началась французская колонизация. До прибытия французов эта территория была заселена индейскими племенами, также здесь уже проживали колонисты из других европейских стран. В 1803 г. Луизиана была продана правительством Наполеона Соединенным Штатам, и уже через три–четыре десятилетия английский язык возобладал здесь над французским. Американизация и распространение английского языка, поддерживаемое экономическим давлением и на законодательном уровне, происходили довольно интенсивно. Борьба за выживание и возрождение французского языка началась только в 1965 г., когда правительством штата был принят ряд законов,

предусматривающих восстановление официального статуса этого языка и преподавание его в школах.

В современной Луизиане, в основном на юге и юго-западе штата, существует несколько развившихся на французской основе языковых разновидностей, сосуществование которых отражает историю заселения Луизианы: луизианский («колониальный») французский, каджэнский (акадийский) французский и луизианский креольский язык. Луизианский французский, ввезенный в страну первыми франкоязычными колонистами, был языком белой аристократии – плантаторов и верхушки буржуазии Нового Орлеана. В конце XX в. на этом языке, близком к французскому стандарту, говорили всего три–четыре тыс. человек. Название «каджэнский французский» происходит от слов *cajin, cadjin* – местных вариантов названия *acadien*. Акадийцы заселяли эту территорию в середине и второй половине XVIII в. двумя волнами – в первый раз это были иммигранты, депортированные из Акадии и других американских колоний, во второй – мигранты, которые ранее вернулись из Канады во Францию, а затем решили вновь переселиться в Америку. Каджэнский язык удалось сохранить, несмотря на то что долгое время он находился фактически под запретом и не преподавался в школе. Большинство носителей каджэнского языка, согласно опросу 1995 г., считают свой язык равным по качеству стандартному французскому и достойным преподавания в школах [Голубева-Монаткина, 2010]. Луизианский креольский – язык в основном чернокожих луизианцев, но также 10–20 тыс. белых. Креольский язык возник в результате смешения идиом чернокожих рабов, трудившихся на плантациях, низших слоев белого населения (небогатых фермеров, скотоводов, охотников), а также языка беженцев из Гаити, большое число которых иммигрировали в Луизиану после гаитянской революции 1791 г. Исследования 1980-х годов показали, что к этому времени только пожилые (старше 60 лет) носители креольского языка были монолингвами, остальные – креоло-английскими билингвами, применявшими английский язык вне дома, или даже трилингвами, пользовавшимися в разных ситуациях английским, каджэнским и креольским языками.

В целом языковая ситуация в Луизиане характеризуется как сложный языковой континуум, в котором доля использования вариантов французского языка постоянно уменьшается. Его поддержанию и возрождению препятствует то, что отсутствует единый язык и общее этническое самосознание – франкофоны Луизианы

сильно различаются по истории своих сообществ, образу жизни и культуре. Отсутствие единой языковой нормы и ее кодификации вместе с давлением со стороны английского языка значительно осложнило, например разработку концепции преподавания французского в школе. [Голубева-Монаткина, 2010].

Франко-американцы, живущие на северо-востоке США, в штатах Новой Англии и в штате Нью-Йорк, преимущественно являются потомками франкоязычных жителей Канады, переселившихся из этой страны в США с середины XIX в. по экономическим причинам. Они происходили из разных районов Канады и говорили на различающихся между собой вариантах французского языка. В тех местах, где селились большие семьи и группы родственников, образовывались поселки и городки, в которых доминировали французский язык и католическая вера. Это сообщество пережило расцвет в начале XX в.: у них было множество приходов, издавались ежедневные газеты и журналы, существовали культурные общества. При этом поддерживались тесные культурные связи с Квебеком, в школах преподавалась история Канады, несколько тысяч юных франко-американцев из этого сообщества получали образование в классических колледжах Квебека. Однако кризис 1930-х годов и послевоенное развитие США способствовали быстрой ассимиляции этого сообщества. Поселки, где жили франко-американцы, были перестроены, их жители были переселены в разные кварталы, в результате чего нарушилась компактность проживания. Связи с Канадой постепенно слабели, франкоязычные приходы сначала сделались двуязычными, а с 1960-х годов церковная служба идет только по-английски. Усилия по возрождению франко-канадской культуры и преподаванию французского языка, предпринятые в последние десятилетия XX в., не принесли положительных результатов. По данным опросов 1990 г., даже те представители этого сообщества, кто дорожит своим культурным и языковым наследием, считают себя в первую очередь американцами [Голубева-Монаткина, 2010].

Социокультурные особенности франкофонии Северной Америки

Как отмечалось выше, единой франкоязычной общности на территории Северной Америки не существовало и не существует. Она не сложилась, поскольку франкоговорящие группы континента

с самого начала развивались в разных условиях и не осознали себя единым этнокультурным целым в масштабе североамериканского континента [Марусенко, 2006]. Однако для самосознания каждого из этих сообществ французский язык является важной, часто – ведущей составляющей этнической и культурной идентичности.

Исследователи отмечают, что всем франкоязычным группам Северной Америки свойственна определенная парадоксальность менталитета, проявляющаяся в отношении к «своему» и «чужому» в языке и культуре. Большинство современных франкоязычных канадцев и американцев, по данным опросов, выражают положительное отношение к английскому языку и к основам североамериканской цивилизации. Они понимают, что без знания английского языка невозможно преуспеть в современном мире. Представителями этих сообществ признается, что английский язык практичнее использовать во многих случаях социальной коммуникации, например в профессиональной деятельности¹. Вместе с тем исследователи отмечают осознание своей самобытности и стремление ее сохранить. При этом, если речь заходит о культурно-языковых вопросах, часто выражается негативное отношение к англоязычному окружению как к чужому, порой как к враждебно настроенному по отношению к франкофонам и франкоязычной культуре.

Противоречивость прослеживается и в отношении к бывшей метрополии, Франции. С одной стороны, эта страна видится как защитница французского языка и культуры его носителей, где бы они ни жили. Французская культура пользуется безусловным уважением со стороны франкоязычных сообществ Северной Америки. Именно на французскую литературу ориентировались, например, писатели Квебека в создании франкоязычной квебекской литературы [Голубева-Монаткина, 2010; Реферовская, 2007]. С другой – попытки Франции навязать всем франкофонам мира «единственно правильный» языковой стандарт встречают сопротивление – отстаиваются права североамериканских вариантов французского языка на автономность и особые нормы, если не на равноправие языку метрополии. С этой идеей связано стремление описать специфику своих языковых вариантов, прежде всего в лексике, и кодифицировать устоявшиеся особенности в лексикографических источниках и образовательных программах. Эта работа в

¹ Это касается представителей всех франкоязычных сообществ современной Северной Америки, кроме канадской провинции Квебек, где французский язык до сих пор занимает особое место. – *Прим. авт.*

том или ином масштабе идет с 60-х годов XX в. в разных франкоязычных группах Северной Америки [Марусенко, 2006; Реферовская, 2007].

Парадоксальность проявляется и в отношении к своим языкам. Длительное время франкоязычным сообществам Северной Америки, в том числе достаточно многочисленным, таким как квебекцы и акадийцы, было свойственно осознание «плохого качества» их языков, их второсортности по отношению и к английскому языку, и к французскому языку Франции и франкоязычных стран Европы. Исследователи писали о сознании собственной «языковой неполноценности», характерной для североамериканских франкофонов. Эта самооценка поддерживалась мнением численно превосходящего англоязычного окружения, отзывами англоязычных лингвистов, а также самой реальностью – более низким социальным статусом и уровнем благосостояния большинства франкофонов, чем у англоязычных канадцев и американцев. Свой «вклад» в ситуацию долгое время вносила и языковая политика властей Канады и США, когда французский язык последовательно изгонялся практически из всех социальных сфер. С другой стороны, в настоящее время во франкоязычных сообществах преобладает отношение к французскому языку как к бесспорной ценности. Язык, причем не только французский стандарт, но и своя разновидность, рассматривается как важный инструмент формирования и сохранения этнокультурной самобытности, часто – как доминирующий по отношению к другим явлениям духовной и материальной культуры. Франкоязычные североамериканцы считают свои идиомы частью общего богатства франкофонной культуры.

Таким образом, этнокультурная и языковая идентичность франкоязычных групп Северной Америки сформировалась на пересечении противоречивых установок и принципов. Они, как правило, по-прежнему осознают свое культурно-языковое отличие от англоговорящих жителей Северной Америки, помнят свою историю и ощущают себя не просто канадцами или североамериканцами, но квебекцами, акадийцами, франко-онтарийцами, франко-манитобцами и т.д. В то же время длительная история этих сообществ на территории Северной Америки и жизнь в особых природных и социально-культурных условиях не могли не сказаться. Во многих жизненных ситуациях, как показывают результаты анкетирования, для франкоязычных североамериканцев более близкими оказываются их англоязычные соседи и пространство своих

регионов, чем французы и пространство Франции или Европы [Голубева-Монаткина, 2010].

Различия в численности франкоязычных сообществ Северной Америки, компактность их проживания и характер региона находятся среди ведущих факторов, обуславливающих специфику конкретных культурно-языковых ситуаций.

В этом плане представляет интерес Онтарио – высокоразвитая провинция Канады на границе с США, вторая по численности франкоязычных жителей. К последнему десятилетию XX в., как отмечалось выше, франко-онтарийцы составляли около 500 тыс. человек, т.е. всего около 6% населения провинции. Сам факт выживания французского языка среди англоязычного большинства этой провинции объясняется, по мнению исследователей, значительной ролью, которую долгое время играла и продолжает играть в сохранении культурной идентичности католическая церковь. Французский язык и французская культура осознаются как ценности, однако попытки их сохранения осуществляются в Онтарио не путем «офранцузивания», как в Квебеке, а через билингвизацию. Важные составляющие этого процесса – реализация программы преподавания французского языка в школах провинции и внедрение школ с французским как языком преподавания. Система преподавания смягчает в этом регионе противоположную тенденцию – сокращение применения французского языка в семьях в результате роста числа смешанных браков. Французский язык здесь передается детям и молодежи не только через семью и употребляется не только в домашних условиях – в разных ситуациях повседневного общения франко-онтарийцы переходят с английского языка на французский и наоборот. В Онтарио отмечается не только языковая, но и полная культурная билингвизация. В отличие от Квебека в материальной культуре Онтарио победила американизация. Этническое самосознание современных франко-онтарийцев также определяется как бикультурное. [La francophonie ontarienne, 1995]. Еще одна характерная черта франкофонов этой провинции – предпочтение стандартного варианта канадского французского. Именно этот вариант преподают в школах, и именно его наиболее часто употребляют онтарийцы с высоким образовательным и социально-экономическим статусом. При этом в 1990-х годах исследователи языковой ситуации в Онтарио отмечали, что более молодые поколения, в отличие от среднего и старшего, возвращаются к французской лексике, заменяя ею англицизмы, ранее проникшие во французский язык [Голубева-Монаткина, 2010].

Социокультурные характеристики франкофонии в Манитобе, провинции Западной Канады, демонстрируют и сходные черты с ситуацией в Онтарио, и отличия от нее. Франкофоны Манитобы (по данным 1989 г., их было 45 600 тыс. человек, или около 4% населения) проживают относительно компактно только в сельской местности и в городе Сен-Бонифас. Представители этой группы, особенно молодые, считают себя особой общностью и описывают свою этнокультурную и этноязыковую принадлежность как сложную: «...они относят себя, прежде всего, к франкоязычному сообществу канадского Запада, затем к франкофонам вне Квебека и также североамериканским франкофонам, но при этом не забывают и международную франкофонию» [Голубева-Монаткина, 2010, с. 108–109]. Когда преподавание французского языка было в провинции запрещено, католические священники организовали подпольные школы, которые действовали более шестидесяти лет и сыграли значительную роль в сохранении языка в новых поколениях [Marchand]. Культурно-языковые права франкофонного населения провинции начиная с 1960-х годов постепенно восстанавливались, но французский язык, по отзывам самих франкоманитобцев, не всегда является для них основным признаком идентичности. В настоящее время они являются билингвами, которые в повседневном общении попеременно используют английский и французский языки.

В провинции Саскачеван, где в процентном отношении франкофонов еще меньше (немногим более 2% населения), также долгое время проводилась политика ассимиляции и до 1967 г. действовал запрет на преподавание на французском языке, кроме занятий вне расписания. В еще одной провинции западной Канады, Альберте, франкофоны до конца XIX в. были в большинстве, пока массовый приток иммигрантов из Европы не изменил ситуацию. В дальнейшем положение французского языка ухудшалось, к тому же в годы Великой депрессии правительства Альберты и Саскачевана приняли меры, ограничивающие распространение католической религии и французского языка [(Zwagun, 1990, p. 170)]. В 1990 г. только 6,4% населения могли говорить по-французски. В Альберте значительная часть франкофонов живет в г. Эдмонтон, однако они составляют всего 7% от общего числа жителей города.

В условиях Акадии большую роль в характере франкофонии играет географический фактор, так как на территориях Атлантических (Приморских) провинций Канады нет компактности проживания франкоязычного населения. Ассимиляция акадийцев идет

интенсивными темпами, исследователи считают ее неотвратимой. Французский язык в Акадии выжил до настоящего времени только благодаря тому, что его носители создали приспособленную к своим особым условиям систему преподавания. В 1969 г. началось движение за реализацию двуязычия в социально-политической жизни Нью-Брансуика и за права французского языка в других регионах Акадии, но это движение столкнулось с фактами реальной действительности. Опрос, проведенный в 2001 г. среди учащихся школ с французским языком преподавания, показал, что молодые акадийцы ценят билингвизм. Они положительно относятся к владению обоими языками и двуязычию своей страны, не желая исключения ни английского, ни французского из ее обихода. Однако английский язык признается более значимым практически: многие школьники из франкоязычных семей полагают, что преподавание предметов, наиболее важных, чтобы быть успешными в современном мире, таких как физика, биология, химия, должно вестись на английском [Голубева-Монаткина, 2010].

Таким образом, в Акадии ярко проявляются противоположные тенденции, характеризующие практически все франкоязычные сообщества Северной Америки: ассимиляция и сопротивление ей, осознание своей особой идентичности, с одной стороны, и признание реалий современной жизни, с другой.

Квебек и его жители занимают особое положение среди франкоязычных сообществ Северной Америки – это единственная провинция Канады, в которой франкоязычные жители по-прежнему составляют большинство. «В настоящее время полагают, что существует “глубоко английская Канада”, “глубоко французский Квебек” и “двуязычный пояс” – зона контакта между двумя языками ... где происходят процессы англоизации франкоязычного меньшинства» [Голубева-Монаткина, 2010, с. 12]. Согласно опубликованным в 1999 г. данным, в общественной сфере 87% жителей провинции используют французский, 11% – английский, около 2% – какой-либо третий язык. В городской черте Монреаля и его пригородах жителей, говорящих вне дома по-французски, соответственно, 78% и 71%, по-английски – 21% и 28%. Большинство аллофонов (т.е. жителей провинции, не принадлежащих ни к франкоязычной, ни к англоязычной группам) в социальной сфере также используют французский язык, чему способствует привилегированное положение, которым пользуются знающие этот язык иммигранты. Однако в некоторых отношениях языковая ситуация демонстрирует тревожные тенденции. В том же Монреале за первую половину

90-х годов XX в. число говорящих по-французски дома сократилось с 58,4% до 55,2%, что объясняется снижением рождаемости в среде франкофонов и увеличением числа англоязычных иммигрантов.

Квебек рассматривается и самими жителями этой провинции, и другими франкоязычными сообществами Северной Америки как «форпост» франкофонии на континенте. Жители Квебека в разные периоды истории по-разному относились к своему языку. Подобно представителям других франкоязычных сообществ Северной Америки, они прошли через период языковой «неуверенности» и убежденности в плохом качестве своего языка – этот период длился с начала XIX в. до середины XX в. Язык Квебека оценивался в это время как бедный, архаичный и «испорченный» английским влиянием. Однако в 60-х годах прошлого века начались изменения в языковом сознании квебекцев, и важными тенденциями в этом процессе стали переоценка специфики своего языка, утверждение его права на автономию по отношению к французскому стандарту («парижскому языку»). Такие изменения стали частью Тихой революции – общественно-политического и культурного движения, которое началось в 1960 г. в Квебеке и затронуло в том или ином виде все франкоязычные сообщества Северной Америки.

Тихая революция в Квебеке – это комплекс действий и законодательных актов, направленных на восстановление статуса французского языка как языка официального, на утверждение его приоритета в социальной и профессиональной сферах, в культурном пространстве провинции и самосознании квебекцев. Также велись интенсивные исследования специфики этого языка, прежде всего в лексике, с целью кодифицировать его как достойную и равноправную часть общего франкофонного наследия. По мнению квебекских лингвистов, квебекский французский является такой же разновидностью языка (*variété de français*), как и французский, ориентированный на норму Франции. Они добились того, чтобы «регионализмы», притом не только квебекские, включались в словари французского языка и рассматривались как часть общего культурно-языкового богатства.

В 1970-х годах парламентом провинции было принято два основополагающих закона о языке – «Закон об официальном языке Квебека» и «Хартия французского языка», которые объявляли французский язык единственным официальным языком провинции Квебек. Ряд их положений и формулировок были впоследствии

изменены как противоречащие федеральному закону Канады, закрепляющему официальное двуязычие страны. Однако в целом законы, нацеленные на утверждение и приоритет французского языка в провинции Квебек, были успешно воплощены в жизнь. Это способствовало повышению статуса языка и его роли в разных областях коммуникации.

Движение за возрождение и права французского языка поставило перед его сторонниками задачи не только социально-культурного, но и лингвистического плана. Для утверждения права на собственную норму необходимо было объяснить происхождение специфических признаков языка Квебека и обосновать их отличия от нормы языка Франции как закономерные и правомерные. Язык, применяемый в разных областях жизнедеятельности, нуждается также в упорядочении терминологических систем и определении роли его функционально-стилевых разновидностей.

Лексикографическая работа по выявлению специфики французского языка Квебека давно ведется в провинции: еще в XIX в. составлялись глоссарии, в которых фиксировались отличия квебекской лексики и словоупотребления от нормы Франции¹. Затем создаются словари, более системно представляющие лексику французского языка провинции и ее развитие [см. *Dictionnaire historique du français québécois*, 1998]. Исследователи доказывают, что расхождения французского языка Квебека с языком Франции имеют объективные причины. Во-первых, французский язык Квебека сформировался непосредственно из диалектов и говоров тех регионов Франции, жители которых приняли активное участие в заселении североамериканских территорий. Во-вторых, французский язык несколько веков развивался в Канаде, в том числе в Квебеке, в иных природных и социальных условиях. Кроме того, в течение довольно длительного периода после Французской революции 1789 г. британская власть и католическая церковь, контролировавшие все области жизни Квебека, старались максимально изолировать его население от идущих из Франции идей. Все эти факторы способствовали усилению специфики квебекского варианта французского языка.

Борьба квебекцев за права своего идиома направлена как против давления со стороны английского, так и против попыток

¹ Так, в 1810 г. Жак Виге создал рукопись под названием «Канадская неология (Словарь слов, созданных в Канаде и теперь модных)» – Viger J. *Néologie canadienne*. Работа была издана спустя почти 200 лет [Viger, 1998]. – *Прим. авт.*

пуристов изгнать из него все, что не соответствует французской норме. По мнению лингвистов Квебека, чрезмерное стремление к унификации ослабляет позиции языка, снижая его жизнеспособность. Многие диалектные слова, в свое время исключенные из французских словарей, сохранились в Квебеке, а это повышает потенциал лексического и семантического развития французского языка. Кроме того, квебекский французский, постоянно борющийся с давлением английского языка, имеет опыт создания и закрепления собственных единиц в противовес английским заимствованиям. Например, компьютер во Франции называют *PC* (от англ. *personal computer*), а в Квебеке используется французский эквивалент *un ordi* (сокращенное *un ordinateur*); во Франции на дорожных знаках пишут *stop*, а в Квебеке более принята форма *arrêt* [Марусенко, 2006].

Языковая ситуация в Квебеке отличается также тем, что французский язык здесь сформировал ситуацию функциональной полигlossии, которая стала дополнительным аргументом в пользу «полноценности» квебекского французского. Исследователи разграничивают понятия «канадский французский» и «квебекский язык», который сами квебекцы называют *le québécois*, *la langue québécoise* и который в свою очередь делится на функционально-стилевые варианты [Голубева-Монаткина, 2010; Марусенко, 2006]. Есть также такая разновидность языка, как жуаль (*le jòial*). Каждый из этих вариантов имеет свою сферу применения.

Канадский французский является одним из двух официальных языков Канады. Он применяется в Квебеке, как и в других провинциях, в административной, политической и деловой сферах, используется также в области интеллектуальной коммуникации и в *mass media*. Это язык образованных людей, который в Квебеке иначе называют *québécois soutenu*, т.е. «обработанный (ухоженный, тщательный) язык». По своим структурным характеристикам этот язык близок к современному французскому стандарту. В устной форме этот вариант представлен в речи дикторов радио Канады. С точки зрения членов Квебекской ассоциации преподавателей французского языка, это наиболее престижный вариант языка и на него следует ориентироваться как на норму. *Le québécois* обслуживает сферу повседневного общения; он также применяется в области культуры – в драматургии и кино, в народной поэзии. В неофициальных ситуациях коммуникации образованные квебекцы говорят на разговорно-фамильярной разновидности квебекского. Повседневный же язык большинства населения – просторечие

(français populaire québécois). Жуаль появился во второй половине XX в., в 1970-х годах он употреблялся городской молодежью как разновидность сленга. В этом варианте есть черты разговорно-фамильярного и просторечного языков, в нем также чувствуется влияние английского. Это язык, который применяется в неформальной коммуникации в семейной, дружеской и профессиональной среде [Голубева-Монаткина, 2010; Benoît, 1990]. Таким образом, французский язык в Квебеке не является однородным с точки зрения функциональных вариантов и способен обеспечивать разные ситуации общения. Лингвисты Квебека считают, что те жители провинции, для кого французский язык является родным, должны уметь пользоваться разными уровнями своего языка.

В целом в языковом сознании жителей Квебека укрепились представления, что квебекскому французскому свойственна своя норма, которая, хотя и не очень далека от нормы языка Франции, но все же обладает рядом особенностей на разных языковых уровнях и в характере стилевых вариантов. Эта точка зрения пришла на смену двум крайностям: убеждению в «плохом качестве» квебекского французского, с одной стороны, и в абсолютной автономности *le québécois*, с другой [Голубева-Монаткина, 2010; Марусенко, 2006; Марусенко, 2007; Le français au Québec, 2000, p. 310–311].

Важными шагами в расширении сфер функционирования французского языка в Квебеке стали разработка и внедрение франкоязычной терминологии. До 60-х годов XX в. использовалась английская терминология, но с самого начала Тихой революции Служба французского языка Квебека активно работала над формированием корпуса терминов для применения в административных органах, деловой сфере и разных профессиональных областях.

Проведена также работа в области топонимии Квебека: с 1969 по 2000 г. количество французских топонимов увеличилось до 74%, а английских, наоборот, сократилось. При этом увеличилось также количество индейских топонимов – с 5 до 10% [Голубева-Монаткина, 2010].

Французский язык в Квебеке поддерживается радио- и телевидением, издаются газеты и журналы. Большинство радиостанций в Квебеке является франкоязычными. В Канаде и США функционирует ряд франкоязычных mass media и за пределами провинции Квебек, но их тираж, как правило, значительно ниже, а периодичность издания намного реже, чем у франкоязычной прессы в Квебеке.

Франкоязычные сообщества Северной Америки стремятся сохранить свой фольклор. В Университете Лаваль (провинция

Квебек) Архив фольклора был создан еще в 1944 г., позднее появился Франко-онтарийский центр фольклора. Устное наследие собирается и изучается также в Центре акадийских исследований Монктонского университета (Новая Шотландия), в Центре акадийского и креольского фольклора Юго-западного университета г. Лафайет (Луизиана), в Центре франко-ньюфаундлендских исследований Мемориального университета г. Сен-Жан (Ньюфаундленд) и в ряде других [Голубева-Монаткина, 2010].

Литература

- Голубева-Монаткина Н.И. Французский язык в Канаде и США: социолингвистические очерки. – Изд. 2-е. – Москва, 2010. – 192 с.
- Марусенко М.А. Квебекский язык / С.-Петербург. ун-т, филол. фак. – Санкт-Петербург, 2006. – 201 с.
- Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки / С.-Петербург. гос. ун-т, фак. филологии и искусств. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 1. – 354 с.
- Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. – 2-е изд., испр. – Москва : URSS, 2007. – 214 с.
- Barbeau V. Le français tel qu'on le parle au Canada. – Montréal, 1939. – 223 p.
- Basque M. Les acadiens d'aujourd'hui // Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie. – Québec, 2000. – P. 40–44.
- Benoît J. Joul ou français québécois // Langue et identité: Le français et les francophones d'Amérique du Nord. – Québec, 1990. – P. 19–28.
- Dictionnaire historique du français québécois: Monographes lexicographiques des québécoismes / Sous la dir. de C. Poirier. – Sainte-Foy : Univ. Laval, 1998. – 640 p.
- La francophonie ontarienne: Bilan et perspectives de recherche / Sous la dir. de Cotnam J. et el. – Ottawa : Les Éd. du Nord, 1995. – 361 p.
- Langue et identité: Le français et les francophones d'Amérique du Nord. – Québec : Presse de l'Univ. Laval, 1990. – 398 p.
- Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie. – Québec, 2000. – URL: https://www.cslf.qouv.qc.ca/punlications/...
- Magord A. Les franco-terreneuviens: Crise de l'identité ou identité de crise // Canadian identity: Region. Country. Nation = Identité canadienne: Région. Pays. Nation. – Montréal, 1998. – P. 73–90.
- Marchand A.-S. L'identité franco-manitobaine: De l'identité métisse au métissage des identités. – URL: https://www.ameriquefrancaise.org/.../Langue_francaise
- Poirier C. Le rôle du dictionnaire dans la perception et la définition des normes langagières // Le français en tête: Colloque sur l'apprentissage du français au Québec. 29–31 janv. 1988. – Québec, 1988.
- Viger J. Néologie canadienne. – Ottawa : Presses de l'Univ. d'Ottawa, 1998. – 316 p.
- Zwarun S. La français coast to coast // Langue et identité: Le français et les francophones d'Amérique du Nord. – Québec, 1990. – P. 169–181.

**ГЛАВА VI.
НОВОКАЛЕДОНСКИЙ ВАРИАНТ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА:
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

С.С. Галактионов

Введение

Новая Каледония – одна из заморских французских территорий и де-факто член франкофонного мира, это означает, что на территории архипелага существует отдельный вариант французского языка. При этом новокаледонский вариант французского языка все еще мало изучен, так как этим занимается лишь небольшое количество континентальных исследователей, особенно если сравнивать с количеством лингвистов, публикующих работы, посвященные вариантам французского языка, на которых говорят в других странах мира, например на американском или африканском континентах. Поскольку о геолингвистической и социолингвистической ситуации в Новой Каледонии известно не так много, мы предлагаем начать с историко-географической и демографической справки.

Архипелаг Новая Каледония, статус которого закреплен в статьях 76 и 77 Конституции Франции, входит в состав заморских территорий (фр. *France d'outre-mer*), но вопреки распространенному заблуждению не является заморским департаментом или регионом (фр. *département et région d'outre-mer*), или заморским сообществом (фр. *collectivité d'outre-mer*), а носит название административно-территориального образования с особым статусом (фр. *collectivité sui generis*). Он расположен в южной части Тихого

океана, между тропиком Козерога и экватором, на расстоянии 17 000 км от столицы Франции и с разницей во времени в десять часов. Морской путь из Франции до Новой Каледонии занимает около двух месяцев, а воздушный – не меньше двадцати часов. С географической точки зрения Новая Каледония относится к Океании, к совокупности островных групп под названием Меланезия, куда входят остров Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату, Фиджи, архипелаг Бисмарка, острова Санта-Крус и группа коралловых островов Луайоте. В 2009 г. население Новой Каледонии составляло 245 580 человек [Rivoilan, Broustet, 2011], однако спустя десять лет Институт статистики и экономических исследований Новой Каледонии (фр. *Institut de la statistique et des études économiques de Nouvelle-Calédonie*) констатировал рост населения, так как в соответствии с переписью 2019 г. на архипелаге проживали уже 271 285 человек. В 2023 г. число жителей незначительно сократилось и составило 268 510 человек [Bilan démographique, 2022: la Nouvelle-Calédonie perd 1300 habitants]. Основу экономики составляют добыча и производство никелевой руды, а также третичный сектор, т.е. сфера услуг, в основе которой лежит туризм. Устойчивый и стабильный рост с 1990-х годов привел к тому, что среди заморских территорий Франции на архипелаге самый высокий уровень занятости.

Этот франкоязычный архипелаг в Океании занимает площадь около 19 000 км², что делает его почти в два раза больше Корсики, и является непосредственным соседом таких крупных англоязычных территорий, как Австралия (7 693 000 км²), находящаяся в 1800 км от Новой Каледонии, и Новая Зеландия (267 000 км²), расположенная в 1700 км. Таити, еще одна франкоязычная территория, входящая в состав заморского сообщества Французская Полинезия, находится гораздо дальше – в 5000 км. Можно предположить, что недостаточная осведомленность о Каледонском архипелаге объясняется тем, что это отдаленный остров знаком французам меньше, чем, например, хорошо известные Магриб или Африка, географически расположенные ближе к метрополии. Свою роль играет и тот факт, что во Франции проживают больше магрибских и африканских иммигрантов, являющихся носителями своих характерных и узнаваемых вариантов французского языка. По всем этим параметрам Новая Каледония представляет собой полную противоположность, так как находится на другом конце света, во Францию с архипелага мигрирует лишь незначительная часть населения и само население не превышает

300 000 человек. Однако франкоязычное сообщество Новой Каледонии выделяется и по ряду других параметров, которые интересны априори. В частности, внимание исследователей привлекает доля так называемых настоящих франкофонов, особенно высокая по сравнению с числом «частичных франкофонов». Следует отметить, что эти категории все еще довольно условные. Некоторые считают, что в среднем для достижения уровня «частичного» («потенциального») франкофона необходимо учить язык не менее двух лет, а чтобы стать «настоящим» франкофоном – не менее шести [OIF, 2011]. При этом под настоящими франкофонами имеют в виду людей, способных решать повседневные коммуникативные задачи на французском языке, а под частичными – с пониженным уровнем компетенции во французском языке, из-за чего они могут решать лишь ограниченное число коммуникативных задач [Queffélec, 2000 a; Queffélec, 2000 b].

Из 654 000 франкофонов, проживающих на территории Океании и подсчитанных Международной организацией франкоязычных стран (фр. *l'Organisation internationale de la Francophonie* (OIF)) в 2007 г., настоящие франкофоны составляли около 90%, что на тот момент объяснялось сравнительно высоким уровнем школьного образования и появлением школ в самых отдаленных местах островного региона [OIF, 2007]. Эта особенность островных сообществ Океании, в том числе и Новой Каледонии, позволяет нам отнести их к странам так называемой северной франкофонии, тогда как в силу своего колониального прошлого они скорее должны иметь статус стран «южной» франкофонии. Здесь необходимо уточнить, по каким критериям проводится это разграничение, которое на первый взгляд кажется сугубо географически обусловленным. Хотя существуют и другие классификации, с позиции франкофонной социолингвистики принято подразделять франкоязычные регионы на две группы по культурно-историческому принципу: «северные» франкоязычные регионы страны – колыбели французского языка, такие как Франция и Бельгия, а также территории, на которых французский язык был распространен в течение длительного времени, как, например, в Квебеке, тогда как «южные» франкоязычные регионы – это те места, в которые французский язык был привнесен относительно недавно в результате колонизации, т.е. фактически это все территории, где французский был навязан тем или иным коренным народам.

Таким образом, рост и расширение франкоязычного сообщества на таких островных территориях, как Новая Каледония, пред-

ставляется вполне логичным следствием, поскольку в городских районах той же Новой Каледонии французский стал родным языком для нового поколения носителей, родившихся в семьях, где родители не являлись носителями французского языка и предпочитали общаться на одном из коренных языков (к этому мы еще вернемся ниже). Однако, чтобы ответить на вопрос, почему бо́льшая часть континентального научного сообщества обходит новокаледонский вариант французского языка стороной и каковы перспективы его распространения и дальнейшего изучения, необходимо выйти за рамки геолингвистики и посмотреть на проблему комплексно, в том числе с точки зрения колониальной и постколониальной истории рассматриваемого архипелага.

Исторические предпосылки формирования языкового ландшафта Новой Каледонии

Меланезийский народ канаков прибыл на архипелаг около 3500 лет назад. Следует отметить, что слово «канак» долгое время имело сильную политическую коннотацию, однако в последнее время все чаще употребляется в качестве обобщающего меланезийского эндоэтнонима. Двадцать восемь канакских языков Новой Каледонии принадлежат к восточно австронезийской семье океанийских языков, и еще до европейской колонизации все они были устными. Вот список этих двадцати восьми известных на сегодняшний день канакских языков: андьиз (*ajië*), арха (*arhâ*), архо (*arhô*), бватуу (*bwatoo*), каак (*caac*), кэмухи (*cêmuhi*), деху (*dehu*), друбеа (*drubea*), фага увеа (*faga uvea*), фвай (*fwâi*), иааи (*iaai*), джаве (*jawe*), кумак (*kumak*), неку (*neku*), нелемва (*nêlêmwa*), неми (*nemi*), ненема (*nénéma*), ненгоне (*nengone*), нерэ (*nerë*), нумээ (*numèè*), ньелаю (*nyelâyu*), орове (*orowe*), пайси (*paici*), пидже (*pije*), пваамей (*pwaamei*), пвапва (*pwapwâ*), ситче (*sîchê*), тири (*tîri*), харачы (*xârâcùù*), юага (*yuaga*). С конца XVIII в. эти языки все чаще вступали в контакт с другими языками (за два столетия были зафиксированы контакты с более чем двадцатью языками), среди которых были различные азиатские и полинезийские языки и английский, а затем, где-то с середины XIX в., – французский. Мореплаватели, австралийские, азиатские и полинезийские торговцы и английские миссионеры из Лондонского миссионерского общества установили первые контакты с коренным меланезийским населением, а первые смешанные каледонские семьи часто возни-

кали в результате союзов между англосаксонскими моряками и канакскими женщинами. Языком общения между европейскими переселенцами и туземцами тогда был англомеланезийский пиджин, в котором смешались элементы английского, а также ряда полинезийских и канакских языков – бичламар. До конца XIX в. этот пиджин конкурировал с французским и английским в Новой Каледонии, а сейчас бичламар является одним из официальных языков соседнего архипелага Вануату.

До 1853 г. первые иммигранты были в основном англосаксонского происхождения, например плантатор сандаловых деревьев Джеймс Паддон, в честь него назвали волну австралийских мигрантов, прибывших в Новую Каледонию в тот период, – переселенцы Паддон. Это была дюжина домохозяев, некоторые из них были немецкого происхождения. Между 1850 и 1925 гг. на Таити прибыло множество франкоязычных переселенцев, некоторые направились в Новую Каледонию [Corney, 1979, p. 632]. В основном это были выходцы из центральных и западных регионов Франции (54%), из Бретани и области Анжу (22,5%), Пуату и Сентонжа (10%) [Hollyman, 1979, p. 623]. Включение Новой Каледонии в состав заморских владений Франции в 1853 г. ознаменовало повсеместное появление французского языка в языковом ландшафте Новой Каледонии, который в то время претерпевал целый ряд демографических изменений. Французская колонизация привела на архипелаг иммигрантов из всех слоев общества, тогда как численность коренного населения самой Новой Каледонии на тот момент составляла не менее 60 000 канаков. С 1863 по 1897 г. на архипелаге проживало свободное население и французские заключенные: в колонии Ля-Нувель содержались обычные преступники (22 000 человек) и депортированные политические заключенные, такие как коммунары из круга Луизы Мишель (4000 человек). Со всех концов колониальной империи прибывали осужденные (всего 30 000 человек), среди них встречались и закоренелые преступники. В частности, из Алжира было отправлено около 2000 заключенных, чтобы начать новую жизнь в «Каледуне» (фр. *Calédonie*) – так они называли Каледонский архипелаг. Колонию заселили семейные пары, представлявшие союзы между бывшими заключенными (в Ля-Нувель было отправлено 2000 женщин) или между заключенными и канакскими женщинами. Ввиду обязательства постоянно проживать на территории колонии (как правило, проживание в колонии шло в счет срока тюремного заключения) и предусмотренной законом реабилитации заключен-

ных после отбывания наказания некоторые бывшие осужденные занялись сельским хозяйством, так как помимо возможности реабилитации закон также предоставлял им льготы на ведение хозяйства. Также, когда в 1875 г. началась активная добыча никеля, многие пошли работать шахтерами. Первыми шахтерами были в основном каторжники, они позже работали вместе с канакскими, новогбридскими, японскими, тонкинскими, китайскими и яванскими рабочими: «Пестрота населения Новой Каледонии и его азиатская составляющая обусловлены [...] развитием горнодобывающей промышленности» [Gay, 2014, p. 51].

Таким образом, исправительная колония стала основным источником прироста сельского населения в XIX в., а каторжники и их семьи составляли большую часть европейского населения в глубинке, в то время как свободное население проживало в основном в Нумеа. Эти «свободные» переселенцы прибывали из Франции, а также из Австралии, Океании, Азии, Индонезии и других островов, таких как Реюньон. В конце XIX в. колониальное поселение (сменившее закрытую в 1897 г. колонию) пережило глубокий демографический кризис [Bonvallot, Gay, Habert, 2013, p. 110]. Несмотря на запланированную иммиграцию плантаторов с острова Реюньон, которые брали с собой своих индийских рабочих-кули (также известных как малабарцы), и животноводов из Эльзаса и Лотарингии, осужденных в Новой Каледонии по-прежнему было в два раза больше, чем свободных поселенцев. Канакское население начало резко сокращаться (в 1901 г. оно составило 27 000 человек), в то время как европейское население росло с трудом (в том же 1901 г. оно составило 23 500 человек). Неудачи в сельском хозяйстве и нехватка рабочих мест в горнодобывающей промышленности привели к тому, что европейцы стали мигрировать дальше, в Австралию, на Новые Гебриды и во Францию. Несмотря на последние попытки заселения архипелага в 1920-х годах, когда 240 поселенцев бежали с разоренного войной севера Франции и навсегда обосновались в Новой Каледонии, к 1945 г. число европейцев сократилось всего до 18 500 человек. В условиях такого демографического кризиса с 1942 по 1946 г. на архипелаге было размещено около миллиона американских солдат, а также солдат союзных войск из Австралии и Новой Зеландии, что оставило глубокий след на новокаледонской культуре. После отмены режима индигената и после того, как с 1946 г. военнослужащим по найму стали предоставлять право свободного проживания, мультикультурное общество Новой Каледонии стало расширяться, увеличился

объем межкультурных обменов, а французский язык стал наиболее популярным языком общения. Затем в 1960-х годах последовала новая миграционная волна, и в нее уже входили переселенцы, бывшие государственными служащими, администраторами, бизнесменами и т.д., которые прибывали на архипелаг из колоний, обретших независимость, так как Новая Каледония все еще оставалась французской. Экономический бум 1969–1972 гг., связанный с ростом добычи никеля, привел к росту миграции, особенно из материковой Франции, заморских департаментов (Антильские острова, в частности, Мартиника, Французская Гвиана, Реюньон и др.), Французской Полинезии (Таити и особенно Уоллис и Футуна) и бывших французских территорий (Джибути, Коморские острова, Алжир и др.).

Очевидно, этнолингвистическая картина, сложившаяся в Новой Каледонии, является результатом всех рассмотренных миграционных процессов. Сегодня наиболее многочисленными общинами являются канаки, за ними следуют европейцы, а затем люди смешанного происхождения и уоллийцы (полинезийцы с островов Уоллис и Футуна). Распределение по общинам происхождения показывает следующие результаты [*Communautés: Une mosaïque pluriethnique*]:

- 41,2% людей заявили, что относят себя к канакам;
- 24,1% людей заявили, что относят себя к европейцам;
- 11,3% заявили о своей принадлежности сразу к нескольким общинам (сюда же входят метисы);
- 8,3% людей заявили, что относят себя к уоллийцам;
- 7,5% заявили о своей принадлежности к другим общинам;
- 7,5% заявили, что не принадлежат ни к какой из общин.

Современные формы проявления новокаледонского французского

Французский, который является родным языком для европейских носителей и растущего числа представителей других языковых групп, является вторым языком для носителей канакских, полинезийских (таитянского, уоллийского, фиджийского и др.), индонезийских (яванского и др.) и азиатских (вьетнамского, мандаринского и др.) языков, а также для носителей креольского языка тайо и пиджина бичламар. Однако при рассмотрении этого языкового ландшафта нельзя не учитывать влияние английского языка,

особенно австралийского варианта английского и американского английского в эпоху Второй мировой войны.

Некоторые канакские языки теперь включены в программы начального, среднего и высшего образования. В частности, в средней школе с 1992 г. официально преподаются языки деху, ненгоне, пайси и андьиз, на которых также проводятся устные и письменные экзамены на получение степени бакалавра. Тем не менее французский язык остается единственным официальным языком и, соответственно, основным языком обучения. Со второй половины XX в. вплоть до настоящего времени французский язык все чаще используется как *lingua franca*, т.е. как язык общения между различными языковыми группами: он выполняет как «престижные» функции, т.е. используется для публичных выступлений и официальных заявлений, так и «обычные» функции, т.е. используется для менее официальных выступлений, а также для повседневного общения. Это происходит не только среди европейской части населения, но и в других группах и общинах, в частности в смешанных семьях. В результате, особенно в городах, этот идиом становится вернакулярным и постепенно занимает место канакских, полинезийских, индонезийских и азиатских языков: с 1990-х годов для многих носителей, родившихся в семьях у двуязычных родителей (например, в парах, где *язык 1*: канакский язык / *язык 2*: французский, или *язык 1*: полинезийский язык / *язык 2*: французский и т.д.), французский язык стал языком повседневного общения. Поэтому такие носители постепенно становятся монолингвами, говорящими преимущественно по-французски, а для их детей французский может в принципе стать единственным родным языком. Отметим, к 1996 г. 30% канаков уже проживали в черте города, а среди остальных этнических групп таких городских жителей было большинство [Ahmed-Michaux, Roos, 1997].

Положение французского языка в Новой Каледонии тем более уникально, что он стал частью динамичных постколониальных процессов: в стране, которая была поздно колонизирована и так же поздно населена франкоговорящими, благодаря Матиньонским (1988) и Нумейскому (1998) соглашениям запускается беспрецедентный процесс постепенной деколонизации, связанный с так называемым проектом общей судьбы. Этот проект политической эмансипации, пусть он и ставит своей конечной целью полную независимость Новой Каледонии, строился и продолжает строиться вокруг французского языка, единственного языка, на котором свободно говорят и пишут почти все жители. В связи с этим многие

исследователи критикуют проект «общей судьбы» и считают использование французского языка не выбором, а обязательством, вытекающим из истории колонизации архипелага. Поэтому особое внимание уделяется тому, как французский язык в качестве *lingua franca* может послужить дальнейшему политическому и культурному высвобождению коренных народов и как бы способствовать постепенному вытеснению самого себя [Leblic, 2018].

Французский язык в Новой Каледонии, как и в других странах, в том числе в самой Франции, – не просто стандартный французский, а часть сложной системы, некоего спектра вариантов и подкатегорий французского.

На одном конце спектра находится стандартный французский, или высокостандартизированный французский, используемый в ситуациях формального общения для выполнения «высоких» функций. Это так называемые акролекты, используемые, например, в контролируемых ситуациях некоторыми гражданами Франции, недавними иммигрантами. Примеры употребления таких акролектов встречаются в эфирах радиостанции *France Inter*, вещающей с 2000-х годов (наряду с местными радиостанциями), в его некоторых программах используется вариант французского, тяготеющий к экзогенной норме. Существуют также каледонские акролекты, т.е. устойчивые формы местного французского языка, тяготеющие к эндогенно-экзогенной норме, например используемые в контролируемых ситуациях представителями культурной нумеанской буржуазии [Pauleau, 2006]. Приведенные ниже примеры из группы (1) показывают, как местные акролекты используются в художественных текстах франкоязычных канакских авторов.

На другом конце спектра находятся такие формы речи, которые считаются низкоуровневыми и уместны только в ситуациях неформального общения. Сюда можно отнести тайо – креольский язык с французской лексической базой: он стал местным базилектом меньшинства, так как на нем говорят всего несколько тысяч носителей (группа примеров (2)), а также некоторые другие варианты новокаледонского французского, наиболее далекие от нормы. Это народный французский в его общих локальных формах (группа примеров (3)) или в более конкретизированных локальных формах, таких как «народный молодежный французский» или французский кайя (фр. *français kaya*) (группа примеров (4)), и еще реже – варианты французского из самой Франции, поскольку на них говорят некоторые носители-иммигранты, прибывшие из Европы [Barnèche, 2005].

Посередине рассматриваемого нами спектра расположены девиантные формы французского, которые используются в ситуациях полупормального общения. Сюда относятся высокие мезолекты, их носители относительно строго следят за своим языком, но при этом не стесняются иногда вводить в свою речь разговорные выражения (в частности, каледонские партикуляризмы, что показано в группе примеров (5)), а также низкие мезолекты, носители которых менее ограничены нормами и, например, позволяют себе использовать вульгарные слова (пример (6)).

Разумеется, во всем этом многообразном языковом ландшафте не может не возникнуть каких-то промежуточных и смежных употреблений, которые в любом случае являются частью рассматриваемого спектра и которые также необходимо обозначить. Здесь речь пойдет о вариантах французского языка, возникающих в результате интерференции между контактирующими языками. В этом контексте канакский французский является показательным примером, причем как в своей «низкой», так и в «высокой» форме. Это может быть, например, эндогенный народный французский, своеобразный этнолект, отмеченный канакской лексикой (это «низкая» форма, представленная в примере (7)), или акролектальный канакский французский, близкий к эндогенной норме по лексике и синтаксису, но отмеченный сильным канакским «акцентом» (это «высокая» форма, представленная в примере (8)). При этом новокаледонский французский может вступать в контакт и с полинезийскими французскими (в примере (9) представлен случай контакта с таитянским французским), и с уоллийским французским (как в примере (10)), и с индонезийским французским (как в примере (11)) – и эти контакты также могут принимать как «высокие», так и «низкие» формы. Следует отметить, что существует также европейский французский, европейская этнолектная форма новокаледонского французского, со своими лексическими маркерами (пример (12)) и особым произношением, характеризующимся, в частности, сильной назализацией. Примеры (11) – (13) наглядно иллюстрируют неоднородность текущей языковой ситуации, в которой разновидности французского часто смешиваются, что еще раз подтверждает высокую степень взаимной проницаемости этих разновидностей.

(1) (a) *La mise en place [...] d'institutions novatrices comme le sénat coutumier* ['sénat coutumier' – специфический государственный орган Новой Каледонии, созданный в 1998 г.] *a permis d'ouvrir l'espace institutionnel au système traditionnel* [Lafargue, 2012, p. 3];

(b) *Nos langues dansent la danse de la terre... [...] Arhâ, Ajië* [‘Arhâ, Ajië’ – названия канакских языков арха и андъэ, соответственно] [...] *Frappez le tronc d’arbre creux Pour cadencer la danse sacrée [...] [Bogliolo, 1994, p. 249; Pauleau, 2007, p. 41];*

(2) (a) *Sou améné léa da paltivié, ka sou coné ké la po* [‘po’ – кожа] *ou tlé* [‘tlé’ – все] *porotcha* [‘porotcha’ – белый француз, живущий на острове Реюньон] *lé pa kom sa* [‘lé pa kom sa’ – что-то, относящееся к коже] *ou nou*. [Pauleau, 2016];

(b) *cé pa ta nou loto la* [это не наша машина] [Pauleau, 2016];

(c) *nan pa pièce ou nan pa l’arjan* [две фразы со значением «у меня нет денег»] [Pauleau, 2016];

(3) (a) *Vous l’avez amené dans les palétuviers!* [‘palétuviers’ – место, где кусают комары] *Vous savez très bien qu’une peau de zoreille c’est pas comme les nous autes!* [Вы прекрасно знаете, что у столичных кожа не такая, как у нас!] [Pauleau, 2016];

(b) *on a été faire un coup de pêche avec mon con* [мы сходили порыбачить с моим другом (‘mon con’ здесь неожиданным образом имеет положительную коннотацию)] [Pauleau, 2007, p. 79];

(c) *on connaît pas faire des belles phrases* [не умеем мы красиво говорить (несмотря на то что правильнее было бы сказать ‘on sait pas’, в бедных кварталах Нумеа встречается именно форма ‘on connaît pas’)] [Barnèche, 2005, p. 221];

(d) *yan sous* [еще одна разговорная форма фразы со значением «у меня нет денег»] [Pauleau, 2016];

(4) (a) *pour travailler dans les bureaux faut bien parler phrasé quoi* [‘parler phrasé’ – уметь красноречиво разговаривать] / *sinon si on phrase pas c’est chômeur* [‘c’est chômeur’ – оказаться безработным] [...] *on n’a pas les mêmes styles d’habits quoi / ceux qu’ont grandi ici c’est plutôt kaya* [‘kaya’ – крутой, расслабленный, прикольный (молодежное разговорное слово, также часто встречающееся в бедных кварталах Нумеа)] [Barnèche, 2005, p. 228, 233];

(b) *ça veut faire la fille blanche là [...] elle veut faire machin-qu’est-bête-là* [эта белая девчонка строит из себя непонятно что, а на деле она – полный отстой] [Barnèche, 2005, p. 231];

(5) (a) *je cherche des personnes qui voudraient faire débrousser leur terrain* [‘débrousser’ – почистить, как участок, газон, бассейн и т.д.] [Pauleau, 2007, p. 88];

(b) *un Mélanésien qui ne sait pas parler sa langue bè c’est grave ça // parce que qu’est-ce qu’il est? c’est un Mélanésien il a la peau noire [...] c’est c’est malheureux pour lui* [для него это настоящее несчастье (использовать слово ‘malheureux’ вместо ‘dommage’ –

особенность именно новокаледонского французского)] [Barnèche, 2005, p. 143];

(6) *culotte / les flics ils ont coaltaré tout le monde* [чертовы копы выстроили всех в ряд (более привычное ругательное ‘putain’ здесь сменяется нестандартным и локально употребляемым ‘culotte’)] [Pauleau, 2016];

(7) *t’as pas de canon mon frère?* [травки не найдется, брат? (вместо более распространенного ‘herbe’ для обозначения марихуаны здесь употребляется ‘canon’, которое в стандартном разговорном французском имеет значение «очень красивая женщина»)] [Pauleau, 2016];

(8) *notre G.I.E. a été conçu de cette façon [...] nous allons nous organiser pour atteindre cet objectif [...] nous travaillons dans la transparence* (в этом примере отмечается высокая степень интерференции между стандартным французским произношением и канакским акцентом) [Pauleau, 2016];

(9) *Ahii! Je savais pas que t’étais zozo!* [Ой-ой! А я и не знал, что ты столичный! (о смешанном происхождении человека, сказавшего эту фразу, свидетельствует восклицание ‘Ahii’, которое характерно для носителей таитянского, тогда как ‘zozo’ – специфическая для новокаледонского французского лексема)] [Pauleau, 2007, p. 35];

(10) *Lui c’est fort* [А он хорош (такой порядок слов во французской фразе характерен для разговорного французского у носителей уоллийского происхождения)] [Pauleau, 2016];

(11) *Dans ce pays toujours aussi divisé, où la mer est jamais fini casser* [На этой земле, все еще такой разделенной, там, где вечное море (фраза ‘jamais fini casser’ является расхожей калькой с индонезийского и здесь употребляется именно в значении «вечного», а сам пример взят из одноименной песни малоизвестного новокаледонского исполнителя Nano Sailofa)] [Pauleau, 2016];

(12) *C’est pas là qu’il faut lancer l’épervier mon fils* [‘mon fils’ здесь употребляется не в значении «мой сын», а как дружеское обращение] [...] *C’est à l’embouchure de la rivière [...] Mon pauvre diable!* [еще одна форма дружеского обращения без негативной коннотации, несмотря на слово ‘diable’] [Pauleau, 2016];

(13) *Les «Zors» fin valabs ou quoi?* [«Столичные» вообще норм или как?] *Radiographie d’une minorité silencieuse – Qui sont-ils? – Quels poids pèsent-ils? – Qui les représente?* (этот отрывок взят из местной прессы и примечателен тем, что заголовок текста написан

на новокаледонском французском, а дальше текст продолжается на стандартном французском) [Pauleau, 2016].

То, что мы называем каледонским французским, включает весь спектр эндогенных форм французского языка, в том числе и этнолектные. Последние воспринимаются прежде всего как «местные» (лексика одной миноритарной группы может использоваться другой) и часто рассматриваются как «наши языки» в противовес «языку метрополии», т.е. стандартному французскому. Черты, общие для всех этнолингвистических групп, среди которых лексические особенности и особенности произношения, составляют основу новокаледонского французского.

Следует добавить, что оба полюса рассматриваемого языкового спектра воспринимаются носителями с разной степенью амбивалентности. Например, «высокая» форма, представленная экзогенной нормой, пользуется определенной популярностью среди носителей французского в Новой Каледонии, так как ассоциируется с престижным положением в обществе, но одновременно с этим она может и обесцениваться, поскольку ассоциируется с культурой *zoreil* (в уничижительном смысле) и вытекающей из нее стереотипной претенциозностью носителей, иммигрировавших на архипелаг из метрополии. И наоборот, разговорная эндогенная норма пользуется популярностью в народе и может быть представлена как «престижная», так как несет коннотацию языкового единства, но при этом она все равно ассоциируется с чувством языковой незащищенности и нелегитимности перед лицом стандартизированного французского языка.

Таким образом, французский язык, на котором говорят в Новой Каледонии, априори обладает теми же общими характеристиками, что и варианты французского, наблюдаемые в других странах. Тем не менее почему-то именно эта конкретная часть франкоязычного мира не вызывает особого интереса у исследователей из метрополии. Это можно объяснить с точки зрения культуры, а именно тем, что новокаледонская художественная литература так и не смогла стать популярной, хотя некоторые филологи и утверждают, что, хотя канакская литература и не очень заметна на региональной или международной арене, но она вполне жива и готова развиваться [Bihan, 2012, p. 2]. Одна из главных проблем заключается в том, что длительное время в этой литературе в принципе мало что свидетельствовало о франко-канакской культурно-языковой идентичности: новокаледонский французский вошел в местную литературу только в последние двадцать лет или около того, а те про-

изведения, что печатались раньше, особенно те, что появились в 1970-х годах в местных школьных учебниках, в большинстве своем принадлежали двум авторам – Ж. Мариотти и Ж. Боду, которые все равно старались писать на стандартизированном французском языке.

Еще одним фактором являлось то, что подавляющее большинство лингвистов, выбравших Новую Каледонию в качестве поля для своих исследований, погрузились в более «перспективное» изучение непосредственно коренных канакских языков, а также креольского языка тайо и пиджина бичламар, в то время как феномен новокаледонского варианта французского языка заинтересовал лишь немногих.

Заключение

Лингвистических работ, посвященных новокаледонскому французскому, все еще слишком мало. На сегодняшний день у исследователей есть много языкового материала, анализ его позволяет утверждать, что это действительно идиом, который специфичен по отношению к другим разновидностям французского языка, но при этом сопоставим с теми вариантами, которые уже имеют закрепившийся статус (в том числе и в этом же регионе), что подтверждается спектром приведенных выше примеров. Поэтому в завершение настоящей работы мы сочли необходимым собрать информацию о наиболее актуальных и перспективных направлениях исследования новокаледонского французского.

Сегодня описанием этого варианта французского языка занимаются представители лингвистического сообщества Франции. Для начала следует отметить работы французской исследовательницы из университета Париж X – Нантер Кристин Полео и профессора Люксембургского университета Сабин Эрхарт, где описываются идиомы, исторически возникшие на территории Новой Каледонии, т.е. сам каледонский французский, а также креольский язык тайо [Pauleau, 2016; Ehrhart, 2016].

Отдельная группа исследователей сегодня занимается тем, что «интегрирует» новокаледонский французский в остальной мир путем сравнения его с другими языками и другими геолектами французского. С типологической точки зрения сравнение каледонского французского с некоторыми региональными языками, представленными во Франции (и, следовательно, географически очень

далекими от Новой Каледонии), и с некоторыми разновидностями французского в самой Франции, подчеркивает сходства, а также семантические и прагматические особенности каледонского французского. Здесь особый вклад внес Дидье Боттино из Высшей нормальной школы Лиона, сравнивший данные по каледонскому французскому с данными по бретонскому, галло-бритто-романскому, нижне-нормандскому и пикардскому вариантам [Bottineau, 2016].

С точки зрения лексикографического описания языкового ландшафта за пределами европейской части Франции панфранкофонная перспектива позволяет нам увидеть то, что считалось вариативностью диатопической, на самом деле является вариативностью диастратической. Этой проблеме посвящены работы профессора университета Сорбонны Андре Тибо, сравнивающего лексикографические данные из Северной Америки, Вест-Индии и Новой Каледонии [Thibault, 2016].

Некоторые современные исследования посвящены тому, как синтаксические особенности некоторых вариантов французского языка проявляются в других вариантах и даже в языке метрополии. Например, профессор университета Ренн II Гудрун Ледеген в статье показала, как опущение сослагательного наклонения и нестандартные формы косвенных вопросов перешли из французского острова Реюньон в новокаледонский французский, а также в стандартный французский [Ledegen, 2016].

Ряд исследователей заняты теоретическими вопросами. Так, И. Висснер из университета Франш-Конте предлагает выделить отдельную подгруппу вариантов французского языка, которая находится между стандартным французским и его более конкретными разновидностями, и назвать ее «островными французскими». В представлении исследовательницы это позволит объединить сразу несколько вариантов французского, представленных как в Океании, так и в других частях света [Wissner, 2016]. Еще один дискуссионный теоретический вопрос заключается в том, как в принципе описывать тот или иной региональный французский и какие специалисты должны этим заниматься.

В конечном счете мы рассчитываем, что настоящая работа дополнит корпус существующих исследований и позволит заявить о новокаледонском французском как об одном из полноценных вариантов этого языка. Он по праву входит в пантеон островных вариантов французского (среди которых таитянский французский, уоллийский французский, реюньонский французский и т.д.) и ввиду малого количества исследований представляется крайне пер-

спективным для дальнейшего изучения. Его дальнейшее изучение позволит дополнить и скорректировать социолингвистическое описание не только региональных, но и нестандартных разновидностей французского языка, а также контактных языков в целом. Особое внимание следует уделить современной новокаледонской художественной литературе, которая позволит проследить динамику развития новокаледонского французского и то, в каких отношениях он находится со стандартным французским и другими региональными вариантами.

Литература

- Ahmed-Michaux P., Roos W.* Images de la Population de la Nouvelle-Calédonie: Principaux résultats du recensement 1996. – Nouméa : Graphoprint, 1997. – 57 p.
- Barnèche S.* Gens de Nouméa, gens des îles, gens d'ailleurs...: Langues et identités en Nouvelle-Calédonie. – Paris : L'Harmattan, 2005. – 327 p.
- Bihan A.* La Nouvelle-Calédonie, ses littératures et ses livres: Bibliographie sélective et commentée: 17 es Rencontres Francophones. – Verson : Espace Senghor & Maison du Livre de la Nouvelle-Calédonie, 2012. – 60 p.
- Bilan démographique 2022: la Nouvelle-Calédonie perd 1 300 habitants. – URL: <https://www.isee.nc/population/demographie> (дата обращения: 16.03.2024).
- Bogliolo F.* Paroles et Écritures: Anthologie de la littérature néo-calédonienne. – Nouméa : Les Éditions du Cagou, 1994. – 264 p.
- Bonvallot J., Gay J.-C., Habert E.* Atlas de la Nouvelle-Calédonie. – Marseille ; Nouméa : Institut de recherche pour le développement (IRD) et Congrès de la Nouvelle-Calédonie, 2013. – 269 p.
- Bottineau D.* Les particularités du français calédonien (lexique, morphosyntaxe) et leurs enjeux sémantiques, pragmatiques et cognitifs // *Langages*. – 2016. – N 203. – P. 49–70.
- Communautés: Une mosaïque pluriethnique. – URL: <https://www.isee.nc/population/recensement/communautes> (дата обращения: 17.03.2024).
- Corne J.-C.* Le français à Tahiti // *Le Français hors de France* / ed. A. Valdman. – Paris : Honoré Champion, 1979. – P. 631–660.
- Ehrhart S.* Entre français calédonien et langue kanak: quelle place pour le tayo? Une approche écolinguistique // *Langages*. – 2016. – N 203. – P. 37–48.
- Gay J.-C.* La Nouvelle-Calédonie, un destin peu commun. – Marseille : IRD Éditions, 2014. – 240 p.
- Hollyman K.J.* Le français en Nouvelle-Calédonie // *Le Français hors de France* / ed. A. Valdman. – Paris : Honoré Champion, 1979. – P. 621–629.
- Lafargue R.* Le Droit coutumier en Nouvelle-Calédonie. – Paris : Maison de la Nouvelle Calédonie, 2012. – 38 p.
- Leblic I.* Vous avez dit «rééquilibrage» et décolonisation? Retour sur 40 ans de va-et-vient institutionnels sur souveraineté et colonialisme en Nouvelle-Calédonie (1980–2018) // *Journal de la Société des Océanistes*. – 2018. – N 147. – P. 329–350.

- Ledegen G.* Traits syntaxiques «populaires» dans le français «régional» de La Réunion: très populaires dans la francophonie, jusqu'en Nouvelle Calédonie // *Langages*. – 2016. – N 203. – P. 87–102.
- OIF (Organisation Internationale de la Francophonie). La Francophonie dans le monde 2006–2007. – Paris : Nathan, 2007. – 329 p.
- OIF (Organisation Internationale de la Francophonie). La Langue française dans le monde 2010. – Paris : Nathan, 2011. – 384 p.
- Pauleau C.* Le français calédonien (Nouvelle-Calédonie): Description d'un français régional, confrontations de terrains panfrancophones // *Langages*. – 2016. – N 203. – P. 5–20.
- Pauleau C.* Mots de Nouvelle-Calédonie, éléments de recherche sociolinguistique sur le français calédonien: inventaire lexicographique polylectal. – Nouméa : Centre de Documentation Pédagogique de Nouvelle-Calédonie, 2006. – T. 1. – 170 p.
- Pauleau C.* Mots de Nouvelle-Calédonie, éléments de recherche sociolinguistique sur le français calédonien: inventaire lexicographique polylectal. – Nouméa : Centre de Documentation Pédagogique de Nouvelle-Calédonie, 2007. – T. 2. – 117 p.
- Queffélec A.* Le français au Maghreb (1945–2000) // Histoire de la langue française 1945–2000 / eds. G. Antoine, B. Cerquiglini. – Paris : Éditions du CNRS, 2000 a. – P. 765–796.
- Queffélec A.* Le français en Afrique subsaharienne francophone (1945–2000) // Histoire de la langue française 1945–2000 / eds. G. Antoine, B. Cerquiglini. – Paris : Éditions du CNRS, 2000 b. – P. 797–837.
- Rivoilan P., Broustet D.* Recensement de la population en Nouvelle-Calédonie en 2009: 50 000 habitants de plus en 13 ans // INSEE Première. – 2011. – N 1338. – P. 1–4.
- Thibault A.* Diastratismes et réallocation des variantes: français d'Amérique et de Nouvelle-Calédonie // *Langages*. – 2016. – N 203. – P. 71–86.
- Wissner I.* Le français des Isles: des Antilles à la Nouvelle-Calédonie // *Langages*. – 2016. – N 203. – P. 103–124.

ГЛАВА VII. НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ КАПИТАЛЕ НАМИБИИ

Э.Б. Яковлева

Введение

Немецкий язык, являясь плюрицентрическим, широко распространен в нескольких независимых государствах в разных частях земного шара. Кроме Европы он бытует в Южной Америке, США, Южной Африке. Республика Намибия, государство в Юго-Западной Африке, будучи независимым государством, является типичным примером сохранения бывшего колониального языка в собственном богатом языковом капитале.

В мультинациональной многоязычной Намибии бытует свыше 11 национальных языков. Здесь говорят на индоевропейских (германских) языках, языках банту и койсанских языках. Официальным языком является английский язык, хотя на нем говорят лишь 7% населения страны. Язык африкаанс является наиболее распространенным среди большинства населения Намибии (60% говорящих). На немецком языке говорят 32 тыс. человек. 80% намибийцев-африканцев говорят на языках банту. Среди них наиболее распространены ошивамбо (его диалект ндонга) – 70% всего бантуязычного населения говорят на этом языке, гереро – 9% и лози – 6%. На койсанских языках говорят 15% населения.

Немного истории

Появление немцев в этом регионе Африки восходит к концу XIX в., когда немецкое правительство, стремящееся к приобретению заморских колоний, аннексировало территорию, которая получила название Германская Юго-Западная Африка. Поначалу число переселившихся в эту часть Африки немцев было невелико. Это были солдаты, моряки, коммерсанты, колониальные чиновники, старатели, добытчики алмазов.

Немецкие колонисты исследовали данную местность также и с целью проложить здесь железные дороги. Одновременно Германия искала возможности создания колоний в Того, Камеруне, Гане и Восточной Африке. Для Германии в то время очень важны были хорошие отношения с местной туземной элитой. Лидеры этнических групп заключили с Германией договоры об установлении протектората.

Германская Юго-Западная Африка стала центром германизации нового государства. Важную роль сыграла христианизация населения. В настоящее время более 90% граждан Намибии идентифицируют себя как христиане. Наряду с другими религиозными общинами сохраняются две разновидности лютеранского вероисповедания – Евангелическая лютеранская церковь и Немецкая евангелическая лютеранская церковь.

Несмотря на некоторые положительные сдвиги культурного и экономического характера, при новом колониальном правительстве уровень жизни местного населения тем не менее ухудшался. Положение существенно усугубилось в 1897–1898 гг., когда в Намибии началась эпидемия чумы рогатого скота, которая привела к значительному ухудшению условий жизни туземного населения. В 1904–1908 гг. произошло восстание местных племен против колониального правления, оно было жестоко подавлено войсками генерала Л. фон Троты. Огромная часть местного населения была уничтожена [Горячев, Красильников, 1982]. Колониальные власти делали все возможное, чтобы отобрать у местного населения земли, превратить его в послушную рабочую силу, уничтожить зачатки туземной государственности.

Начало Первой мировой войны в 1914 г. изменило политическую и социокультурную ситуацию в Южной Африке. После войны Германская империя лишилась Намибии и других колоний в Африке. В 1920 г. Лига Наций предоставила Южно-Африканскому союзу мандат на управление бывшей немецкой колонией. Фактически

данная территория перешла под контроль ЮАР. В этот период большинство немецкоязычного населения вынуждено было покинуть страну, некоторые тем не менее возвращались обратно, ведь здесь была Родина.

С 1966 г. Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) начала борьбу за независимость от ЮАР. И лишь в 1990 г. была провозглашена полная независимость Намибии.

Текущая ситуация с немецким языком в Намибии

Республика Намибия является многонациональным и полилингвальным государством. В таких социумах обычно наблюдается функциональное распределение языков по отдельным территориям использования. Сегодня немецкий язык распространен в основном в центральной и южной частях Намибии, в некоторых частях страны имеет даже большее распространение, чем африкаанс и английский язык. Немецкий был единственным официальным языком в Намибии с 1884 по 1915 г., в те годы, когда она была колонией Германского рейха. Однако в этот период ему не удалось стать лингва франка в Намибии, вместо него эту роль выполнял африкаанс, поскольку только привилегированное белое меньшинство и несколько сотен чернокожих говорили на немецком языке [Shah, 2007]. Африкаанс и по сей день выполняет в Намибии роль лингва франка [Kellermeier-Rehbein, 2015], несмотря на то что официальным языком является лишь английский язык.

Намибийский немецкий является родным примерно для 20 тыс. человек. Несколько сотен человек владеют немецким как вторым или третьим иностранным языком.

Использование одного и того же языка в многоязычных социумах, как известно, приводит к возрастанию его вариативности. В настоящее время в Намибии немецкий язык существует в целом в *двух вариантах*: стандартный (кодифицированный) немецкий (Standardvarietät) и нестандартный разговорный вариант – намибийский немецкий (Umgangsvarietät – Namslang, Namdeutsch). Два других понятия – Südwesterdeutsch (юго-западный немецкий) и Kùchendeutsch (кухонный немецкий), очевидно, уже можно считать до некоторой степени устаревающими, поскольку Südwesterdeutsch был распространен среди старшего поколения и связывался с колониальным прошлым. Kùchendeutsch – это также язык престоаре-

лого вымирающего намибийского населения, креольский язык на немецкой основе, смешанный с местными языками.

Многолетнее проживание населения Намибии в адстратных условиях, постоянное контактирование германских и автохтонных языков не может не способствовать влиянию на немецкий язык, в первую очередь, африкаанс как лингва франка и английского языка как официального языка и в меньшей степени по контактности банту языков и койсанских языков.

Б. Келлермайер-Ребайн справедливо замечает «Die Varietät ist Folge der multiplen Mehrsprachigkeit der Sprecher sowie Ergebnis des kreativen Umgangs mit Sprache und Sprachen...» [Kellermeier-Rehbein, 2015, S. 56]¹.

Исследуя лингвистические характеристики устного и письменного стандартного намибийского немецкого (Namdeutsch), Ш. Ша отмечает наличие разноуровневых отличий в структуре Namdeutsch от германского стандарта Hochdeutsch, в первую очередь на лексическом уровне, в морфологии, синтаксисе [Shah, 2007].

Ш. Ша указывает, что отличия в морфологии, синтаксисе и лексическом составе Namdeutsch от Hochdeutsch объясняются сходством трех бытующих в Намибии германских языков и легкостью встраивания заимствованных элементов в структуру Namdeutsch. Бóльшее влияние на Namdeutsch африкаанс по сравнению с английским исследовательница объясняет бóльшим сходством африкаанс с немецким. Влияние на Namdeutsch английского в настоящее время она объясняет официальным статусом английского языка в Намибии и предсказывает увеличение этого влияния на все контактирующие в Намибии языки. По данным ее анализа семантических признаков заимствованной лексики, лексические единицы из африкаанс, банту и койсанских языков относятся к сельскохозяйственной сфере [Shah, 2007]. Английские заимствования, напротив, касаются городской сферы, управления, промышленного производства.

Küchendeutsch имеет по сравнению с кодифицированным немецким языком упрощенную структуру креольского языка. Данный вариант языка понятен всем жителям страны, кто использует немецкий язык как основной, хотя многие говорящие отказываются его признавать [Петренко, Соловьева, 2017]. Küchendeutsch используется в неофициальных ситуациях среди намибийцев

¹ Разнообразие является результатом многоязычия носителей, а также результатом творческого подхода к языку и языкам (пер. наш).

старшего поколения. Со всей вероятностью в этом случае можно предположить в отношении этого варианта языка развитие тенденции к исчезновению. В качестве примера *Küchendeutsch* можно привести разговорные фразы с синтаксическими и морфологическими несоответствиями *Hochdeutsch*.

Küchendeutsch	Hochdeutsch
1. Was Banane kosten?	1. Was kostet die Banane?
2. Spät Uhr.	2. Zu später Zeit.
3. Lange nicht sehen.	3. Lange nicht gesehen [Петренко, Соловьева, 2017, с. 73].

В настоящее время предпринимаются попытки исследования распространенного разговорного варианта немецкого языка в Намибии – *namslang* (*Namslang*, *Namdeutsch*) [Kellermeier-Rehbein, 2015; Zappen Thomson, 2022; Кузнецова, 2021]. Б. Келлермайер-Ребайн описывает *Namslang* как разговорную разновидность немецкого языка в Намибии, особенности которого не встречаются в европейских вариантах немецкого языка [Kellermeier-Rehbein, 2015, S. 45]. В отличие от М. Цаппен-Томсон [Zappen-Thomson, 2022], Б. Келлермайер-Ребайн не считает *Namslang* чисто молодежным жаргоном, поскольку он используется разновозрастным населением. Для доказательства своего утверждения она исследует лексические, фонологические и морфо-синтаксические *namibisms* в *namibian standard German*. Она констатирует, что в лексический состав *Namslang* входит значительное количество заимствованных слов из африкаанс и английского языка. Данный факт, по ее мнению, объясняется многолетним и устойчивым контактом немецкоговорящего *namibian German* меньшинства с носителями этих языков. С ее точки зрения, престиж африкаанс и официальный статус английского языка обуславливаются полилингвальной компетентностью немецкоязычных *namibians* и генетической родственностью трех германских бытующих в Намибии языков.

Что касается влияния на *Namdeutsch* банту и койсанских языков, то оно невелико, хотя данный вопрос глубоко не изучался [Kellermeier-Rehbein, 2015]. По мнению Келлермайер-Ребайн, основные причины в том, что контакты между немецкоговорящими *namibians* и носителями автохтонных языков нечасты и неинтенсивны. Кроме того, данные языки в силу непрестижности непривлекательны как языки-доноры. И тем не менее *Namdeutsch* заимствовал некоторые слова из *herero* и *oshana*.

Произносительную систему намибийского варианта немецкого языка Келлермайер-Ребайн характеризует как северно-германскую [Kellermeier-Rehbein, 2015, S. 49], что соответствует германскому произносительному стандарту.

Покажем на примерах некоторые морфо-синтаксические особенности намибийского варианта немецкого языка, отличающие его от германского стандарта и африкаанс¹.

1. Большинство существительных в этом варианте немецкого языка по форме совпадает с существительными в Hochdeutsch. Различия наблюдаются в управлении предлогов.

ND: *Der arbeitet für ihr.*

SD: *Er arbeitet für sie* [Shah, 2007, p. 29].

В Namdeutsch личные местоимения, как правило, субституируются указательными местоимениями.

2. Существует тенденция к употреблению слабых глаголов как сильных.

Als wir das gehören haben, waren wir traurig [Shah, 2007, p. 24].

Präterit под влиянием африкаанс не употребляется, а замещается Perfekt. При образовании Perfekt в качестве вспомогательного глагола предпочтителен *haben*, *sein* почти не употребляется.

ND: *Die hat immer bei meiner Mutter und meinem Vater da im Zimmer geblieben. Die hat nie zu mir gekommen.*

SD: *Sie ist immer bei meiner Mutter und meinem Vater da im Zimmer geblieben. Sie ist nie zu mir gekommen* [Shah, 2007, p. 34].

При этом порядок слов может нарушаться.

Wir haben so Comparisons gemacht mit Schwäbisch und Südwesterdeutsch [Shah, 2007, p. 27].

Futurum образуется не с глаголом *werden* в качестве вспомогательного, а с глаголом *gehen* под влиянием африкаанс.

ND: *Ich gehe nicht hier in Windhoek wohnen, ich gehe in Kapstadt wohnen.*

Afr: *Ek gaan nie hier in Windhoek woon nie, ek gaan in Kaapstad woon* [Shah, 2007, p. 33].

Существует разница и в управлении глаголов [Shah, 2007, p. 26].

3. Прилагательные в Namdeutsch имеют со стандартным немецким одинаковую парадигму склонения.

¹ Мы намеренно не останавливаемся на лексическом составе Namdeutsch, поскольку считаем, что данная тема является отдельным масштабным исследованием, требующим большого дополнительного материала.

Ich habe einen lellecken (Afr.: lelik = ‘ugly’, ‘bad’) Sonnenbrand [Shah, 2007, p. 27].

4. В качестве отрицательных частиц употребляются *nie* и *nich* (иногда пишется *nicht*, но произносится всегда *nich*) [Кузнецова, 2021].

ND: Ich hab’ *nich* gewusst, der Oukie hat ein Beik.

SD: Ich habe nicht gewusst, dass der Mann ein Fahrrad hat [Shah, 2007, p. 32].

Так же, как и в африкаанс, Namdeutsch имеет тенденцию к употреблению двойного отрицания.

Ich will *nich nima* murrsch Windhoek kuiren [Кузнецова, 2021, с. 30].

5. Удостоверительным частицам *nicht wahr? oder?* в Hochdeutsch в Namdeutsch соответствует *ne?*

ND: Der Film war eigentlich so lecker, *ne?*

SD: Der Film war eigentlich so schön, *oder?* [Shah, 2007, p. 39].

6. Выражение поссесивности в Namdeutsch совпадает с африкаанс.

ND: *Meinem* Freund *seine* Schwester.

Afr.: My vriend se suster.

SD: Die Schwester meines Freundes [Shah, 2007, p. 28].

Заключение

Современную Намибию можно охарактеризовать как страну с богатым языковым капиталом. Функционирование на ее территории языков, принадлежащих к разным языковым семьям, по праву обеспечивает ее высоким языковым статусом. Немецкий язык, несмотря на потерю на данной территории статуса официальности, является тем не менее одним из активно используемых национальных языков Намибии, языком межнационального общения. И его нынешнему статусу пока ничего не угрожает, хотя У. Аммон и считает, что будущее немецкого языка в этом государстве находится под угрозой [Ammon, 2015].

Тем не менее немецкий язык продолжает использоваться в самых разных сферах жизни страны. Около 20 тыс. намибийцев считают его родным, а несколько десятков тысяч – белые носители африкаанс или английского либо черные намибийцы, живущие в Виндхукке или других городах, используют немецкий язык как

второй или третий иностранный язык. Чернокожее население, занятое в туристическом бизнесе, владеет немецким языком.

Немецкий язык преподается во многих школах, используется в ежедневных программах радио и телевидения Намибии. На немецком языке выходит ежедневная газета *Allgemeine Zeitung*.

Немецкий язык используется в качестве средства общения в широком диапазоне социально-культурной сферы: церкви, школы (*Deutsche Höhere Privatschule Windhoek*), литература (немецко-намибийские авторы), музыка, Интернет, СМИ (*Hochdeutsch* или *Namslang*).

14 тыс. намибийских учеников изучают немецкий язык как иностранный. Наряду с *Deutsche Höhere Privatschule* существуют немецкие школы в Омаруру и Очиваронго, а также пять государственных школ. Есть несколько дополнительных начальных и средних школ, тренажерные залы с немецким языком обучения. Университет Намибии предлагает исследовательские программы по разным научным направлениям и бизнес-администрированию на немецком языке.

Вывески магазинов, ресторанов и бытовые услуги отражают высокую долю немецко-намибийской собственности в государстве. Каждый год Намибию посещает большое число немецкоговорящих туристов. Немецкий язык также встречается на указателях для туристов, памятниках и исторических зданиях немецкого колониального периода. Немецкие топонимы особенно распространены на юге и в центральной части страны.

Литература

- Горячев Ю.А., Красильников А.С. На огненном рубеже: народы и молодежь Зимбабве, Намибии и Южной Африки в борьбе за свободу и независимость. – Москва : Молодая гвардия, 1982. – 208 с.
- Кузнецова А.Е. Нэм-сленг как проявление вариативности немецкого языка. – Москва : МГЛУ, 2021. – 70 с.
- Петренко Д.А., Соловьева К.К. Особенности функционирования немецкого языка в Республике Намибия // Вестник науки и образования. – 2017. – Т. 1, № 6 (30). – С. 71–74.
- Языки Намибии. – URL: <http://www.gov.na/languages-spoken> (дата обращения: 15.07.2024).
- Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – Berlin ; München ; Boston : Walter de Gruyter, 2015. – 1295 S.

- Kellermeier-Rehbein B.* Namslang: Deutsche Jugendsprache in Namibia // Sprachvariation und Sprachreflexion in interkulturellen Kontexten. – Frankfurt/M. : Peter Lang, 2015. – S. 41–62.
- Shah S.* German in a contact situation: The case of Namibian German // eDUSA. – 2007. – N 2. – P. 20–45.
- Zappen-Thomson M.* Zur Rolle des Deutschen als eine der Nationalsprachen im Kontext der Sprachenvielfalt in Namibia // Jahrbuch für Internationale Germanistik. – Bern: Peter Lang, 2022. – Jhrg. 54, H. 2 – S. 115–129.

ГЛАВА VIII. АНГЛИЦИЗМЫ И ПСЕВДОАНГЛИЦИЗМЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В XXI в.

А.И. Назаренко

В последние годы в Италии все чаще высказывают опасения, что язык национальных средств массовой информации начинает превращаться в «технический», т.е. особый метаязык, понимание которого все менее доступно большинству читателей и телезрителей. Одно из свойств метаязыков – это их предрасположенность к адаптации иноязычных слов, тенденция к созданию унифицированного языка для международного общения. В наше время заимствования чаще всего попадают в языки через прессу и другие СМИ, а в силу доминирования в современном мире англо-американских средств массовой информации большинство клише, характерных для языка прессы, – это именно англицизмы.

Ситуация в Италии не является уникальной: уже не первое десятилетие рост количества англицизмов наблюдается во многих странах. Но если, например, в Испании и Франции стремятся контролировать и ограничивать количество англицизмов в языке СМИ, то в Италии наблюдается прямо противоположная тенденция: употребление англицизмов считается модным и прогрессивным и даже продвигается на государственном уровне.

Это подтверждают данные, содержащиеся в исследовании об англизации итальянского языка, опубликованном в январе 2023 г. на электронном ресурсе *italofonia.info*. Лингвист и борец за чистоту итальянского языка, создатель сайта «*Diciamolo in italiano*» А. Дзоппетти приводит сравнительную таблицу количества англицизмов на первых страницах цифровых изданий ведущих европейских газет в течение четырех недель в январе-феврале 2022 г.

В *El País* было зарегистрировано 147 англицизмов, в *Le Figaro* – 439, в *Süddeutsche Zeitung* – 658, а в итальянской газете *La Repubblica* – 1371 [Zoppetti, 2023, p. 17].

По данным различных источников, в период, предшествовавший пандемии коронавируса, ежегодно в итальянский язык входило от 30 до 74 англицизмов. В обновленном словаре итальянского языка издательства *Zingarelli* 2020 г. содержится более 3000 англицизмов. В первом цифровом издании словаря *Devoto Oli* в 1990 г. было зарегистрировано 1700 англицизмов, а в издании 2020 г. – около 4000, т.е. их количество за 30 лет увеличилось больше, чем в два раза [Zoppetti, 2023, p. 9].

При анализе причин подобной тенденции в прессе высказываются предположения, что «итальянцы развили в себе настоящую зависимость от английского языка». «...Если ты называешь что-то английским словом, то все сразу кажется более современным, важным, приковывающим внимание, идущим в ногу со временем. Аналогичное выражение на итальянском считается старым, немодным, неуместным, поэтому мы все чаще обращаемся к этим англицизмам, ведь нам кажется, что они более эффективно и емко описывают суть понятий» [Corbolante, 2020 b].

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что англицизмы обогащают итальянский язык, помогают ему обратиться к новым словообразовательным моделям [Testa, 2016]. Однако крупнейшие итальянские эксперты в области филологии и лингвистики, входящие в состав Академии делла Круска, высказывают озабоченность складывающейся ситуацией и настоятельно рекомендуют использовать итальянские эквиваленты многих заимствованных слов. О своих опасениях по поводу «засилья» англицизмов и «умирания» итальянского языка говорят на страницах газет, журналов, а также в своих блогах многие писатели и журналисты, а специалист в области коммуникации Аннамария Теста даже запустила проект, обращенный к сотрудникам органов государственного управления «*Dillo in italiano*» («Скажи это на итальянском»).

Часто проблема формулируется слишком глобально: возможно ли бороться с засильем англицизмов и нужна ли вообще эта борьба? Итальянские лингвисты Дж. Адамо и В. делла Валле предлагают более предметный подход и разделяют заимствования в современном итальянском языке на:

– «незаменимые заимствования», укоренившиеся в языке: *computer*;

– «полезные заимствования», т.е. получившие международное распространение иностранные слова и выражения, к которым говорящие легко привыкают, простые в произношении: *autobus*;

– «избыточные заимствования» – слова и выражения, имеющие итальянские эквиваленты, но насаждаемые СМИ: *ticket* вместо *biglietto* [Corbolante, 2012].

Лингвист и специалист по терминоведению Л. Корболанте считает, что нужно проводить различие между заимствованиями в специализированной лексике, описывающими специфические понятия (например, *banner*, *browser*), и использованием англицизмов в угоду моде, из-за простого нежелания или неумения переводить термины [Corbolante, 2012]. Подобное разграничение она мотивирует именно разницей результатов при выполнении коммуникативной задачи – адекватной передаче значения. Например, для заимствований *banner* или *browser* нельзя подобрать итальянские эквиваленты, ведь при попытке перевода подобных терминов значение рискует оказаться искаженным, непонятным или слишком общим. В подобных случаях именно использование итальянских эквивалентов может нарушить коммуникацию, помешать передать значение. Если итальянец нормально воспринимает заимствование *lo smartphone* (как раз и описывающее специфический вид мобильного устройства) и понимает его значение, то попытка ввести итальянский эквивалент *il telefono intelligente* только внесла бы терминологическую путаницу.

Приведем пример «избыточного», ничем не обоснованного обращения к англицизмам в итальянском языке. В 2014 г. в Болонье был открыт новый подземный вокзал для скоростных поездов. Однако пассажиры, прибывающие на этот суперсовременный вокзал, столкнулись с тем, что не могли найти указатели, показывающие расположение остановки такси. Далеко не все итальянцы и иностранцы догадывались, что привычное слово «*Taxi*» на табличках-указателях заменено теперь на надпись «*Kiss&Ride*». В некоторых странах термином «*Kiss&Ride*» (дословно «поцеловал и уехал») обозначается зона кратковременной бесплатной остановки на вокзалах и в аэропортах для личного автотранспорта, на котором приезжают провожающие или встречающие. В Болонье же так называли именно остановку такси, поэтому неудивительно, что таксисты в течение долгого времени жаловались на нехватку клиентов. Когда через несколько месяцев в зону «*Kiss&Ride*» допустили и частные машины, то мало кто из итальянцев понимал, что останавливаться там можно не более чем на 10 минут, а за нарушение этого правила

грозит штраф. В данном случае для обозначения лучше было бы использовать итальянские термины «*Zona a traffico controllato*» или «*Area 10 minuti*» [Zoppetti, 2017 b], так как именно употребление англицизма сделало коммуникативную задачу невыполнимой.

Обратимся к другому случаю «избыточного» использования англицизов, взяв в качестве примера начальные строки одной из статей, размещенных на сайте новостного агентства ANSA 22 февраля 2016 г.: «*Ambizioso obiettivo proposto dal governo italiano nel position paper sulla politica europea che dà l'ok alla creazione di un superministro delle finanze dell'Eurozona, in grado di gestire un budget con risorse adeguate*». Если слова «*l'ok*» и «*un budget*» понятны итальянским читателям, то термин «*il position paper*» вызывал у итальянцев недоумение: никто не мог объяснить, что имели в виду авторы статьи. Таким образом, часто желание журналистов похвастаться «знаниями иностранного языка» или дать статье красивый заголовок приводит к утрате смысла.

Злоупотребление англоязычными терминами в последнее время все больше проникает и в речь итальянских политиков, в язык госструктур и официальных документов. Жителей области Ломбардия информируют о том, что голосование на консультативном референдуме будет проводиться при помощи *voting machine*; премьер-министр высказывает свои опасения по поводу того, что повышается *spread*; а министр финансов сообщает, что в стране необходимо провести *spending review*. Подобные термины вызывают у итальянцев недоумение, ведь абсолютно непонятно, о чем идет речь, какие законопроекты рассматривают в парламенте, какие реформы планирует провести правительство.

Порой употребление «избыточных» англицизов вызывает возмущение даже у самих работников СМИ. Так, в конце ноября 2017 г. диктор новостного выпуска одного из итальянских телеканалов, сообщая, что правительство планирует включить в бюджет субсидии для относящихся к категории *caregiver*, добавил, что редакция считает этот английский термин «ужасным и постарается никогда не использовать его... Почему нельзя просто сказать: помощь, субсидия, для тех, кто заботится, ухаживает за больными людьми? Мы можем абсолютно ясно выразить все это на итальянском языке» [Zoppetti, 2017 a].

Помимо неуместного употребления заимствований из английского существует еще и проблема искажения значений английских терминов при адаптации их в итальянском языке. Можно выделить несколько видов псевдоанглицизов.

Во-первых, широкое распространение получило приращение англицизмам в итальянском языке смысла, который отсутствует в английском. Много таких слов вошло в итальянский язык с легкой руки бывшего премьер-министра Маттео Ренци. Политик, пришедший к власти в 2014 г., когда ему не было и 40 лет, никогда не делал тайны из того, что ориентируется на Америку и всячески подчеркивал свою дружбу с такими лидерами Демократической партии США, как Билл Клинтон и Мадлен Олбрайт. Ренци делал ставку на то, что употребление англицизмов привлечет на его сторону молодежь и будет способствовать укреплению его имиджа образованного, продвинутого и имеющего вес на международной арене политика. Самым известным «псевдоанглицизмом», придуманным Ренци, является термин *Jobs Act*, означающий «реформа трудового законодательства». Точный смысл этого выражения долгое время оставался непонятным большинству итальянцев, но постоянно употреблялся самим Ренци в выступлениях и, следовательно, цитировался прессой. Л. Корболанте посвятила этой теме несколько статей в своем блоге «Terminologia etc.», отметив, что в английском языке слово *act* означает «законодательный акт, принятый парламентом и промульгированный главой государства», т.е. «закон». Ренци, скорее всего, имел в виду «проект закона», которому в английском соответствует слово *bill*, но «в любом случае, в Италии проект закона может внести только парламентарий» [Corbolante, 2014]. При введении политиком нового термина-англицизма не было четко определено, что он обозначает, и это привело к терминологической путанице. Л. Корболанте подчеркивает, поскольку для носителей английского выражение *Jobs Act* оказывается непонятным, то в англоязычных СМИ оно переводится с «итанглийского» («itanglese») на английский как *employment bill*.

Приведем другие примеры псевдоанглицизмов в итальянском языке. Несколько лет назад министерство образования Италии создало проект по проведению совместных университетских занятий для студентов разных факультетов и придумало для него название «*Contamination lab*» и даже сокращение «*CLab*» [Corbolante, 2017]. В итальянском языке слово *contaminazione* может употребляться в переносном значении, обозначая «слияние элементов различного происхождения», однако в английском у слова *contamination* отсутствует позитивный оттенок, оно означает только «загрязнение», «отравление». В подобных случаях речь идет о терминологических ошибках, создающих путаницу и препятствующих пониманию.

Особый вид псевдоанглицизмов образуется вследствие адаптации в итальянский язык английских словосочетаний с их последующим сокращением. Отметим, что при этом определяемое слово исчезает, от словосочетания остается только определяющее, к которому добавляется артикль, соответствующий роду определяемого компонента в итальянском языке. Например, английское сочетание *gift card* («подарочная карта») превратилось в итальянском в *una gift*: к определяющему слову был прибавлен артикль женского рода от определяемого компонента *una carta* («card»). Можно предположить, что упрощения словосочетаний по такой схеме происходят под влиянием закона речевой экономии, однако результат часто получается весьма странным. Например, в итальянском языке существует выражение *la revisione della spesa pubblica* («программа пересмотра государственных расходов»), однако в прессе чаще употребляется английский термин *spending review*, а также его усеченный вариант *la spending*. Таким образом, смысл термина не просто искажается, а достигает прямо противоположного: «процесс государственных трат, расходов».

К этой категории псевдоанглицизмов можно отнести и часто употребляемое в итальянской прессе выражение *in pole* – сокращение от *in pole position*. В английском языке это выражение из спортивной лексики, обозначающее наиболее выгодную позицию лошади при старте на скачках или позицию, с которой стартует лидер предварительных заездов в ралли и мотогонках, употребляется и в переносном смысле для обозначения лидирующей позиции одного из кандидатов на выборах: «Donald Trump is in pole position to win the White House». Однако в итальянских СМИ, когда речь идет о наиболее вероятном кандидате на какой-либо высокий пост, используется именно сокращенное выражение *in pole*: «Di Maio in pole per l'incarico di inviato speciale Ue nel Golfo Persico»; «Governo, in pole Amato»; «Alla Difesa in pole Federica Mogherini o Roberta Pinotti».

Отметим также тенденцию к употреблению в итальянском языке заглавных букв по правилам английской орфографии, использованию букв-символов. Например, английское выражение *U-turn* («разворот») перешло в итальянский язык в виде *inversione a U*. Однако у носителей английского звучание этого сочетания вызывает недоумение, на эту тему даже был создан юмористический видеоролик [Backseat Italians, 2013].

Выражение *inversione a U* часто употребляется в итальянском языке также и в переносном значении «передумать», «пойти

на попятную», «дать обратный ход»: «“La Nato non è più obsoleta”: *inversione a U* di Trump sull'Alleanza Atlantica». Любопытно, что раньше в таких случаях использовались выражения *fare un'inversione di marcia* или *fare un dietrofront* (итальянское выражение, пришедшее из военного лексикона, которое многие итальянцы ошибочно считают англицизмом из-за того, что существительное оканчивается на согласный). Однако теперь в моду вошел именно вариант *fare un'inversione a U*.

Каковы же причины, заставляющие итальянцев превращать свой родной язык в *itanglese / Itanglish / итанглийский*? Простое следование моде на англицизмы? Неумение или нежелание переводить термины с английского? Ошибочное представление, что «раз я знаю этот термин, то он понятен и другим»? Л. Корболанте подчеркивает, что терминологическая путаница может «свидетельствовать о желании сделать непонятными понятия или явления, которые легко можно выразить на итальянском... она путает мысли и отвлекает от реальности» [Corbolante, 2016]. Неслучайно, в Италии создана ассоциация за усовершенствование языка госструктур *La Rete REI (Rete per l'eccellenza dell'italiano istituzionale)*. Целью ассоциации является обеспечение качественной коммуникации на уровне госструктур, на ясном, понятном и доступном для всех граждан итальянском языке. Манифест ассоциации, опубликованный в 2010 г., называется «*Parole chiare per tutti*» («Слова, понятные для всех») и пропагандирует «языковую культуру, способствующую выполнению коммуникативных задач» [Parole ..., 2010].

Безусловно, итальянцы должны ограничить употребление англицизмов и отказаться от их необдуманного использования, иначе в недалеком будущем они рискуют стать жителями гибридной страны Итанглии, в которой утрачена связь между словами и понятиями. Этот невеселый прогноз еще раз подтвердили итоги голосования по выбору «Слова года», проведенного в конце декабря 2017 г. на сайте газеты *La Repubblica*.

Читатели должны были принять участие в опросе и выбрать «Слово года» из списка, опубликованного на сайте издания. Интересно, что из 15 предложенных редакцией слов всего шесть были итальянскими. Одно слово в списке было арабским (интифада), одно – латинским (*Jus soli* – укоренившееся в итальянской прессе название проекта закона о предоставлении итальянского гражданства детям иммигрантов, родившимся в Италии), а остальные семь – английскими (*curvy, fake news, hater, influencer, paradise paper, sexgate, voucher*).

Вопреки всем прогнозам «Словом» 2017 г. стало не *fake news*, а неологизм *Spelacchio*, которым жители Рима окрестили рождественскую елку, установленную в декабре 2017 г. в центре столицы на площади Венеции и практически сразу же засохшую [Arcangeli, 2017]. Для слова *Spelacchio*, происходящего от глагола *spelacchiare* («терять шерсть, облезать»), трудно подобрать эквивалент в других языках. Англоязычная пресса остановилась на варианте *Mangy* или *The Mangy one*, в российских СМИ использовалось сочетание «облезлая ель». Казалось бы: победило настоящее итальянское слово, обойдя целых семь англицизмов! Но финал истории оказался гораздо интереснее. В ответ на многочисленные требования убрать с площади позорящую город ель, мэр Рима Вирджиния Раджи заявила, что дереву будет дан «второй шанс»: «Мы хотим сделать эту, ставшую всемирно известной, елку конкретным примером творческой переработки вторичного сырья, поскольку у всего может быть вторая жизнь» [Babes ..., 2018]. Мэр пояснила, что ель демонтируют и распилят, а из древесины изготовят сувениры, а также *una baby little home* – деревянный домик, который будет расположен на севере Италии, на берегу озера Гарда, и в котором молодые мамы во время прогулок смогут накормить и перепеленать своих младенцев и поиграть с ними [Roma ..., 2018]. Итак, итальянское «Слово» 2017 г. в своей последующей жизни превратилось в псевдоанглицизм, ведь выражение *baby little home* не имеет в английском языке никакого смысла! При его переводе в англоязычной прессе использовались выражения «*a lactation hut for mothers and babies*» [Winfield, 2018]; «*a wooden house to be used by breastfeeding mothers*»; «*a wooden shelter for mothers to feed and change their babies*»; «*a comfortable wooden house with a table where mothers can change their babies*»; «*wooden hut where mothers can breastfeed and their young charges can play*».

А. Дзоппетти подчеркивает, что «итальянский язык теряет свою способность создавать слова для обозначения нового, поскольку все новое называется преимущественно на английском» [Zorpetti, 2023, p. 12], и это вызывает особую тревогу.

Тенденция к злоупотреблению англицизмами и псевдоанглицизмами усилилась в Италии во время пандемии коронавируса. В современном мире «языку не хватает времени, чтобы дать наименование новому явлению или предмету, и он заимствует его название из другого языка, в настоящее время, как правило, из английского» [Коптелова, 2020, с. 128], поэтому неудивительно, что события 2020 г. способствовали увеличению количества

заимствований из английского во многих языках. К. Мараццини, занимавший в то время пост президента лингвистической Академии делла Круска, подчеркнул негативные последствия подобной тенденции для Италии: «L'uso degli anglismi in questo periodo è uno dei danni secondari del coronavirus» («Использование англицизмов в этот период – это вторичный ущерб, наносимый коронавирусом»). Перевод мой. – А. Н.) [Carratu', 2020]. Большинство неологизмов, появившихся в первый год пандемии в итальянских СМИ, – это именно англицизмы или псевдоанглицизмы, в то время как в других европейских странах для номинации новых явлений обратились к ресурсам родных языков [Назаренко, 2021].

Достаточно беглого взгляда на термины, при помощи которых в итальянских СМИ описывалась складывающаяся в мире невероятная ситуация, чтобы понять: засилье англицизмов стало практически всеобъемлющим. Более того, поскольку на этот раз изменения, происходившие в обществе, коснулись каждого итальянца, англицизмы с невероятной быстротой ассимилировались и в речи обычных людей.

Одним из первых заимствований, появившихся в итальянских СМИ в начале марта 2020 г., стало выражение *la norma droplet*. Мало кто из итальянцев понял, какой смысл нес очередной англицизм, дословно переводившийся как «норма-капля». Тем не менее пресса продолжала без всяких объяснений или перевода на итальянский употреблять термины *droplet*, *la norma droplet*, *la regola Droplet*, имея в виду то способ передачи инфекции воздушно-капельным путем, то новый критерий безопасности, относящийся к дистанции, которую нужно соблюдать с целью избежать заражения, то даже само постановление правительства о необходимости соблюдения этой дистанции.

Как выяснилось впоследствии, слово *droplet* действительно фигурировало в проекте указа премьер-министра о мерах по борьбе с разгоравшейся на севере Италии эпидемией, но в несколько ином виде: в кавычках и с оговоркой – *cosidetto «criterio droplet»* (так называемый критерий *droplet*). Выражение не вошло в окончательный вариант документа, но тем не менее о нем узнала пресса. Оказалось, глава области Венето Лука Дзайа, ознакомленный с проектом указа, немедленно начал использовать новое слово в самых разных контекстах: «*con le limitazioni del droplet*», «*con la distribuzione droplet per i cittadini*», «*garantire il droplet*» [Corbolante, 2020 a]. Журналисты не попросили у политика никаких разъяснений нового термина, тем не менее уже на следующий день растиражировали его во всех СМИ.

В период весеннего локдауна слово *droplet* получило в Италии такое широкое распространение, что 29 апреля 2020 г. даже было включено авторитетной лингвистической Академией делла Круска в список новых слов [Droplet, 2020]. Но уже во второй половине года оно стало встречаться все реже, а найти ссылки на его употребление, датированные 2021 г., практически невозможно. Следовательно, можно констатировать, что этот неологизм не прижился на итальянской почве.

Droplet – не единственный неологизм, попавший в прессу с легкой руки президента области Венето. В частности, весной 2020 г. в своих интервью Лука Дзайа называл расположенные на парковках или возле супермаркетов передвижные пункты для взятия тестов на коронавирус английским выражением *on the road*. Политик не учел, что *on the road* в английском языке означает не «на дороге», а «в дороге», «в пути», «в путешествии» (согласно словарям Collins English Dictionary и Merriam-Webster). К счастью, этот псевдоанглицизм вскоре исчез из употребления.

Рассмотрим англицизмы, появившиеся в итальянских СМИ летом и осенью 2020 г. Открытые в тот период в аэропортах, портах и на скоростных автодорогах пункты, в которых итальянцы могли сдать тест на коронавирус, не выходя из машины, получили название *drive-in* (*drive in*). Это заимствование из английского уже существовало в итальянском языке в значении «кинотеатр под открытым небом для зрителей, которые приезжают на своих машинах и остаются в них во время просмотра». В период пандемии термин получил новое значение и стал семантическим неологизмом.

В начале осени 2020 г. итальянская пресса заимствовала из английского труднопроизносимые для итальянцев термины *drive-through* и *walk-through*. В англоязычных странах эти выражения использовались для обозначения пунктов тестирования на вирусную инфекцию только в качестве определения, за ними обязательно следовали существительные: *drive – through (drive-thru) / walk-through testing site* или *drive – through / walk-through test center* или *drive – through location* (в США): «I did a viral test at a “drive-thru” location in L.A.».

Рассмотрим эволюцию этих терминов в языке итальянских СМИ. Вначале они употреблялись только как самостоятельные субстантивированные единицы: «Covid 19. Tutti in coda *al drive in* per il tampone» (август 2020); «L'accesso *al drive through* è possibile solo su appuntamento» (ноябрь 2020).

В 2021 г. эти англицизмы начали появляться в прессе и на вывесках пунктов сдачи тестов в постпозиции к существительным «пункт», «тест», «способ обслуживания»: *il punto drive-through; il punto tamponi walk in; tamponi drive in; servizio in modalità drive-in; una nuova postazione per i tamponi, modalità drive through*. Как мы видим, произошел переход от субстантивации к образованию неологизмов аналитическим способом по модели «N+N».

Выражения *drive-through* и *walk-through* были труднопроизносимы и не всегда понятны большинству итальянцев, и к концу 2021 г. названия пунктов тестирования в прессе претерпели еще одно изменение: они по-прежнему образовывались по аналитической модели «N+N», однако англицизмы были вытеснены итальянскими словами. Пункты тестирования чаще всего стали называть *punto tamponi* или *centro tamponi*. Эти названия выглядят для итальянцев более привычно, так как в итальянском языке уже существует целый ряд сложных слов в сочетании со словом *punto*, образованных по модели «N+N», в частности, *punto ristoro* («предприятие общественного питания»); *punto vendita* («торговая точка»). Таким образом, выражение *punto tamponi* выглядит для итальянцев привычно, как и названия *centro tamponi* и *centro test e vaccinazione* – «центр тестирования и вакцинации».

Остановимся теперь на судьбе самого распространенного неологизма 2020 г. – выражения *smart working*, обозначающего «удаленную работу; работу на удаленке». В английском языке для передачи этого понятия существуют выражения *remote work / working* или *working from home*. Термин *smart working* является псевдоанглицизмом, появившимся в результате перевода в итальянских СМИ на английский выражения из итальянского законодательства *lavoro agile* – «гибкая работа». Важно отметить, что «гибкая работа», регламентированная в итальянском законодательстве, вовсе не означает «удаленной работы из дома с применением компьютерных технологий по графику и во временных рамках, установленных предприятием», для которой в итальянском существует особое название – *il telelavoro*. Закон № 81 от 2017 г. определяет «гибкую работу» как «способ установления трудовых отношений посредством заключения договоренности между сторонами ...без четкого определения рабочего графика и рабочего места...» [Smart ..., 2020]. То есть в данном варианте трудовых отношений главным является достижение поставленной цели к конкретному сроку при автономности работника – он сам решает, когда, где и сколько ему работать.

Однако как только в конце февраля 2020 г. на севере Италии были выявлены первые очаги распространения коронавируса и предприятия стали переводить сотрудников на удаленную работу, СМИ практически сразу отказались от термина *telelavoro*, сделав выбор в пользу казавшегося им более звучным и идущим в ногу со временем выражения *smart working*. Несмотря на явную терминологическую путаницу, частота и интенсивность появления термина в СМИ сделали свое дело – выражение *smart working* быстро вошло в лексический запас миллионов итальянцев и стало очень популярным.

Дальнейшая адаптация этого выражения в итальянской прессе пошла по уже рассмотренной нами схеме, касающейся упрощения английских словосочетаний: слово *working* стало опускаться, а к слову *smart* был добавлен предлог «in». Таким образом, образовались словосочетания: *lavorare in smart* («работать на удаленке»), *lavoro in smart* («удаленная работа»), а также *studiare in smart* («учиться дистанционно») и *lezioni in smart* («дистанционные уроки»). Когда итальянские школы перешли на дистанционное обучение, то СМИ начали использовать еще один псевдоанглицизм – *smart schooling*, однако это выражение не прижилось на итальянской почве. Существует в итальянском и выражение *smart learning*, оно чаще относится не к дистанционному обучению в школе или университете, а к онлайн-курсам повышения квалификации для сотрудников предприятий: в Интернете можно найти много рекламных объявлений на эту тему.

Летом 2020 г. по модели словосочетания *smart working* было создано название для проекта «*South working*» – «Работать с юга». Инициатива подразумевает удаленную работу на одном из предприятий, находящихся на севере Италии, притом, что сам работник, родом из южной Италии, будет оставаться дома, на юге [Назаренко, 2020]. Программа «*South Working*» сейчас активно развивается, так как ее основатели считают, что она поможет остановить «утечку мозгов» с юга и в перспективе сгладить дисбаланс между севером и югом страны. В 2021 г. в итальянских СМИ было опубликовано много статей о проекте и интервью с его участниками, которые называют себя *South worker* или *southworkers*.

Один из авторитетных словарей, *Nuovo Devoto-Oli*, включил в издание 2021 г. целый ряд неологизмов, пришедших в итальянский язык в год пандемии, в том числе *lockdown*, *smart working*, *droplet*, *spillover*. 12 октября 2020 г. составители словаря провели онлайн-семинар «Население и пандемия: язык в движении в стране,

которая меняется». Докладчики делились своими размышлениями о том, что «язык является свидетелем перемен, происходящих в нашем мире, включая как раз и чрезвычайные ситуации... и что словарь обязательно должен фиксировать и объяснять эволюцию общества с точки зрения развития языка в исторической перспективе» [E il covid ..., 2020].

Перейдем к рассмотрению некоторых словосочетаний, в которые входит слово «вакцинация». В конце 2020 г. итальянские СМИ называли 27 декабря, которое должно было стать в Европе днем начала масштабной вакцинации от коронавируса, не иначе как *Vax Day*. Это название возмущало многих итальянцев. Они задавались вопросом, почему нельзя было дать этому мероприятию итальянское название, например «*Giornata della vaccinazione anti-Covid*». Л. Корболанте в своем блоге отмечала, что одновременно с *Vax Day* в прессе также использовались выражения *Vaccination Day*, *Vaccino-Day* и даже *V-Day*, а министерство здравоохранения Италии официально сделало выбор в пользу англицизма *Vaccine Day*, но при этом никто даже не задавался вопросом, понятны ли все эти выражения населению [Corbolante, 2020 b].

Удивительно, но начавшие открываться по всей Италии сразу же после *Vax Day* центры вакцинации населения получили названия на итальянском языке: *punto vaccinale*; *centro vaccinale*; *polo vaccinale*; *centro per il vaccino*. Эти термины употребляются до сих пор наряду с выражениями *centro vaccinazione*; *centro vaccinazioni* и *centro vaccini*, образованными уже рассмотренным нами аналитическим способом. Возможно, дело в том, что центры вакцинации появились не в период локдауна, а почти через год после начала пандемии, когда для новых явлений уже не нужно было срочно искать новые малопонятные слова. Важен и тот факт, что проект первых сборных павильонов для вакцинации итальянцев был создан знаменитым итальянским архитектором Стефано Бозери, автором уникального жилого комплекса «Вертикальный лес» в Милане и программ строительства зеленых экогородов по всему миру. Павильоны с изображением цветка примулы – символом возрождения страны после первых страшных месяцев пандемии – были установлены в начале 2021 г. на площадях по всей Италии. Эмблема «*L'Italia rinasce con un fiore. Vaccinazione anti-Covid 19*», где в надписи рядом с цветком используется итальянское слово *vaccinazione*, стала официальным символом кампании по вакцинации; она использовалась в СМИ, размещалась на транспорте, в общественных местах. Постоянное повторение в рекламе итальян-

ского слова способствовало тому, что в данном случае обошлось без заимствований из английского.

Изучив примеры некоторых неологизмов, появившихся в итальянских СМИ в период пандемии, можно констатировать, что к концу 2021 г. многие новые явления постепенно стали получать названия, понятные большинству итальянцев. Отметим, что англицизмы и псевдоанглицизмы начали заменяться в итальянских СМИ сложными словами, образованными аналитическим способом (например, *il punto tamponi* вместо *il drive-through*). Следовательно, можно предположить, что тенденция к употреблению англицизмов и псевдоанглицизмов в итальянских СМИ во многом продиктована законом речевой экономии и что аналитизм в итальянском языке будет только усиливаться.

Данная тенденция противоречива. Аналитический способ словообразования позволяет создавать новые слова и словосочетания для обозначения новых реалий, однако правильная расшифровка значений таких неологизмов (*la norma droplet*, *South Working*) может происходить только за счет наличия фоновых знаний, что часто приводит к искажению смысла и терминологической путанице.

Каковы же прогнозы на ближайшее будущее? Пойдет ли итальянский язык по пути противостояния засилью англицизмов? Или итальянцы, в отличие от жителей других европейских стран, будут продолжать столь страстно и в большинстве случаев неверно копировать английские слова и выражения, забывая о ресурсах родного языка?

Почетный президент Академии делла Круска К. Мараццини считает, что причина засилья англицизмов в том, что в Италии «языком высокой культуры никогда не владели одинаково все социальные слои во всех областях страны, и он до сих пор не является объединяющим фактором, поэтому мы, более чем жители других средиземноморских стран, склонны обращаться к заимствованным словам» [Carratu', 2020].

Выскажем предположение, что сложившаяся ситуация является и результатом отсутствия в Италии грамотной национальной языковой политики. Более того, в последнее время ангажизация продвигается именно на государственном уровне. Достаточно посмотреть на названия различных инициатив по продвижению Италии на международном уровне, предложенных различными министерствами.

Министерством культурного наследия в 2015 г. был создан интернет-ресурс *VeryBello*, а в 2021 г. – сайт *ITsART*. Министерст-

во иностранных дел в конце 2021 г. объявило о запуске кампании по формированию нового имиджа Италии за рубежом под названием *BeIT*. Министерство туризма весной 2023 г. анонсировало рекламную кампанию *Open to meraviglia*, целью которой должно стать продвижение достопримечательностей и природных красот Италии с целью привлечения еще большего количества туристов со всего мира. Подобное «загрязнение» национального коммуникативного пространства гибридными «итанглийскими» названиями далеко не безобидно. О том, что подобные языковые игры ведут к разрушению родного языка, к утрате национальной культуры и идентичности, предупреждают многие исследователи [Бойко, 2014; Бондаренко, 2019; Музычук, Баклашкина, 2017].

Приведенный нами пример эффективности рекламы центров вакцинации, в которой использовалось именно итальянское слово *vaccinazione*, показывает важность продуманной языковой политики.

Тенденция к злоупотреблению англицизмами и псевдоанглицизмами в современной Италии тем более печальна, что итальянский язык всегда воспринимался иностранцами как красивый и музыкальный, а сейчас входит в число самых изучаемых в мире. Хотелось бы выразить надежду на то, что англизация на государственном уровне замедлится и многие итальянцы вновь откроют для себя богатое наследие и безграничный потенциал родного языка.

Литература

- Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 32–43.
- Бондаренко О.Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: что дальше? // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 3(819). – С. 22–32.
- Контелова И.Е. Hungarian or Hunglish // Английский язык на территории Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: сборник научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – С. 126–142. (Теория и история языкознания).
- Музычук Т.Л., Баклашкина О.Н. Межкультурный диалог и сохранение национальной идентичности в России // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты. – 2017. – № 1. – С. 128–135.
- Назаренко А.И. Англицизмы и псевдоанглицизмы в итальянском языке в 2020 году // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов IV Ежегодной международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 776–786.

- Назаренко А.И.* Неожиданный результат пандемии: изменение в дихотомии Север–Юг в медийном дискурсе Италии // Филологический аспект. Серия История, культура и искусство. – 2020. – № 1 (1). – С. 17–28.
- Arcangeli M.* «Spelacchio», la parola dell'anno che non ti aspetti // La Repubblica. – 2017. – 30.12. – URL: http://www.repubblica.it/cultura/2017/12/30/news/sondaggio_la_parola_dell_anno_spelacchio_vince_allo_sprint-185487518/ (дата обращения: 07.04.2024).
- Babes in the wood thanks to Rome's 'mangy' Christmas tree* // France 24. – 2018. – 09.01. – URL: <http://www.france24.com/en/20180109-babes-wood-thanks-romes-mangy-christmas-tree> (дата обращения: 07.04.2024).
- Backseat Italians.* – 2013. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Biua-A7qzJA> (дата обращения: 07.04.2024).
- Carratu' M.C.* L'Accademia della Crusca: «Nei giorni del Covid, troppe parole inglesi» // La Repubblica. – 2020. – 06.06. – URL: https://firenze.repubblica.it/cronaca/2020/06/06/news/l_accademia_della_crusca_nei_giorni_del_covid_troppe_parole_inglesi_-258545003/ (дата обращения: 07.04.2024).
- Corbolante L.* Get your [Jobs] Act together! // Terminologia etc. – 2014. – 01.09. – URL: <http://blog.terminologiaetc.it/2014/01/09/significato-job-jobs-act/> (дата обращения: 07.04.2024).
- Corbolante L.* Inglese farlocco: Contamination Lab (CLab) // Terminologia etc. – 2017. – 26.05. – URL: <http://blog.terminologiaetc.it/2017/05/26/significato-contamination-lab-miur/> (дата обращения: 07.04.2024).
- Corbolante L.* Le comunicazioni istituzionali e il rischio dell'inglese farlocco // Treccani. – 2016. – 26.05. – URL: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/ok/Corbolante.html (дата обращения: 07.04.2024).
- Corbolante L.* La «regola droplet»: invenzione dei media? // Terminologia etc. – 2020 a. – 03.03. – URL: <http://blog.terminologiaetc.it/2020/03/03/significato-droplet-emergenza-coronavirus/#Zaia> (дата обращения: 07.04.2024).
- Corbolante L.* L'invasione degli anglicismi // Terminologia etc. – 2012. – 06.04. – URL: <http://blog.terminologiaetc.it/2012/06/04/pericolo-forestierismi/> (дата обращения: 07.04.2024).
- Corbolante L.* 27 dicembre: Vaccination, Vaccine, Vax o V-Day? // Terminologia etc. – 2020 b. – 27.12. – URL: <http://blog.terminologiaetc.it/2020/12/27/nome-giornata-vaccinazione-anticovid/> (дата обращения: 07.04.2024).
- Droplet.* – 2020. – URL: <http://www.politicheeuropee.gov.it/it/comunicazione/europarole/droplet/> (дата обращения: 07.04.2024).
- E il Covid ora cambia anche il vocabolario* // La Repubblica. – 2020. – 09.10. – URL: https://www.repubblica.it/cronaca/2020/10/09/news/e_il_covid_ora_cambia_anche_il_vocabolario-270038007/ (дата обращения: 07.04.2024).
- Parole chiare per tutti. Manifesto per un italiano istituzionale di qualità* // REI. – 2010. – 26.04. – URL: http://ec.europa.eu/translation/italian/rei/about/documents/manifesto_italiano_istituzionale_qualita_it.pdf (дата обращения: 07.04.2024).
- Roma, Spelacchio, via gli addobbi. Anzi no. Raggi: diventerà casetta per le mamme* // Il Messaggero. – 2018. – 09.01. – URL: http://www.ilmessaggero.it/roma/cronaca/spelacchio_albero_raggi_piazza_venezia-3472609.html (дата обращения: 07.04.2024).
- Smart working o teleworking?* // Nous. – 2020. – 06.04. – URL: <https://www.nous-srl.com/lo-smart-working-non-e-telelavoro/> (дата обращения: 07.04.2024).

- Testa A.* L'italiano e gli anglicismi: la Treccani fa il punto // Internazionale. – 2016. – 11.04. – URL: <https://www.internazionale.it/opinione/annamaria-testa/2016/04/11/italiano-anglicismi-treccani> (дата обращения: 07.04.2024).
- Winfield N.* (The Associated Press) Rome to carve up its «mangy» Christmas tree into souvenirs. Toronto Star. – 2018. – 09.01. – URL: <https://www.thestar.com/news/world/2018/01/09/rome-to-carve-up-its-mangy-christmas-tree-into-souvenirs.html> (дата обращения: 07.04.2024).
- Zoppetti A.* Caregiver? No grazie! E grazie a Enrico Mentana! // Diciamolo in italiano. – 2017 a. – 28.11. – URL: <https://diciamoloinitaliano.wordpress.com/2017/11/28/caregiver-no-grazie-e-grazie-a-enrico-mentana/> (дата обращения: 07.04.2024).
- Zoppetti A.* L'itanglese imposto dall'alto: Kiss&Ride, Kiss&Fly, Kiss&Go... e tanti baci all'italiano // Diciamolo in italiano. – 2017 b. – 22.11. – URL: <https://diciamoloinitaliano.wordpress.com/2017/11/22/litanglese-imposto-dallalto-kissride-kissfly-kissgo-e-tanti-baci-allitaliano/> (дата обращения: 07.04.2024).
- Zoppetti A.* Rapporto sull'anglicizzazione dell'italiano // Italfonia.info. Gennaio. – 2023. – URL: https://italofonia.info/media/pdf/italofonia_rapporto-anglicizzazione-2023.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

ГЛАВА IX. ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В МЕКСИКЕ¹

В.М. Шахназарян

Испанский язык в Мексике представляет уникальное языковое образование, обусловленное не только тем, что Мексика является самой крупной испаноговорящей страной с населением более 126 млн человек [*Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática*, 2020], но и разнообразием форм существования или состояния языков, которые проявляются в виде территориальных диалектов. Понятие языкового состояния, введенное отечественным ученым Г.В. Степановым, описывает отношение языка или его части к другим языкам или другой части того же языка в контексте различных пространственных и социальных взаимодействий [Степанов, 2004, с. 30–36]. Столица Мехико играет важную роль в формировании национальной языковой нормы Мексики, где сливаются воедино все говоры, свойственные стране «... *ciudad de México donde se unen todas hablas del país*» [Lope Blanch, 1969, p. 11]. Отечественные и зарубежные лингвисты [Михеева, 2019; Чеснокова, 2004; Яковлева, 2023; Lope Blanch, 1969; Lope Blanch, 1987; Lope Blanch, 1991; Lara, 1979; Alvar López, 2002; Gómez Caruz, 2005] называют его самым богатым с точки зрения лексического разнообразия и самобытным национальным вариантом.

Интерес к изучению национально-культурного своеобразие мексиканского национального варианта испанского языка зародился в первой половине XX в. В 1938 г. доминиканский исследо-

¹ Глава является перепечаткой фрагмента диссертации автора: Шахназарян В.М. Мексиканский территориальный диалект испанского языка штата Кинтана-Роо: диссертация ... кандидата филологических наук. – Москва, 2023. – 195 с.

ватель П. Энрикес Уренья выделил на территории страны пять диалектных зон, что послужило толчком к более детальному изучению территориальной вариативности испанского языка Мексики.

В настоящее время в данной области романистики имеются исследования выдающихся диалектологов, посвященные изучению национально-специфических особенностей испанского языка в отдельных городах и штатах Мексики. Среди них: Х. Ллойд «La pronunciación del español hablado en el estado de Veracruz» (1952), П. Бойд Боуман «El habla de Guanajuato» (1960), Д. Карденас «El español de Jalisco» (1967), Г. Гонсалес Виоланте «Estudio fonético del español hablado en Tampico» (1980), Х. Гарсия Фахардо «Fonética del español hablado en Valladolid, Yucatán» (1984), Р. Вильямсон «El habla de Tabasco. Estudio lingüístico» (1986), Б. Гарса «El español hablado en la ciudad de Oaxaca. Caracterización fonética y léxica» (1987), И. Фернандес «La lingüística y el habla de Monterrey» (1995), М. Лопес Бериос, Э. Мендоса Герреро «El habla de Sinaloa» (1997), Р. Перес Агилар «El habla de Chetumal» (2002).

Интерес лингвистов также вызвала языковая интерференция (испанский – майя) на полуострове Юкатан. Первым попытку изучения особенностей испанского языка Юкатана предпринял чешский ученый А.Р. Никл в работе «Notes on the Spanish of Yucatan, Veracruz and Tlaxcala» (1930), где он рассматривал в первую очередь лексические заимствования из языка майя в испанском языке Юкатана, Веракруза и Тлашклы.

В 1980–1981 гг. вышел труд мексиканского ученого А. Барреры Баскеса «Estudios lingüísticos» в двух томах, в котором ученый анализировал влияние языка майя на испанский язык полуострова на всех лингвистических уровнях.

Самым крупным проектом по изучению языковой вариативности полуострова Юкатан по праву можно считать работу мексиканского лингвиста Х.М. Лопе Бланча «Estudios sobre el español de Yucatán» (1987). Выводы ученого базируются на результатах опроса 63 информантов в девяти городах полуострова. Отметим, что из девяти локаций, выбранных для проведения эксперимента, в штате Кинтана-Роо опрос информантов проводился только в двух городах: Четумаль и Фелипе Карильо Пуэрто.

Изучению характеристик испанского языка г. Четумаль посвящено исследование мексиканского ученого Р. Переса Агилара «El habla de Chetumal» (2002). В нем рассматриваются фонетические, грамматические и лексические особенности испанского

языка этого города и влияние на их возникновение ряда экстралингвистических факторов.

Особенностям функционирования лексических языковых единиц в испанском языке г. Канкун посвящено исследование Г. Алкалы Филлипс «Mayísmos en el habla de Cancún» (2017). Лингвист использует методологию, предложенную Х.М. Лопе Бланчем. Материалом исследования послужили результаты опроса его информантов в Канкуне и глоссарий из 80 маизмов, разработанный Р. Пересом Агиларом.

Отметим, что данные, приведенные в работах А.Р. Никла (1930), А. Барреры Баскеса (1980), Х.М. Лопе Бланча (1987), в некоторой степени устарели, а изыскания Р. Переса Агилара (2002) и Г. Алкалы Филлипс (2017) описывают национально-культурные особенности испанского языка лишь отдельных городов штата Кинтана-Роо. Малое количество проведенных исследований испанского языка на территории региона также не дает возможности составить «полную картину» состояния испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо на синхронном срезе. Р. Перес Агилар отметил, что *«de todos los sitios investigados en la región, a Quintana Roo corresponde ... a nivel nacional, pues solo el 1.03%»* «из всех исследованных мест в регионе на долю Кинтана-Роо ... на национальном уровне приходится лишь 1,03% исследований¹» [Pérez Aguilar, 2002, p. 295].

В настоящем исследовании предпринимается попытка комплексного изучения национально-культурных особенностей испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо на всех языковых уровнях на синхронном срезе с учетом экстралингвистических факторов, повлиявших на его становление и развитие.

Материалом исследования являются одноязычные и двуязычные академические словари испанского языка: Н.М. Фирсова, Н.Ф. Михеева Испанско-русский и русско-испанский словарь для всех (2006); Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка под ред. Н. М. Фирсовой (2011); А.В. Садиков и Б.П. Нарумов Испанско-русский словарь современного употребления (2007); J. Pérez Pío Diccionario de la lengua maya (1866); J.A. Gómez Navarrete Diccionario introductorio español – maya, maya – español (2009); Diccionario de Real Academia española (<https://dle.rae.es/>); Diccionario de americanismos (<https://www.asale.org/recursos/diccionarios/dam/>); Diccionario del español de México (<https://dem.colmex.mx/Inicio>);

¹ Перевод В. Шахназаряна.

Diccionario de mexicanismos de Academia mexicana de la lengua (2010); Diccionario del español yucateco (2011); Diccionario de elementos del maya yucateco colonial (1970); Diccionario bilingüe ilustrado español – maya de recursos naturales (2010); Diccionario de coloquialismos y términos dialectales del español (2011).

В настоящем исследовании также были использованы материалы новостных интернет-ресурсов региона: La verdad, Quintana Roo hoy, Novedades de Quintana Roo, Noticias Chetumal, Noticias Playa del Carmen.

Эмпирическую базу составили результаты полевых исследований, проведенных нами в ходе научной стажировки в 2020 г. в университете Кинтана-Роо в четырех учебных корпусах: г. Четумаль, г. Плайя дель Кармен, г. Канкун и о. Косумель. Опрос информантов мы проводили в 11 наиболее крупных населенных пунктах штата Кинтана-Роо.

Информантами (200 человек) выступили коренные жители штата Кинтана-Роо, представители четырех возрастных групп:

- группа 1: 22–30 лет (25 мужчин и 25 женщин);
- группа 2: 31–40 лет (25 мужчин и 25 женщин);
- группа 3: 41–50 лет (25 мужчин и 25 женщин);
- группа 4: 50–65 лет (25 мужчин и 25 женщин).

Главным критерием отбора информантов являлся высокий уровень образования, включая студентов последних курсов бакалавриата лингвистических специальностей, магистрантов, докторантов, профессорско-преподавательский и административный персонал университета Кинтана-Роо, менеджеров отелей, врачей и т.д.

В рамках фонетического эксперимента информантам было предложено прочитать вслух фрагмент текста. Образцы речи были записаны на диктофон. На этапе обработки экспериментальных материалов в фонетической лаборатории университета Кинтана-Роо записи были расшифрованы и сегментированы при помощи специализированного оборудования, также определены характеристики звуков: частота, длительность и амплитуда.

С целью уточнения особенностей грамматического строя испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо, на этапе подготовки, нами были разработаны анкеты с заданиями, где в предложении нужно было поставить глагол в форму нужного времени и склонения.

Для проведения лексического эксперимента также были разработаны анкеты-опросники, в которых информантам следовало указать, знакомо ли им слово; в случае положительного ответа –

указать, используют ли его в повседневном общении и в каком значении его употребляют. При необходимости мы задавали серию дополнительных вопросов.

Проведение экспериментальной части исследования было разделено на шесть этапов:

- 1) целеполагание и определение методов сбора и анализа данных;
- 2) разработка экспериментального материала (тексты, задания, анкеты, опросники и т.д.);
- 3) определение выборки;
- 4) проведение эксперимента;
- 5) обработка и анализ полученных данных;
- 6) интерпретация результатов эксперимента.

Экстралингвистические особенности испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо

Мексиканский национальный вариант испанского языка ввиду его широкой вариативности мы определяем как полидиалектный. На современном этапе внутри мексиканского национального варианта выделяют 17 диалектных зон. К такому выводу пришел известный ученый-лингвист Х.М. Лопе Бланч, который являлся координатором проекта по изучению языкового многообразия страны – Atlas lingüístico de México «Лингвистический атлас Мексики» (далее AlMex).

Так, по результатам исследования он выделил следующие диалектные зоны:

1. Parte de Península de Yucatán «часть полуострова Юкатан»;
2. Campechano «штат Кампече»;
3. Tabasqueño «штат Табаско»;
4. Veracruzano «штат Веракруз»;
5. Chiapaneco «штат Чиapas»;
6. Zona Tuxtla Gutiérrez «зона Тустла-Гутьеррес»;
7. Altiplano y parte central del Estado de Oaxaca «равнинная и центральная части штата Оахака»;
8. Altiplano central y ciudad de México «центральная равнинная часть страны и г. Мехико»;
9. Norte del estado de Veracruz «север штата Веракруз»;
10. Hablas de norte de altiplano «диалекты северной части равнины»;

11. Zona de transición «переходная зона»;
12. Altiplano central «центральная равнина»;
13. Hablas occidentales «западные диалекты»;
14. Michoacano «штат Мичоакан»;
15. Chihuahuense «штат Чиауа»;
16. Hablas de Noroeste de los estados Sinaloa y Sonora «северо-западные диалекты штатов Синалоа, Сонора»;
17. Bajacaliforniano septentrional «север Нижней Калифорнии» [Lope Blanch, 1990].

Результаты проведенного нами исследования позволяют говорить о возможности выделения еще одной диалектной зоны – штат Кинтана-Роо. Социолингвистический статус испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо можно определить как мексиканский территориальный диалект испанского языка штата Кинтана-Роо.

В диахроническом аспекте мы рассматриваем экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на становление и развитие мексиканского территориального диалекта испанского языка штата Кинтана-Роо:

Исторический фактор

Колонизация Мексики началась в 1517 г., когда корабли Э. Кортеса высадились на острове Косумель. Первые попытки колонизаторов завоевать полуостров Юкатан закончились их капитуляцией и возобновились лишь спустя девять лет. В течение 286 лет правления Испанской короны на территории Мексики полуостров Юкатан оставался обособленным политическим центром во главе с губернатором и отдельной администрацией.

После победы Мексики в войне за независимость между правительством страны и Юкатаном нарастала политическая напряженность, что привело к отделению полуострова. Его интеграция в состав Соединенных Штатов Мексики произошла только в 1848 г., именно тогда было сформировано два административных центра – Юкатан, который занимал большую часть территории на юге, и Кампече – на севере. Таким образом, в течение долгого времени испанский язык полуострова Юкатан развивался обособленно от нормы метрополии, в тесном контакте с автохтонным языком региона – майя.

Социально-экономический фактор

Теплый мягкий климат и географическое положение стали основной причиной решения правительства отделить территории, принадлежащие современному штату Кинтана-Роо, от штата Юкатан и начать развитие туристической инфраструктуры. Ее развитие длилось более 30 лет, а пик пришелся на конец 1990-х годов. Именно туризм «провоцировал» резкое увеличение числа жителей штата, так как на его территорию в поисках заработков переезжали не только жители из других городов и штатов Мексики, но и граждане соседних, менее благополучных стран Центральной и Южной Америки – Никарагуа, Гондураса, Кубы и др.

По данным Национального института статистики, географии и информатики, население штата с момента его образования (8 октября 1974 г.) увеличилось в 21,5 раза с 88 000 до 1 857 985 человек, из которых 200 000 – иностранцы: кубинцы – 27%, гондурасцы – 25,6%, никарагуанцы – 20%, граждане США – 15%. 12,4% – мигранты из других стран, включая Испанию [*Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática*, 2020].

Таким образом, на территории штата Кинтана-Роо наблюдается ситуация смешения различных национальных вариантов испанского языка и их территориальных диалектов, что, безусловно, привело к серьезным изменениям на всех уровнях языковой системы.

Этнический фактор

Испанский язык на территории штата Кинтана-Роо и язык майя находятся в непрерывном контакте более 500 лет – с момента первой попытки колонизации данных территорий. Отметим, что политика по отношению к майя и их языку неоднократно менялась – от культа древней цивилизации и языка до полной дискриминации по национальному и языковому признакам. Число носителей языка майя в штате Кинтана-Роо выросло за последние 10 лет с 196 060 человек до 203 317, среди которых 3,57% – монолингвы майя; 96,43 – билингвы (испанский – майя).

Причиной увеличения числа носителей языка майя выступает как «внешний» интерес к языку и культуре, так и развитие программы ревитализации языка, которая в настоящее время проходит на территории штата в формате эксперимента: все учащиеся

начальной школы изучают основы языка вне зависимости от этнической принадлежности и национальности. Однако основной функцией языка майя можно считать межличностное бытовое общение, на нем говорят люди всех возрастов, независимо от пола и уровня образования и воспитанности.

Территориальный фактор

Среди 32 штатов, образующих Соединенные Штаты Мексики, Кинтана-Роо является самым молодым. Официальное его название, согласно Конституции Мексики, – *Estado Libre y Soberano de Quintana Roo «Свободный и суверенный штат Кинтана-Роо»* со столицей в г. Четумаль. Он расположен в юго-восточной части полуострова и граничит со штатами Юкатан и Кампече на севере и западе. На юге – с государством Белиз.

Функционирование языковых единиц в испанском языке мексиканского штата Кинтана-Роо отличается широкой территориальной вариативностью, в которой мы различаем следующие типы: 1) фонетический; 2) грамматический; 3) лексический.

Комплекс экстралингвистических факторов социально-экономического и культурного характера отражается на языковом облике регионов, городов и отдельных районов. Изучение особенностей языкового ландшафта позволяет лучше понять траекторию «взаимодействия» не только разных языков, но и национальных вариантов одного языка и его диалектов. На наш взгляд, языковой ландшафт отдельного района, города или всего штата может считаться маркером взаимосвязи отдельных этнических групп с их языковым и социальным окружением.

Под языковым ландшафтом в настоящем исследовании понимается превалирование одного языка над другим в границах одного города или муниципалитета, а также доминирование номинаций заведений общественного питания, торговых заведений и наименований продуктов питания на разных языках, обусловленное социально-экономическими и демографическими факторами как первопричинами его формирования.

Гибкая языковая политика Мексики и штата Кинтана-Роо способствовали формированию четырех языковых ландшафтов на его территории:

1. Языковой ландшафт города Канкун и Ривьеры Майя определяется доминированием английского языка, поскольку курортные

зоны в этих районах ориентированы в основном на туристов из США и Канады. Среди названий городской инфраструктуры (кафе, ресторанов, магазинов, общественных и торговых мест) встречаются следующие названия: *Capitan's Cove* – «ресторан морской кухни», *Public Look-out and Beach* – «общественный пляж Канкуна», *Cancun Shopping Village* – «торговый центр Канкуна» и др.

2. Языковой ландшафт г. Плайя дель Кармен отличается превалирование кастильского национального варианта испанского языка, так как на его территории проживает большое количество выходцев из Испании и Италии, а туристическая инфраструктура ориентирована на отдыхающих из европейских стран: *La plancha* – «ресторан-гриль», *Paellas de Pepe* – «паэльи Пепе», *La Taberna. Tapas y Pintxos* – «Таверна. Тапас и пинчос бар». Особенностью лингвистического ландшафта г. Плайя дель Кармен также является тот факт, что на прилавках магазинов и супермаркетов можно встретить названия продуктов, «свойственных» Испании: *albaricoques* вместо *chabacanos* «абрикосы»; *nísperos* взамен *tejocote* «мушмула»; *melocotón* вместо *durazno* «персик» и др.

3. Общемексиканский языковой ландшафт свойственен городам и муниципалитетам штата Кинтана-Роо, не занятым туристическим бизнесом. Названия общественных мест, продуктов питания и блюд привычны для каждого мексиканца: *Taquería Avila* «Такерия Авила», *Antojitos regionales* «Региональные сладости», *Chicharrones y carnitas ISI'S* «Чичарон и мясо ИСИС» и др.

4. Смешанный языковой ландшафт – выступает своего рода маркером смешения двух лингвокультур: испанской и майя. В городах центральной части штата – Фелипе Каррильо Пуэрто, Хосе Мария Морелос, Чунууб – названия общественных мест и продуктов питания представлены двумя языками: *El Bar / «Chaac Mool»* – «бар», *Pastelería / Chunhuhub Qroo* – «кондитерская», *Carnicería / Xo'ol* – «мясной магазин» и др.

Фонетические и грамматические особенности испанского языка штата Кинтана-Роо

Данные, полученные нами в ходе анализа эмпирического материала, позволяют сделать вывод о том, что внутри мексиканского территориального диалекта испанского языка штата Кинтана-Роо на уровне фонетики можно выделить три субдиалектные зоны: южную, центральную, прибрежную, которые образовались

вследствие диффузии разных национальных вариантов испанского языка и территориальных диалектов Мексики.

Несмотря на субдиалектное членение штата в отношении фонетических особенностей, всем носителям испанского языка на данной территории присущи специфические черты, «обнаруженные» во всех субдиалектных зонах:

- фонема /x/ передается в речи аффрикатой [shʰ]: *mulix* [mulishʰ] «*кудрявый*», *xux* [shʰushʰ] «*улей*»,

- фонема /h/ вместо [ɣ] произносится как [h]: *albahaca* [albaháka] «*базилик*», *zanahoria* [sanahóɾja] «*морковь*»;

- фонема /ɲ/ имеет три варианта произношения: альвеопалатальный [ɲ] (*año* [áɲo] «*год*»), палатальный [ɲ] в сочетании с сонорным полусогласным [j] (*año* [áɲjo] «*год*») и диспалатализованный [ɲj] (*año* [ánjo] «*год*»).

К наиболее частотным особенностям в **южной части штата** можно отнести:

- редукцию гласных фонем /e/ и /o/ в сочетаниях «смычная глухая согласная + гласная + /s/» (как правило, во множественном числе): *permisos* [permís^os] «*разрешения*», *frases* [frás^os] «*предложения*»;

- эллипсис фонем в словах *entonces* «*тогда*» и *nosotros* «*мы*»: [tóes], [tónses], [nótros], [nóstros];

- континуацию гласных фонем при перечислении: *casas* [ká:sas] «*дома*», *frutas* [frú:tas] «*фрукты*».

Артикуляционными особенностями в области консонантизма здесь выступают:

- окклюзия звонкой согласной /d/ в положении между двумя гласными или после согласной /r/: *nudo* [nú^do] «*узел*», *gordo* [gó^do] «*полный*»;

- оглушение звонкой фонемы /d/ в финальной позиции: *pared* [paré^d] «*стена*», *ciudad* [siudá^d] «*город*»;

- ослабление согласной /g/ *agua* [á^gua] «*вода*», *aguardiente* [a^guaɾdiénte] «*снурт из агавы*»;

- несколько вариантов произношения фонемы /s/ в зависимости от позиции и этимологии слова:

- озвонченный [s] в положении перед носовой /ɲ/ и перед смычной звонкой фонемой: *limosnas* [limóznas] «*милостыня*», *noviazgo* [noβiáz^so] «*помолвка*»;

- среднеязычный [sʰ] перед [j]: *siempre* [sʰjémpre] «*всегда*», *profesión* [profesʰjón] «*профессия*»[š];

– палатальный [š] в словах, «восходящих» к языку майя: *takex* [takéš] «крышка», *Hol-box* [xol bóš] «Холбош – город на побережье Кинтана-Роо».

Центральная часть штата Кинтана-Роо традиционно является «консервативной зоной майя». На фонетическую систему данной субдиалектной зоны оказала сильное влияние фонетика автохтонного языка региона – майя. Ее отличает сильный вокализм, континуация гласных фонем: *antier se cayó y se le rompió el brazo* [ant'jérsekajó:yse'l'erompió:el'brá:so] «*позавчера он упал и сломал руку*» [запись информантов].

Согласные фонемы в данной субдиалектной зоне подверглись большему влиянию майя, в результате этого отмечаются:

- соноризация билабиальной окклюзивной глухой фонемы /p/: *poder* [poðé:] «*власть, сила*», *política* [polítika] «*политика*»;

- соноризация зубной окклюзивной глухой фонемы /t/: *otro* [ótro] «*другой*»; *punto* [rúñto] «*точка*»;

- ретрофлекс фонемы /t/: *comerciante* [comersjánte] «*коммерсант*», *persona* [persóna] «*персона*»;

- аспирация велярной глухой согласной /x/: *mexicano* [mejikáno] «*мексиканец*», *trabajar* [tra^βajá:] «*работать*»;

- неразличение фонем /n/ и /m/ в финальной позиции: *Yucatán* [jukatám] «*Юкатан*», *ladrón* [la^dróm] «*вор*»;

- эллипсис окклюзивной фонемы /g/ перед гласной /u/: *agua* [áꞰa] «*вода*», *aguardiente* [aꞰardiénte] «*водка*»;

- замещение фонемы /j/, передаваемой буквосочетанием «ll», на дифтонги [ja], [jo], [je]: *llamar* [jamá:] «*звать, звонить*», *batalla* [batája] «*сражение*», *cabello* [sa^βéjo] «*волосы*».

Прибрежная субдиалектная зона, как и южная часть штата, также характеризуется слабым консонантизмом и сильным вокализмом, но обладает своими специфическими чертами:

- эллипсисом звонкой фонемы /d/ в интервокальной позиции: *pintado* [piñtáo] «*раскрашенный*», *determinado* [dete^ɾmináo] «*определенный*»;

- оглушением и переходом звонкой фонемы /d/ в абсолютном конце слога и слова в глухой смычный звук [s]: *edad* [eðá^s] «*возраст*», *bondad* [bondá^s] «*добродетель*»;

- ослаблением имплозивной глухой фонемы /s/ в конце слога и слова: *mosca* [mó^ska] «*муха*», *esto* [é^sto] «*это*».

Результаты анкетирования информантов показали, что грамматический строй мексиканского территориального диалекта испанского языка не претерпел кардинальных изменений в срав-

нении с нормами мексиканского и пиренейского стандартов. Как и в других испаноязычных странах, в испанском языке штата Кинтана-Роо здесь наблюдаются следующие тенденции:

1. Упрощение системы глагольных времен и наклонений. Не употребляются: плюсквамперфект субхунтива, перфект субхунтива, простое и сложное будущее время субхунтива, сложный conditional.

2. Мексиканскому территориальному диалекту испанского языка штата Кинтана-Роо свойственны изменения в парадигме спряжения неправильных глаголов по модели правильных: *encontro* взамен *encuentro* «я нахожу»: *¿Marta, no **encontro** mi celu, lo viste?* «Марта, я не могу найти свой мобильный, ты его не видела?» [запись информантов]; *tosto* вместо *tuesto* «я поджариваю»: *¿Quieres que **tosto** el pan?* «Хочешь, чтобы я поджарил хлеб?» [запись информантов] и др.

3. Отсутствие согласования в роде существительных и безударных форм личных местоимений в третьем лице единственного и множественного числа в функции прямого дополнения: «... *Me gustaría regalarle **El Diccionario** bilingüe ilustrado ... ¿dónde y cuándo **se la** (se lo) podría entregar?*» «... Мне бы хотелось подарить Вам первое издание двуязычного иллюстрированного словаря... Где и когда я могла бы Вам **его** передать?» [фрагмент личной переписки с профессором университета Кинтана-Роо].

Национально-культурные особенности лексических единиц в испанском языке штата Кинтана-Роо

В отечественной испанистике традиционно выделяют три группы лексических диалектизмов, предложенных отечественным ученым В.С. Виноградовым. Вслед за ним в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо мы выделяем:

• **собственно лексические диалектизмы** – синонимы общеиспанских слов: *novelar* (штат Кинтана-Роо) взамен *buscar* (общеиспанская лексическая единица (ЛЕ)) «искать», *xohear* (штат Кинтана-Роо) вместо *mirar* (общеиспанская ЛЕ) «смотреть», *bulto* (штат Кинтана-Роо) взамен *bolso* (общеиспанская ЛЕ) «сумка», *escarpa* (штат Кинтана-Роо) вместо *banqueta* (Мексика) или *acera* (общеиспанская ЛЕ) «тротуар» и др.;

• **этнографические диалектизмы** отражают реалии, свойственные только данной местности: *tarraya* «таррая» (рыболовная снасть в виде сети с пирамидальным каркасом); *tincuio* «тинкуо» (бак для воды), *mataburro* «матабурро» (безалкогольный напиток на основе воды, соли, перца хабанеро и зеленого манго); *sacpá* «сакпа» (сок каучукового дерева, из которого изготавливают жвачку) и др.;

• **семантические диалектизмы** – слова, имеющие диалектное значение общеупотребительных слов за счет семантического сдвига: *gustar* «нравиться» (общеиспанская ЛЕ) – «нравиться; смотреть» (Кинтана-Роо – расширение ЛЗ); *cajuela* «ящик для транспортировки; пробка для бутылки» (Испания) – «багажник; кладовка» (Мексика) – «багажник» (штат Кинтана-Роо – сужение ЛЗ); *chorro* «течь; толпа» (Испания) – «большое количество ч.л.» (Мексика) – «локон волос» (штат Кинтана-Роо – полное изменение ЛЗ); *rebumbio* «шумная вечеринка» (Испания) – «шумная вечеринка; толпа» (Мексика) – «скандал» (штат Кинтана-Роо – полное изменение ЛЗ) и др.

В испанском языке мексиканского штата Кинтана-Роо активно функционируют заимствования из языка майя, что обусловлено длительным лингвистическим контактом в условиях автономности и обособленности от территории страны.

Для выявления национально-культурной специфики функционирования заимствований-маизмов в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо нами был составлен глоссарий маизмов, состоящий из 200 лексических единиц языка майя, разделенный на лексико-семантические группы: внешность, физическое состояние человека; характер человека; эмоции, чувства и состояние человека; родственные связи; повседневные дела; быт; времена года, погода; флора и фауна; гастрономия; персонажи эпоса майя.

В ходе лексического эксперимента за основу была взята модель опроса информантов, предложенная Х.М. Лопе Бланчем (1980) и прошедшая апробацию в ранних работах Р. Переса Агилара (2002), Б.Б. Пфейлер и А. Хофлинга (2006), Г. Алкалы Филлипс (2009), где жителям штата Кинтана-Роо предлагалось ответить на ряд вопросов: «Известно ли Вам слово?»; «Как Вы понимаете это слово?»; «В каких ситуациях Вы используете данное слово?». В некоторых случаях мы задавали ряд уточняющих вопросов.

Результаты проведенного нами исследования показали, что 21% (42 ЛЕ) заимствований-маизмов претерпели изменения в семантике. Так, мы зафиксировали маизмы со следующими изменениями:

• **расширением лексического значения:** *alux* «домовой» (традиционное значение) – «домовой; гном» (штат Кинтана-Роо); *box* «юкатанец; темнокожий» (традиционное значение) – «юкатанец; темнокожий; толстяк; парень» (штат Кинтана-Роо); *p'urux* «человек с большим животом» (традиционное значение) – «человек с большим животом; беременная женщина» (штат Кинтана-Роо);

• **сужением лексического значения:** *bacal* «сердцевина кукурузного початка; худой человек» (традиционное значение) – «сердцевина кукурузного початка» (штат Кинтана-Роо); *mulix* «кудрявый человек; вид птиц с кудрявым оперением» (традиционное значение) – «кудрявый человек» (штат Кинтана-Роо); *hixac* «корзина, сплетенная из лиан; очень худой человек; торакс птиц» (традиционное значение) – «корзина, сплетенная из лиан; очень худой человек» (штат Кинтана-Роо);

• **полным изменением лексического значения:** *nohoch* «большой; главный» (традиционное значение) – «толстый» (штат Кинтана-Роо); *tux* «ямка» (традиционное значение) – «миска для замеса пресного теста» (штат Кинтана-Роо); *uinik* «человек типичной юкатанской внешности, с крупной головой, шляпе и эспадрильях» (традиционное значение) – «бедняк, нищий» (штат Кинтана-Роо).

Статистический анализ полученных данных показал, что наибольшую группу представляют маизмы с расширением лексического значения (70%), наименьшую – с полным изменением семантики (12,5%). Представим полученные данные в виде диаграммы (см. рис. 1).

На словарный состав испанского языка штата Кинтана-Роо оказали влияние и другие автохтонные языки континента. Эти лексемы также претерпели изменения в семантике – в сторону расширения лексического значения, например из языка **науатль** (*chipote* «игрушка; отек (опухоль)» – «игрушка; отек (опухоль); удар; шар; мячик» (штат Кинтана-Роо); *huacal* «язык; культура; диалект» – «язык; культура; диалект; фамилия, раса, ведьмак» (штат Кинтана-Роо); **антильских языков** (*bejuco* «веревка; лиана; дерево» – «веревка; лиана; дерево; ветвь» (штат Кинтана-Роо); *canoa* «плот; каяк» – «плот; каяк; корабль, лодка» (штат Кинтана-Роо); **кечуа** (*chévere* «хороший; достойный» – «хороший; достой-

ный; красивый; прекрасный» (штат Кинтана-Роо); *guineo* «гвинеец» – «гвинеец; банан, куст» (штат Кинтана-Роо).

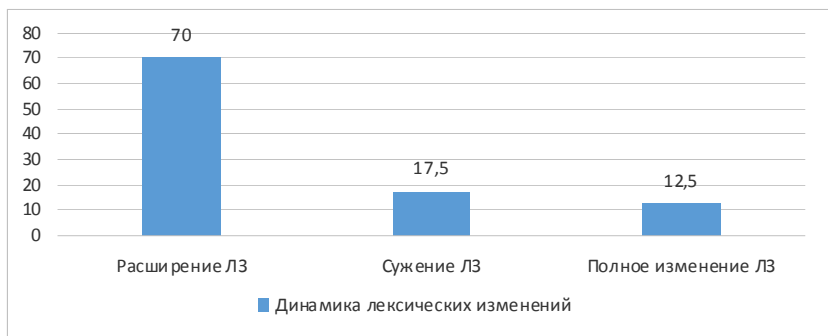

Рис. 1.
Динамика лексических трансформаций заимствований
из языка майя, %

Большим пластом заимствований в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо являются англицизмы, которые функционируют как в профессиональном дискурсе сферы новых технологий – Интернета и IT, так и в устной разговорной речи. На основе анализа речи жителей штата Кинтана-Роо и опосредованного наблюдения за их речевым поведением мы выделяем две группы заимствований из английского языка:

1) неассимилированные англицизмы: *grill* взамен *parilla* «гриль», *salad* вместо *ensalada* «салат» (только овощной салат), *ticket* взамен *billete* «билет на транспорт» и др.;

2) частично ассимилированные англицизмы: *el dólar* «доллар», *el folder* вместо *cartera* «кошелек», *el queque* (cake) взамен *postre* «пирожное» и др.

«Проникновение» англицизмов также отмечается в языке СМИ, издаваемых на территории штата Кинтана-Роо, например: «*Un grupo de ejidatarios de Morocoy instaló un cácher a un costado del camino de acceso a la zona arqueológica de Dzibanché para cobrar por el ingreso de los turistas*» «Группа фермеров установила кассу у дороги на въезде в археологическую зону Дзибанче, чтобы взимать сбор с туристов» [Noticias Chetumal].

¹ Перевод В. Шахназаряна

Национально-культурную специфику словаря испанского языка штата Кинтана-Роо составляют также фразеологизмы, которые выражают особенности языковой картины мира названного штата. Значительная часть этих фразеологизмов образована сочетанием общеиспанского слова и заимствования из языка майя. Большую их часть составляют глагольные выражения:

- глагол + глагол: *lo busco y no lo busco* «я ищу, но не нахожу этого», *no dejar de ser turix* «не позволять быть козлом отпущения» и др.;

- глагол + существительное: *invitar el xix* «дарить что-то ценное, запоминающееся», *ser chechón* «быть плаксой» и др.;

- глагол + причастие: *estár chiflando en la loma* «быть на мели» и др.

Таким образом, проведенное исследование показывает наличие собственных территориальных норм живой разговорной речи у жителей мексиканского штата Кинтана-Роо. Предпосылками их формирования и развития, несомненно, являются экстралингвистические факторы (исторический, социально-экономический, этнический и территориальный). Ситуация тесного языкового и культурного контактов испанского языка с языком майя послужила первоисточником развития полиморфизма исследуемого диалекта.

Литература

- Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. – 4-е изд. – Москва : КДУ, 2017. – 246 с.
- Мухеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. – Москва : URSS, 2019. – 272 с.
- Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. – Изд. 2-е. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
- Чеснокова О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки: Мексика: учебное пособие. – Москва : Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.
- Яковлева С.А. Испанский язык Мексики: лексикография и перевод. – Москва : Центр СНИ и ОТ, 2023. – 318 с.
- Alcalá Fillips G. Mayísmos en el habla de Cancún. – Miami : UM, 2017. – 165 p.
- Alvar López M. Español en dos mundos. – Madrid : Temas de hoy, 2002. – 254 p.
- Barrera Vázquez A. Estudios lingüísticos: Obras completas. – México : Fondo editorial de Yucatán, 1980. – Т. 1. – 162 p.
- Barrera Vázquez A. Estudios lingüísticos: Obras completas. – México : Fondo editorial de Yucatán, 1981. – Т. 2. – 248 p.
- Blaha Pfeiler B., Hofling A. Apuntes sobre la variación dialectal en el maya yucateco // Península. – 2006. – Vol. 1, N 1. – P. 27–44.

- Boyd-Bowman P.* El habla de Guanajuato. – México : UNAM, 1960. – 390 p.
- Cárdenas D.* El español de Jalisco: Contribución a la geografía lingüística hispano-americana. – Madrid : Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1967. – 201 p.
- Fernández I.* La lingüística y el habla de Monterrey. – México : Archivo general del Estado, 1995. – 202 p.
- García Fajardo J.* Fonética del español hablado en Valladolid. – México : UNAM, 1984. – 190 p.
- Garza B.* El español hablado en la ciudad de Oaxaca: Caracterización fonética y léxica. – México : Colegio de México, 1987. – P. 12–27.
- Gómez Capuz J.* La inmigración léxica. – Madrid : ARCO/LIBROS, S.L., 2005. – 78 p.
- González Violante G.* Estudio fonético del español hablado en Tampico: Tesis de maestría. – México : UNAM, 1980. – 156 p.
- Henríquez Ureña P.* Datos sobre el habla popular en México // BDH, IV. – México, 1938. – P. 277–324.
- Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática (INEGI):* Censo de población y vivienda. – 2020. – URL: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/2020/>
- Lara L.F., Chande R.H., García Hidalgo M.I.* Investigaciones lingüísticas en lexicografía. – México : Jornadas 89, 1979. – 266 p.
- Lope Blanch J.M.* Léxico indígena en el español de México. – México : JORNADAS 63, 1969. – 98 p.
- Lope Blanch J.M.* Estudios sobre el español de Yucatán. – México : UNAM, 1987. – 138 p.
- Lope Blanch J.M.* Atlas lingüístico de México. – México : El Colegio de México, 1990. – 138 p.
- Lope Blanch J.M.* Estudios sobre el español de México. – México : UNAM. – 1991. – 181 p.
- Lloyd H.* La pronunciación del español hablado en el estado de Veracruz: Tesis de doctorado. – México : El Colegio de México, 1952. – 470 p.
- López Berrios M., Mendoza Guerrero E.* El habla de Sinaloa. – Sinaloa : Universidad de Sinaloa, 1997. – 793 p.
- Noticias Chetumal.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://noticiaschetumal.com/>
- Nykl A.R.* Notes on the Spanish of Yucatán, Veracruz and Tlaxcla // Modern Philology. – 1930. – N 27(4). – P. 451–460.
- Pérez Aguilar R.* El habla de Chetumal. – Chetumal : Sans Serif Editores, 2002. – 191 p.
- Williamson R.* El habla de Tabasco: Estudio lingüístico. – México : El Colegio de México, 1986. – 255 p.

Словари и справочники

- Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка* / под ред. Н.М. Фирсовой. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – 660 с.
- Садиков А.В., Нарумов Б.П.* Испанско-русский словарь современного употребления (более 100 000 слов и словосочетаний). – Москва : Русский язык: Дрофа, 2007. – 832 с.
- Фирсова Н.М., Михеева Н.Ф.* Испанско-русский и русско-испанский словарь для всех. – Москва : Изд-во РУДН, 2006. – 710 с.
- Diccionario bilingüe ilustrado español – maya de recursos naturales.* – Chetumal : Universidad de Quintana Roo, 2010. – 177 p.

- Diccionario de americanismos.* – URL: <https://www.asale.org/recursos/diccionarios/damer>
- Diccionario de elementos del maya yucateco colonial.* – México : UNAM, 1970. – 137 p.
- Diccionario del español de México.* – URL: <https://dem.colmex.mx/Inicio>
- Diccionario de mexicanismos / Academia mexicana de la lengua.* – México: Siglo XXI, 2010. – 648 p.
- Diccionario del español yucateco.* – Mérida : Plaza y Valdres Editores, 2011. – 459 p.
- Diccionario de Real Academia española.* – URL: <https://dle.rae.es/>
- Fitch R.* Diccionario de coloquialismos y términos dialectales del español. – Madrid : ARCO/LIBROS, 2011. – 855 p.
- Gómez Navarrete J.A.* Diccionario introductorio español – maya, maya, español. – Chetumal : Universidad de Quintana Roo, 2009. – 193 p.
- Pérez Pío J.* Diccionario de la lengua maya. – Mérida : Imprenta literaria de Juan F. Molina Solís, 1866. – 493 p.

ГЛАВА X. ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Р.И. Проклов

Португальский язык – один из романских языков иберо-романской подгруппы, формирование которого начинается в IX в., когда складывается луизитанский вариант поздней латыни.

Наиболее важной вехой в процессе становления португальского языка на ранних этапах принято считать период с конца XII до начала XIII в., так как именно в указанное время происходит переход от луизитанского варианта поздней латыни к галисийско-португальскому языку [Языки мира: Романские языки, 2001].

На рубеже XII и XIII вв. на галисийско-португальском языке создается множество поэтических произведений, получивших название «поззия трубадуров». В ряде научных работ отмечается, что в это время формируется литературная норма, которая в дальнейшем ляжет в основу португальского и испанского языков [Шишмарев, 2020].

Большинство исследователей справедливо полагают, что португальский язык становится самостоятельным в конце XIV в. Иногда отправной точкой этого процесса называют битву при Алжубарроте (1385), когда Португалия получила независимость от Кастилии и стала независимым государством [Языки мира: Романские языки, 2001]. Широкое распространение по миру этого иберо-романского языка начинается в эпоху великих географических открытий, когда португальские моряки, отправившись на поиски Индии, открыли прибрежные территории Африканского континента, Азии и Южной Америки [Поляков, 2021].

Сегодня португальский язык является государственным языком Португалии, Анголы, Бразилии, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбика, Экваториальной Гвинеи, Сан-Томе и Принсипи. В Макао, на Цейлоне, в Индии (Гоа), на Тиморе, на о. Ява [Языки мира: Романские языки, 2001], а также в Шри-Ланке португальский язык используется как средство межнационального общения в условиях многоязычия. Общее число носителей составляет свыше 240 млн¹ человек, что ставит его по этому показателю на седьмое² место в мире.

Португалоязычный сегмент Интернета также является достаточно крупным. Согласно последним данным, в мировой сети насчитывается около 83 млн пользователей, для которых португальский язык является родным. По данному показателю португальский язык занимает пятое место в мире [Müller de Oliveira, 2013]. Диаспоры, включающие выходцев из португалоязычных стран, можно встретить практически во всех уголках мира, однако наиболее значительные группы проживают в США, Канаде, Японии, Венесуэле и ряде европейских государств [Müller de Oliveira, 2013].

На сегодняшний день португальский язык используется более чем в 20 международных организациях, среди которых: Европейский союз (UE), Меркосул, Содружество португалоязычных стран (CPLP), Организация иберо-американских исследований (OEI), Латинский союз (UL), Зона мира и сотрудничества в южной Атлантике (ZPCAS), Сообщество государств Сахель-Сахара (CEN-SAD), Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA), Португалоязычные страны Африки (PALOP), Африканский союз (UA), Сообщество развития Юга Африки (SADC), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (CEEAC), Экономическое сообщество стран Западной Африки (CEDEAO), Латиноамериканская ассоциация интеграции (ALADI), Межамериканский банк развития (BID), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), Группа Рио, Организация американских государств (ОЕА), Амазонский пакт (ОТСА), Союз южноамериканских наций (UNASUL).

В современной социолингвистике выделяются следующие формы существования португальского языка: национальные варианты, территориальные диалекты, входящие в диалекты местные

¹ <https://bigenc.ru/>

² <https://www.ethnologue.com>

говоры, социальные диалекты, литературный язык, или обработанная форма общенародного языка. Следует отметить, что португальский язык является одним из самых распространенных языков в мире и, преодолевая свою географическую разрозненность, занимает устойчивые позиции в институциональной сфере. Наибольшее распространение португальский язык получил в Латинской Америке, прежде всего в Бразилии [Сапрыкина, 2012], где на нем говорят свыше 215 млн человек¹.

Португальский язык в Бразилии: культурно-историческая периодизация

Социолингвистические основания бразильского варианта португальского языка

Португальский язык проник на территорию современной Бразилии в конце XVI в. Принято считать, что ее земли были открыты Педру Алварешем Кабралом 22 апреля 1500 г., однако недавно были высказаны мнения авторитетных ученых, что это произошло несколько ранее [Поляков, 2021].

Начиная с 1536 г. стали происходить постоянные контакты между сравнительно однородным в этнолингвистическом плане живущим на побережье местным населением, которое говорило на языке тупи (диалект тупинамба), и португальскими моряками, что привело к появлению так называемого общего языка (*língua geral*), своего рода койне, в основе которого лежит один из диалектов языка тупи – тупинамба и лексические элементы португальского языка [Вольф, 2012; Гуревич, 2014; Сапрыкина, 2016; Сигалова, 2008; Rodrigues, 2013].

До начала португальской колонизации к концу XVI в. на территории современной Бразилии, т.е. от ее нынешней границы с Боливией до границы с Парагваем и Аргентиной, по разным сведениям, проживали от 2 до 9 млн человек, которые не представляли собой полностью однородную этническую и языковую общность. Так, по имеющимся сведениям, на тот момент на обозначенной территории бытовало 1078 языков, на которых в большинстве своем говорили пять этнических групп: тупинамба (*tupinambás*), тупиникуин (*tupiniquins*), каете (*kaetés*), потигуара (*potiguaras*) и

¹ <https://data.worldbank.org/country/brazil>

тамоио (tamoios), наиболее многочисленной из них была группа тупинамба. В основном представители этих групп говорили на языках, относящихся к семейству языков тупи (Tupi), самыми многочисленными из них являются языки тупи и гуарани (рис. 1) [Гуревич, 2018; Петрова, 2020; Rodrigues, 2013].

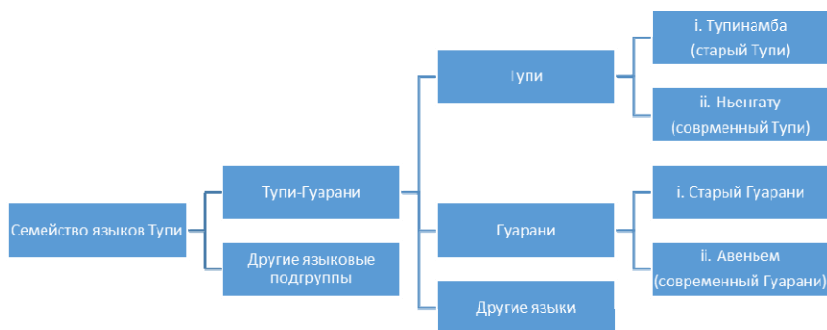

Рис. 1.
Некоторые языки семейства тупи

Отметим, что в настоящее время в Бразилии живыми являются порядка 40 местных языков, еще девять находятся на грани исчезновения. Число носителей зависит от языка и варьируется от менее 100 человек до более 6 млн [Lexical phylogenetics of the Tupi-Guarani family: Language, archaeology, and the problem of chronology, 2023].

В середине XVI в. начинается бурный рост производства сахара и табака в штате Баия [Фаусту, 2013], что, с одной стороны, приводит к увеличению числа переселенцев из метрополии, которые создают имения и участвуют в государственном управлении [Гуревич, 2007; Фаусту, 2013], а с другой – для работы на плантациях начинают завозить рабов из Африки (современные Ангола, Гвинея, Дагомея, Судан, Конго). В результате этого «на северо-востоке Бразилии оказались представители нигеро-конголезской семьи – подсемей ква (племя йоруба) и бенуэкон-голезской (племена банту, йейе, кето)» [Сигалова, 2008, с. 118]. Таким образом, постепенно изменяется языковая ситуация, происходит обогащение лексической системы общего и португальского языков [Сигалова, 2008; Гуревич, 2018; Сапрыкина, 2012].

Ситуация с местными языками также подвергается изменениям. Языки тупи и гуарани после открытия Бразилии формируют два диалекта «северный и южный. Северный, или амазонский диалект (современный тупи) принято называть ньенгату (nheengatú). В отличие от ньенгату, южный диалект тупи (гуарани) называется аваньем (avanheém)» (рис. 1) [Сапрыкина, 2016, с. 36].

Параллельно с португальской колонизацией на территории Бразилии разворачивается миссионерская деятельность иезуитов. Первые иезуиты прибыли в португалоязычную колонию в 1549 г., они ставили своей целью христианизацию местного населения, для общения с которым, в том числе в своих проповедях, они использовали общий язык. В дальнейшем иезуиты продвигались вглубь страны в сторону Амазонки, создавая обособленные поселения, где выступали в роли наставников для местного населения [Гуревич, 2007; Сапрыкина, 2016; Косарик, 2018; Петрова, 2020]. Их деятельность способствовала распространению общего языка по территории колонии.

Известный представитель Ордена иезуитов Жозе ди Аншиета¹ создал грамматику «классического тупи» (*Arte de gramática da língua mais usada na costa do Brasil*), на котором говорила большая часть местного населения [Rodrigues, 2013]. Грамматика была издана в 1595 г. В своей работе Жозе ди Аншиета достаточно подробно описывает грамматическую структуру языка тупи, используя термины и подходы, которые сложились на тот момент при описании грамматики латинского языка. Миссионер-иезуит рассматривает «средства организации диалогической речи, средства экспрессивности, социальных характеристик участников коммуникации, маркеры отношения говорящего к собеседнику, к теме коммуникации» [Косарик, 2016, с. 20].

К этому моменту изменилась этническая композиция населения Бразилии. В результате смешанных браков и различных контактов появилось два вида метисов – мамелуко (mamelucos) и кабокло (caboclos), они «обычно вырастали билингвами, совмещая в себе христианскую веру (...) и бытовую индейскую культуру, приобретенную в детстве с молоком матери» [Гуревич, 2007, с. 25]. Эти метисы постепенно становятся местным населением

¹ Жозе ди Аншиета (19.03.1534, Тенерифе – 09.06.1597, Реритиба), бразильский миссионер-иезуит, писатель, ученый-лингвист. Был канонизирован в 1980 г., его также называют апостолом Бразилии.

португалоязычной колонии, а языковую ситуацию той эпохи можно описать как диглоссию.

Важным фактором распространения общего языка стали колонизационные отряды бандейрантов (*Bandeirantes*¹), которые состояли как из португальцев, так и из метисов и местного населения; более того, число самих колонизаторов в этих отрядах было всегда значительно меньше. Основной целью бандейрантов был захват новых рабов из числа местного населения, а также поиск месторождений драгоценных металлов [Фаусту, 2013]. Благодаря этим отрядам общий язык получил распространение в южных районах Бразилии, прежде всего «к югу от современных Пернамбуку и Баии» [Гуревич, 2007, с. 27].

Распространение и укоренение позиций общего языка как средства межэтнического общения оказало влияние на постепенно складывавшийся в тот момент бразильский вариант португальского языка.

Метисы стали выступать в качестве связующего звена между европейским и местным населением, они часто выполняли роль переводчиков, привнося в португальский языковые особенности местных языков, что в дальнейшем проявилось в бразильском варианте португальского языка [Гуревич, 2007; Вольф, 2012; Сапрыкина, 2016].

Таким образом, к концу XVII в. языковая ситуация в Бразилии выглядела следующим образом: на побережье и в регионе Амазонки преобладает общий язык, местные языки начали вымирать, а португальский язык приобрел ограниченное распространение в качестве официального языка колониальной администрации.

В структуру местных языков начали проникать элементы португальского языка и африканских языков (банту, йейе, кето и т.д.), что привело к обогащению местных языков, а также разговорной формы португальского языка.

С этого момента начали формироваться особенности бразильского варианта португальского языка: «впервые фиксируется понятие *mau português* – тот реальный разговорный язык белого и смешанного населения, легший в основу современного разговорного узуса португальского языка Бразилии» [Гуревич, 2007, с. 28].

¹ От порт. *Bandeira* (флаг, знамя). Речь идет о флагах каждого из отрядов, которые они использовали, чтобы обозначить свою принадлежность.

*Специфика языковой ситуации в Бразилии:
поворот к португальскому языку*

Важным событием стоит считать издание Закона директории маркиза де Помбала от 3 мая 1757 г. (*A Lei do Diretório de 3 de maio de Marquês de Pombal*), в котором запрещалось использование языков местного населения, а обязательным стал португальский язык [Петрова, 2020].

В это же время появляются первые письменные свидетельства, написанные «уроженцами колониальных территорий», что говорит о формировании бразильского варианта португальского языка и его принятия местным населением [Гуревич, 2014]. Таким образом, начиная со второй половины XVIII в. происходит существенное изменение языковой ситуации: местные языки уходят на второй план, но ими все еще продолжают пользоваться в отдаленных частях колонии, основным же языком становится португальский.

Эта тенденция получает новое развитие после 1808 г., когда в главный город колониальной Бразилии, Рио-де-Жанейро, переезжает принц-регент дон Жуан, который в последствии становится королем Португалии, Бразилии и Алгарве доном Жуаном VI. Будущего короля сопровождает несколько десятков тысяч представителей португальской аристократии. Растет объем делового и судебного производства, позиции литературного португальского языка значительно усиливаются [Гуревич, 2012, с. 151].

В результате вышеупомянутых событий к середине XIX в. языковая ситуация в Бразилии изменилась. Произошел постепенный переход от полиязычия к моноязычию [Петрова, 2020]. Местные языки стали использоваться исключительно в быту, а «сам португальский язык в значительной степени дифференцировался, наряду с литературным языком возникли говоры» [Сигалова, 2008, с. 120].

В дальнейшем важной датой становится 7 сентября 1822 г., когда Бразилия получает независимость от Португалии. Одновременно с фактом получения независимости встает вопрос о бразильской идентичности в целом и национальном языке в частности. До этого момента письменная норма бразильского варианта португальского языка преимущественно опиралась на европейскую норму португальского языка.

Однако ситуация начинает меняться: появляются литературные работы бразильских писателей, формируется национальная литературная традиция, которая была призвана осмыслить реальность,

появляются художественные произведения, где ставится вопрос о национальной, этнической и языковой идентичности [Сибичус, 1981; Гуревич, 2012; Bosi, 2015]. Бразильская художественная литература того периода опиралась на повседневные реалии жизни уже независимого государства, не только фиксировала культурную специфику, но и осуществляла кодификацию бразильского варианта португальского языка, формировала его литературный вариант. Эти тенденции можно проследить на примерах работ Кастру Алвиса, Мануэл Антонио де Алмейда, Жозе де Аленкара и многих других писателей того времени.

*Изменение языковой ситуации с середины XIX и до начала XX в.
под влиянием миграционных процессов*

С середины XIX и до начала XX в. влияние на бразильский вариант португальского языка оказывала иммиграция, которая происходила в несколько волн. В указанный период в Бразилию массово прибывают выходцы из Европы и Азии [Фаусту, 2013].

Основными направлениями для немецких и итальянских иммигрантов стали южные штаты: Рио-Гранде-ду-Сул, Санта-Катарина и Парана. К примеру «в период с 1820 по 1876 г. этнические немцы составляли около 13% от общего числа иммигрантов» [Мохов, 2018, с. 154]. В результате двунаправленных языковых контактов между немецкими иммигрантами и местным португалоговорящим населением происходят следующие процессы:

1) бразильский вариант португальского языка обогащается лексическими заимствованиями из немецкого языка [Мохов, 2018];

2) формируется хунсрюкский диалект немецкого языка.

Например, благодаря немецкой иммиграции в бразильском варианте португальского языка укоренилось слово *chope* / *chopp*, которое происходит от немецкого *Schoppen*¹ и обозначает сорта наиболее популярного пива, которые продаются в конкретном кафе или ресторане².

В свою очередь хунсрюкский диалект является «надрегиональным вариантом немецкого языка, распространенным в поселениях немецких иммигрантов на юге Бразилии» [Фурцев, 2019, с. 281]. В его структуре встречается значительное количество

¹ Единица измерения, которая обозначает половину литра.

² <https://www.dicio.com.br/>

заимствований из португальского языка, однако он «преимущественно является германским по своему происхождению и обнаруживает много общего с исходным диалектом рейнско-франкской и мозельско-франкской основы» [Фурцев, 2019, с. 281]. Упомянутый диалект немецкого языка до сих пор имеет ограниченное распространение в штате Рио-Гранде-ду-Сул, Эспириту-Санту, Парана и других. Его можно рассматривать как один из местных языков.

В период с 1870 по 1920-е годы в Бразилию прибывает свыше 1,4 млн иммигрантов из Италии, что оказало влияние на языковую ситуацию в штате Сан-Паулу, где появились небольшие италоговорящие общины [Italianos no Brasil ..., 2011].

После 1890 г. в Бразилию начинают прибывать выходцы из Российской империи (поляки, польские евреи, украинцы и русские), в основном они направляются в «штаты Рио-Гранде-ду-Сул, Санта-Катарина и Эспириту-Санту» [Петрова, 2020], однако их число нельзя назвать достаточно значимым, чтобы оказать влияние на языковую ситуацию в Бразилии в целом, хотя в этих штатах в тот момент появляются отдельные кварталы городов и поселения, где говорят на немецком, итальянском, а также на русском языках [Weber, Wenczenowicz, 2011].

В трудах исследователей отмечается, что японская иммиграция начинается в 1908 г. и в первую очередь направлена в штат Сан-Паулу, где японцы работали на кофейных плантациях. Так, к 1930 г. в Бразилии проживала самая многочисленная японская диаспора за рубежом, однако серьезного влияния на бразильский вариант португальского языка это не оказало. Хотя первые языковые контакты между португальцами и японцами имели место еще в начале XVI в., когда португальские моряки достигли берегов Японии [Косарик, 2018; Мохов, 2018].

С другой стороны, бразильский вариант португальского языка оказал влияние на японский, который используют потомки переселенцев из Страны восходящего солнца. К примеру, бразильское *banheiro*¹ перешло в японский язык бразильской диаспоры в форме *benjoo*, хотя в самой Японии говорят *otearai*, *toirê*, *keishooshitsu* [Rodrigues, 2013].

Русская иммиграция происходит двумя волнами. Первая волна приходится на первую треть XX в., что вызвано событиями Великой Октябрьской революции. В основном русские ехали в штат Сан-Паулу и его региональный центр, город Сан-Паулу,

¹ Ванная комната или туалет.

превратившийся на тот момент в крупнейший промышленный центр всей Латинской Америки. Приток русской иммиграции приводит к тому, что в юго-восточных районах города появляются русскоязычные кварталы¹ [Барышев, 2011; Русеишвили, 2020].

Вторая волна приходится на конец 1950-х годов, когда Бразилия предоставила убежище, политическую и экономическую поддержку 3416 староверам, переселившимся в страну из Китая. Основными регионами, принявшими староверов, стали юго-восток страны и штаты Парана, Санта-Катарина и Рио-Гранде-ду-Сул. Староверы до сих пор сохраняют привычный уклад жизни и в бытовом общении используют русский язык, содержащий ряд архаичных черт. В настоящее время их основные поселения расположены в штатах «Парана, Мату-Гросу, Гойяс и Токантинс, где староверы занимаются выращиванием сои, фасоли, риса, хлопка и подсолнечника» [Петрова, 2022, с. 114].

В результате иммиграции в Бразилии долгое время существовали небольшие города и поселения, где использовался немецкий язык, а в настоящее время есть небольшие поселения в штате Парана и Гояс, где до сих пор говорят на русском языке и функционируют русскоязычные школы².

Языковая ситуация в период диктатуры (1930–1954)

В начале XX в. с началом эпохи президента Жетулиу Варгаса (1882–1954) политический фокус смещается на формирование национальной идентичности – политические элиты направляют свои усилия на консолидацию общества, чтобы предотвратить сепаратистские настроения, время от времени возникавшие в стране.

В это время происходит реформа правительства, учреждается министерство образования, которому поручено провести стандартизацию программ преподавания бразильского варианта португальского языка, но также начинается кампания искоренения местных языков и языков иммигрантов [Кочкин, Гоувейя, 2021].

Эта тенденция продолжалась во времена военной диктатуры, когда насаждался монолингвизм. Однако в конце 1980-х годов этот процесс приостанавливается и происходит демократизация

¹ В настоящее время русскоговорящих районов в городе Сан-Паулу нет.

² 1999 – Matéria do Fantástico sobre Colônias Russas no Brasil em Ponta Grossa-PR e Montividiu-GO.

языковой политики в отношении местных групп населения Бразилии [Петрова, 2020].

Основные этапы становления португальского языка в Бразилии

В ходе развития бразильский вариант португальского языка приобретает ряд самобытных черт, отражающих бразильскую идентичность. В его структуре нашли отражение три принципиальных элемента: европейский, автохтонный и африканский, которые проявляются на различных языковых уровнях [Надъярных, 2007; Вольф, 2012; Гуревич, 2012; Гуревич, 2018; Проклов, 2024].

В настоящее время в Бразилии выделяется пять диалектных зон:

1) северный диалект (штаты Рондония, Акре, Амазонас, Рорайма, Пара, Амапа, Токантинс);

2) северо-восточный диалект (штаты Мараньян, Пиауи, Сеара, Риу Гранде-ду-Норте, Параиба, Пернамбуку, Сержипе, Баия);

3) юго-восточный диалект (штаты Минас Жерайс, Эспириту Санту, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу);

4) южный диалект (штаты Парана, Санта Катарина, Риу Гранде-ду-Сул);

5) западный диалект (штаты Мату-Гросу-ду-Сул, Мату-Гросу, Гойяс, Федеральный округ) [Сигалова, 2008; Сапрыкина, 2012; Мещеряков, Иванов, 2023]. Также в обозначенных диалектных зонах встречается множество местных говоров [Teyssier, 1982].

На карте диалектные зоны Бразилии выглядят следующим образом (рис 2.).

Таким образом, можно констатировать, что основными этапами становления португальского языка в Бразилии являются:

1) появление общего языка, в основе которого лежали местные язык, языки ряда этнических групп Африки и португальский язык;

2) издание Закона директории маркиза де Помбала и переезд португальского двора в Бразилию, что во многом привело к вытеснению общего языка и автохтонных языков из обихода, в результате они сместились на периферию;

3) получение Бразилией независимости и формирование собственной литературной традиции, которая кодифицировала не только культурные реалии, но и португальский язык населения Бразилии той эпохи;

4) введение военной диктатуры (эпоха Варгаса), которая оказала серьезное влияние на языковую ситуацию, окончательно утвердив главенствующую роль бразильского варианта португальского языка;

5) падение военной диктатуры и процесс демократизации, когда автохтонные языки и языки национальных меньшинств получили поддержку государства и заняли определенное место в его языковой политике.

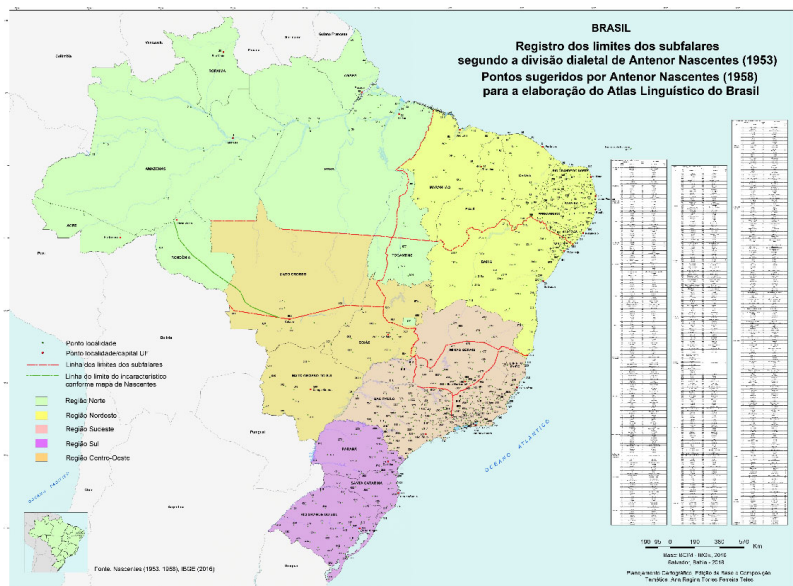

Рис. 2.
Карта диалектов Бразилии [Leandro, 2022]

Современное состояние португальского языка в Бразилии

Основные характеристики современной языковой ситуации в Бразилии

Сегодня бразильский вариант португальского языка рассматривается исключительно как национальный, имеющий существенные отличия от европейского варианта на всех языковых уровнях [Lucchesi, 2006].

Обратимся к некоторым примерам. Так, на фонетическом уровне одним из наиболее явных отличий можно считать особенности произнесения согласной *s*, которая в европейском варианте перед согласными и на конце слова будет читаться как [ʃ]¹, а в некоторых штатах Бразилии она всегда остается [s] [Воздвиженский, Мешков, 2018], к примеру в штате Сан-Паулу *todos* (все) будет читаться как [ˈtodus] в отличие от европейской нормы [ˈtoduʃ].

На лексическом уровне можно выделить значительное количество заимствований из местных языков, например многие закрепившиеся топонимы были взяты из языков семейства тупи-гуарани: *Ipanema*² с тупи дословно переводится как «река без рыбы», город *Curitiba*³ с языка гуарани переводится как «большое количество сосен».

Названия культурных реалий и растений нередко имеют отношение к местным языкам и языкам народов, которые были привезены из Африки: *umbanda* – африканский религиозный обряд, получивший популярность в Рио-де-Жанейро [Сапрыкина, 2007]; название музыкального инструмента *berimbau*⁴ связано с одним из местных языков Анголы – мбунду, где для обозначения этого предмета используется слово *mbirimbau*; слово *nanas* «ананас» – еще один пример заимствования из языка тупи и происходит от *papa*, что переводится как «отличный фрукт».

На грамматическом уровне одним из примеров отличия бразильского варианта португальского языка от европейского является упрощение парадигмы лиц глагола [Гуревич, 2020]. Например, в штате Рио-Гранде-ду-Сул не используется глагольная форма второго лица единственного числа: *O que tu estuda* в отличие от европейского *O que tu estudas*. Таким образом, глагол в португальском языке Бразилии вместо шести форм имеет всего четыре⁵.

Помимо этого в Бразилии функционирует значительное количество языков коренных народов, однако их коммуникативная мощность снижается, многие из них находятся на грани исчезновения. В отдельных регионах Бразилии наблюдается диглоссия, когда наряду с португальским языком используются языки автохтонного

¹ За исключением случаев красиса (подробнее см. [Петрова, Мендонса Жоау, 2017, с. 16]).

² Один из самых известных пляжей Рио-де-Жанейро.

³ Административный центр штата Парана.

⁴ Музыкальный инструмент, который используется в Капоэйре.

⁵ Этот пример релевантен не для всех диалектов Бразилии.

населения, которые сохранились в той или иной степени, а их изучение в последние годы получило серьезную институциональную поддержку. Так, «в 17 штатах Бразилии учреждены 27 университетских курсов по подготовке преподавателей из числа коренного населения. Появились первые магистры и доктора наук в области национальных языков и культур. Министерство культуры финансирует также производство соответствующих учебных материалов. С 2008 г. с целью преодоления расовой дискриминации и предрасудков во всех бразильских школах введен курс истории Африки и культуры коренных народов Бразилии» [Петрова, 2020, с. 118].

Нельзя не отметить усилия бразильского правительства, нацеленные на распространение бразильского варианта португальского языка за рубежом, для чего в 2022 г. был переучережден институт Гимарайнша Розы, который имеет представительства в большинстве португалоязычных стран. Также был разработан международный экзамен на знание бразильского варианта португальского языка – CELPE-Bras.

Ситуация с местными языками выглядит следующим образом: «по переписи 2010 г. 37,4% коренного населения говорит на родном языке, а 76,9% – говорит на португальском» [Петрова, 2020, с. 117].

Португальский язык Бразилии в других странах Латинской Америки

На приграничных территориях Бразилии сложилась особая форма языка – портуньол (portunhol / portuñol). До настоящего времени нет четкого лингвистического описания и единого мнения в отношении этого лингвистического феномена. В зарубежной лингвистике исследователи избегают использования какого-либо термина для классификации портуньола [Sturza, 2019].

В отечественной иберо-романистике в отношении портуньола принят термин «промежуточные говоры» [Языки мира: Романские языки, 2001], однако комплексных исследований этого языкового феномена в России практически нет.

Основное распространение портуньол получил на границе Бразилии с Уругваем, Парагваем и Аргентиной, где тесные трансграничные контакты между носителями португальского, испанского языков и носителями местных языков привели к его появлению [Lipski, 2016; Sturza, 2019].

Портуньол используется в сельской местности приграничных территорий и прежде всего является языком повседневного общения или языком-посредником. Нет четкого лингвистического описания языка, авторитетных и признанных нормативных грамматик и словарей, однако в настоящее время отмечается наличие своей поэзии и музыки, предпринимаются попытки придать портуньолу статус нематериального наследия ЮНЕСКО [Петрова, 2020].

Более того, в некоторых областях Уругвая сформировались определенные группы людей, которые считают портуньол неотъемлемой частью своей идентичности, хотя на институциональном уровне портуньол не получил признания, в системе образования Уругвая его классифицируют как «язык бедняков», испорченный язык [Rodriguez, Ferreira, 2021].

Сами носители портуньола описывают его следующим образом: «портуньол часть повседневного общения жителей», «портуньол – это язык, который все понимают», «портуньол часть нашей приграничной идентичности» [Silva, 2022].

Предпринимаются попытки выработки литературной нормы портуньола: бразильский писатель Вильсон Буено в 1992 г. издал книгу «Парагвайское море» (*Mar paraguayo*), в которой он использует портуньол и гуарани. Книга получила большое признание в странах Латинской Америки. На портуньоле сочиняется поэзия, есть своя музыка, ведется ограниченное радиовещание [Rodrigues, 2013].

Предоставить комплексные данные относительно числа носителей, территории распространения и разновидностей портуньола в настоящее время невозможно, однако его исследования ведутся, проводятся полевые социолингвистические исследования, создан список небольших городов, где портуньол имеет хождение [Lipski, 2016; Sturza, 2019; Петрова, 2020].

Таким образом, можно констатировать, что использование портуньола имеет ограниченное территориальное распространение, отсутствует кодифицированная норма, нет четкого статуса.

Тем не менее были выработаны некоторые культурные практики, с ним связанные, – портуньол, имеющий тесную связь с португальским языком, играет существенную роль в языковой ситуации некоторых районов Бразилии и соседних стран Латинской Америки.

Выводы

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы об особенностях португальского языка в Бразилии и его специфике, характерной для иберо-американского пространства, а также о сложившейся языковой ситуации.

В процессе колонизации Бразилии были заложены основные отличительные особенности бразильского варианта португальского языка, которые впоследствии стали частью кодифицированной нормы.

Основное влияние на процесс формирования бразильского варианта португальского языка оказали местные и африканские языки, что прежде всего обуславливает его отличия от других региональных вариантов.

На протяжении своего развития на территории Бразилии португальский язык пережил значительное количество изменений. Языковая ситуация постоянно менялась под влиянием исторических и политических событий, начиная от первых этапов колонизации, когда формируется особое койне, и заканчивая серьезными волнами иммиграции, которые привели к появлению неестественного двуязычия в ряде регионов, когда португальский и местные языки теряли свою значимость в пользу других языков.

В настоящее время на территории Бразилии преобладает бразильский вариант португальского языка, количество местных языков существенно сократилось, многие находятся на грани исчезновения. В последние годы предпринимаются попытки на государственном уровне исправить ситуацию, сохранить и кодифицировать языковое наследие Бразилии. Тем не менее общая тенденция негативная.

С другой стороны, на государственном уровне в Бразилии существует ряд масштабных инициатив, нацеленных на популяризацию и распространение бразильского варианта португальского языка за рубежом, в том числе в бывших португальских колониях.

Кроме того, португальский язык оказал существенное влияние на приграничные территории, где сформировался не только своего рода промежуточный говор, но и самобытная языковая идентичность, ядром которой он является.

Португальский язык Бразилии имеет серьезное влияние в разных регионах мира не только благодаря экономическому, политическому и технологическому развитию Бразилии – ведущей португалоязычной страны мира, но также служит языком межнационального общения в географически разрозненном пространстве и

оказывает определенное воздействие на соседние испаноязычные страны.

Литература

- Барышев И.С.* Русская диаспора в Бразилии // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. – 2011. – № 1. – С. 75–82.
- Воздвиженский В.В., Мешков Л.В.* Различия двух вариантов португальского языка // Язык и культура: сборник статей 28 Международной научной конференции. – Томск Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2018. – С. 126–129.
- Вольф Е.Н.* История португальского языка. – Москва : Книжный дом «Либриком», 2012. – 264 с.
- Гуревич Д.Л.* Без веры, закона и короля: языковая ситуация в Бразилии в первые века колонизации // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2007. – № 5. – С. 23–29.
- Гуревич Д.Л.* Грамматические особенности бразильского варианта португальского языка сквозь призму кодифицированной нормы // Социолингвистика. – 2020. – № 4 (4). – С. 116–128.
- Гуревич Д.Л.* Отношение к языковой норме и критерии нормализации португальского языка Бразилии // Ученые записки ОГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 149–154.
- Гуревич Д.Л.* Ранние свидетельства бразильской языковой индивидуальности // Ученые записки ОГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 144–148.
- Гуревич Д.Л.* Метафоричность в семантике индихенизма в португальском языке Бразилии // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. – 2018. – № 3. – С. 9–23.
- Косарик М.А.* Проблематика апологии и нормы в португальской миссионерской лингвистике: грамматика японского языка Жоана Родригеша (1604 г.) // Ученые записки ОГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4 (81). – С. 165–169.
- Косарик М.А.* У истоков идей проблематики дискурса и функциональной грамматики: первые описания языков Бразилии и Индии (Аншьета 1595, Фигейра 1621, Эштеван 1640), первая грамматика португальского языка как иностранного (Перейра 1672) // Stephanos. – 2016. – № 5(19). – С. 9–25.
- Кочкин А.А., Гоувейя В.М.* Вопрос идентичности бразильского варианта португальского языка и возникновения концепции бразильственности // Казанский лингвистический журнал. – 2021. – № 3. – С. 411–419.
- Мещеряков О.В., Иванов Е.К.* Лингвокультурные особенности диалектной дифференциации: (на примере европейского и бразильского вариантов португальского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. – 2023. – № 7 (875). – С. 7–85.
- Мохов Н.А.* Лексические заимствования в португальском языке на протяжении XIX – начала XX веков на примере бразильского ко-диалекта португальского языка // Язык и культура: сборник статей 28 Международной научной конференции. – Томск, 2018. – С. 153–154.
- Надъярных М.Ф.* Бразильская литература XX века: проблема становления национальной традиции: дис. ... канд. филол. наук, 10.01.03. – Москва, 2007. – 277 с.

- Петрова Г.В.* Бразилия: от монолингвизма к многоязычию // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 21 (1). – С. 114–120.
- Петрова Г.В.* Староверы в Бразилии: сохранение языковой идентичности // Филологические науки в МГИМО. – 2022. – № 8 (3). – С. 109–121.
- Петрова Г.В., Мендонса Жоау Ж.К.* Португальский язык для начинающих: Уровни А1 – А2. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – 275 с.
- Поляков А.К.* Португалия: полная история страны. – Москва : АСТ, 2021. – 480 с.
- Проклов Р.И.* Языковые средства репрезентации этнического самосознания в бразильском романе первой четверти XX века: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2024. – 28 с.
- Русеишвили С.А.* Русская иммиграция в Бразилию в первой половине XX века: миграционные пути и модели адаптации // Иbero-американские тетради. – 2020. – № 8 (3). – С. 54–73.
- Сапрыкина О.А.* Лексикология португальского языка: учебное пособие. – Москва : Высш. школа, 2007. – 108 с.
- Сапрыкина О.А.* На пути к современной Бразилии: языковая ситуация в Бразилии XVI в. в документах и свидетельствах // Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен / ИНИОН, РАН. – Москва, 2016. – Вып. 2. – С. 34–42
- Сапрыкина О.А.* Территориальная дифференциация португальской лексики // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2012. – № 1. – С. 76–78.
- Сибичус Б.Ю.* Из истории бразильской литературы // Культура Бразилии. – Москва : Наука, 1981. – С. 61–100.
- Сисалова М.В.* Общая характеристика северо-восточной диалектной зоны Бразилии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2008. – № 3. – С. 118–125.
- Фаусту Б.* Краткая история Бразилии. – Москва : Весь мир, 2013. – 446 с.
- Фурцев Р.В.* Специфика формирования «Островного» хунсрюкского диалекта немецкого языка на юге Бразилии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 12. – С. 278–282.
- Шушмарев В.Ф.* Очерки по истории языков Испании. – Москва : УРСС, 2020. – 344 с.
- Языки мира: романские языки / Алисова Т.Б., Челышева И.И., Нарумов Б.П., Романова О.И. [и др.].* – Москва : Academia, 2001. – 722 с.
- Alexandre R.* Comunicação transfronteiriça: portunhol, uma língua de intercompreensão // Temas & Matizes. – 2024. – Vol. 17, N 30. – P. 86–103. DOI: 10.48075/rtm.v17 i29.32498
- Alôis A.P.* Portunhol selvagem: da «língua de contato» à poética da fronteira // Cadernos De Letras Da UFF. – 2012. – Vol. 22, N 45. – P. 283–304.
- Bosi A.* História concisa da literatura brasileira. – 50 ed. – São Paulo : Cultrix, 2015. – 343 p.
- De Paiva Lima P.C.* «Portunhol» da América Latina no ciberespaço: de interlíngua e língua de fronteira a língua de intercompreensão e língua literária sem fronteiras // Conference V SIMELP. – 2015. – P. 141–157.
- Genealogical relations and lexical distances within the Tupian linguistic family / Galucio, A.V., Meira S., Birchall J., Moore D. [et al.] // Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. Ciências Humanas. – 2015. – N 10. – P. 229–274.
- Italianos no Brasil: síntese histórica e predileções territoriais / Soares W., Marques D.H.F., Faria S.D., Rezende D.F. de A. // Fronteiras. – 2011. – N 13 (23). – P. 171–199.

- Leandro A.* De norte a sul, as áreas dialetais do Brasil // *Geolinguística brasileira e pluridimensionalidade*. – 2022. – Vol. 23, N 1. – P. 229–254. DOI: <http://doi.org/10.5007/1984-8420.2022.e77898>
- Lexical phylogenetics of the Tupi-Guaraní family: Language, archaeology, and the problem of chronology / Ferraz Gerardi F., Tresoldi T., Coelho Aragon C. [et al.] // *PLoS One*. – 2023. – N 18 (6) – P. 1–25. DOI: 10.1371/journal.pone. 0272226. PMID:37319229; PMCID:PMC10270611
- Lipski J.M.* Portuguese or Português? Language contact in Misiones, Argentina // *Journal of Linguistic Geography*. – 2016. – Vol. 4, N 2. – P. 47–64.
- Lucchesi D.* Parâmetros sociolinguísticos do português brasileiro // *Revista da ABRALIN*. – 2006. – N 5 (1/2). – P. 83–112.
- Müller de Oliveira G.* Política linguística e internacionalização: a língua portuguesa no mundo globalizado do século XXI // *Trabalhos em Linguística Aplicada*. – 2013. – N 52 (2). – P. 409–433.
- Matsumoto A.* (IFMS), *Bueno E.* (UEMS). Variante linguística dos nipo-brasileiros falada na região de Dourados (MS): interfaces do contexto diglôssico dos nikkeis: Via Litterae // *Revista De Linguística e Teoria Literária*. – 2018. – N 9 (1). – P. 59–81.
- Perini M.A.* Talking Brazilian: A Brazilian Portuguese pronunciation workbook. – New Haven : Yale University Press, 2004. – 133 p.
- Rodrigues A.D.* Classification of Tupi-Guaraní // *Revista Brasileira de Linguística Antropológica*. – 2013. – Vol. 3, N 2. – P. 167–172.
- Rodriguez D.G.V., Ferreira L.M.L.* Portunhol e a Avaliação Escrita do Celpe-Bras // *Revista EntreLinguas, Araraquara*. – 2021. – Vol. 7, N 6. – P. 323–328. DOI: 10.29051/el.v7 iesp. 6.15486
- Silva J.* Portunhol: preconceito ou prestígio? Marcas identitárias na região fronteira // *Revista Ideias*. – 2022. – N 32. – P. 81–96.
- Sturza E.* «Portunhol»: língua, história e política // *Gragoatá. Niterói*. – 2019. – Vol. 24, N 48. – P. 95–116.
- Teyssier P. História da língua portuguesa. – Martins Fontes, 1982. – 95 p.
- Utsunomiya F.* Brasileiros de olhos puxados em terras japonesas: a língua portuguesa como fator constitutivo de uma brasilidade nikkei // *Revista de Administracao Mackenzie*. – 2011. – URL.: <https://editorarevistas.mackenzie.br/index.php/cpgl/citationstyle.language/get/acs...>
- Weber R., Wenczenowicz T.J.* Historiografia da imigração polonesa: avaliação em perspectiva dos estudos sobre o Rio Grande do Sul // *Historia Unisinos*. – 2011. – N 16 (1). – P. 159–170.

Электронные ресурсы

- Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»: официальный сайт. – URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 25.03.2024).
- Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 17.03.2024).
- Ethnologue: Languages of the World. – URL: <https://www.ethnologue.com> (дата обращения: 22.03.2024).
- World Bank Data. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2024).
- Matéria do Fantástico sobre Colônias Russas no Brasil em Ponta Grossa-PR e Montividiu-GO [документальный фильм] (1999) (дата обращения: 20.03.2024).

ГЛАВА XI. ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК В ВЕНГРИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

И.Е. Коптелова

Из языков, не принадлежащих к индоевропейской группе, самым распространенным в Европе является венгерский язык. Это государственный язык Венгрии, на котором говорят 8 438 120 человек (приблизительно 98% населения), а также в семи соседних странах. Он обладает официальным статусом в Воеводине (Сербия), в трех муниципалитетах Словении, официально признан языком меньшинства или региональным языком в Румынии, Словакии, Украине, Хорватии и Австрии. На нем говорят диаспоры по всему миру, преимущественно в США, Канаде и Израиле. Венгерский язык уникален в том смысле, что 20% говорящих на нем живут за пределами Венгрии.

В некоторой степени венгерский всегда был языком меньшинства, заимствуя, с одной стороны, слова из других языков, с другой – сохраняя свои уральские черты: он был меньшинством среди прототюрков (1000 г. до н.э.), на вновь обретенной родине – Среднедунайской равнине (*зап. и южнослав.* на Паннонской равнине, в Паннонии, *венг.* в Карпатском бассейне) оказался «островком» среди населения, говорящего в основном на славянских языках. Долгое время королевский двор говорил на разных языках, не только на венгерском. Венгерский официально стал языком органов управления и науки только в 1844 г., наконец достигнув полагающегося ему статуса.

Немецкий философ Иоганн Г. Гердер был более чем пессимистичен в оценке будущего венгров. «Единственный народ во всей этой расе, оказавшийся в числе завоевателей – это венгры,

или мадьяры... Здесь, между славян, немцев, валахов и других народностей, венгры составляют меньшую часть населения, так что через несколько веков, по-видимому, нельзя будет найти и сам их язык». С этого определения И.Г. Гердера, шокировавшего образованные круги венгерского общества, «определения, – как писал венгерский мыслитель Дюла Ийеш, – не злоумышленного, но все же фатального», началось то «пробуждение», которое провозгласит венгров инородным телом среди многих, связанных друг с другом общностью судьбы, народов».

Венгерский язык – языковой остров в центре Европы, окруженный германскими, романскими и особенно плотно славянскими языками. Несмотря на свою уникальность и пророчества о полном и скором исчезновении, он пережил многие столетия, и даже сейчас на венгерском языке говорят около 12 млн человек по всему миру. Он играет разные роли в жизни носителей языка: может быть для них родным языком, языком предков или иностранным.

Венгерский язык демонстрирует небольшие диалектные вариации: исследователи выделяют десять диалектов (споры идут о статусе разновидности «чанго»), и все они взаимно понятны (за двумя исключениями). Под диалектом подразумевают разновидность языка с его словарным запасом и грамматическими правилами, которые нередко отличаются от литературного языка. На диалектах общается население, живущее на одной территории, которая, однако, не имеет статуса отдельного автономного образования.

Языки Европы в основном флективные. При флективном строе языка (от лат. *flectivus* «гибкий») словоизменение в основном происходит при помощи флексий – формантов, которые сочетают сразу несколько значений. Для агглютинативного строя (от лат. *agglutinatio* «приклеивание»), к которому относятся финно-угорские языки, включая венгерский язык, характерно словоизменение при помощи агглютинации различных формантов (аффиксов), каждый несет только одно значение. Он сильно отличается от других европейских языков и поэтому считается, что он плохо поддается выучиванию большинством носителей европейских языков.

Даже эрцгерцог Франц Фердинанд, убитый в 1914 г. наследник австрийского престола, заразился ненавистью к венграм как к национальности, всячески ущемляя их права и помогая народам, которые испокон веков жили рядом с ними. Нетерпимость Франца Фердинанда к венгерской половине империи вылилась во фразу «Они мне антипатичны, хотя бы просто из-за языка», произне-

сенной после очередной безуспешной попытки выучить венгерский язык.

Венгерский язык как язык меньшинства в соседних странах находится в интенсивном контакте с языками типологически далеких семей: западнославянским языком (словацким), восточнославянскими языками (украинским, русским), южнославянскими языками (сербским, словенским и хорватским), романским языком (румынским) и западногерманским языком (немецким).

Типология

Истоки венгерского языка можно проследить от эпохи неолита, когда сформировалась уральская языковая семья. Венгерский принадлежит к финно-угорской ветви уральской языковой семьи и вместе с хантами (старое название – *остяки*) и манси (старое название – *вогулы*) образует угорскую ветвь (см. рис. 1). Основные диалекты базового языка угоров – обско-угорский и венгерский – начали отдаляться друг от друга как в пространстве, так и лингвистически в 3000 г. до н.э. В V в. из-за длительного контакта с тюркским языком и наличия в языке многочисленных тюркских заимствований венгры считали, что их язык является тюркским и они родственны монгольским гуннам. Постепенно эта точка зрения закрепились и даже преподавалась в школах до второй половины XIX в. Лишь во второй половине XIX в. лингвистическими исследованиями было доказано, что венгерский язык относится к финно-угорским языкам.

Разновидности венгерского языка, существовавшие до «обретения родины» (*honfoglalás*), т.е. до переселения венгерских племен на Среднедунайскую равнину, называются прото-венгерскими (*ősmagyar*). Древневенгерский период датируется вторжением в Паннонию в 896 г. и распадом Венгерского королевства после битвы при Мохаче в 1526 г.

Первые письменные упоминания венгерских слов датируются X в. (в основном географические названия и имена собственные). У венгров была собственная система письма – древневенгерский алфавит, но каких-либо значимых текстов, написанных им, не сохранилось. Ученые полагают, что первый венгерский король Иштван I Святой, основавший в 1000 г. Венгерское королевство, приказал уничтожить все «языческие» записи.

Рис. 1.
Финно-угорские языки

Фото 1.
Современный дорожный знак
с использованием древневенгерского алфавита

Страна приняла католичество, а для записи венгерских слов был адаптирован латинский алфавит. Знаменитые исторические источники о венграх – Деяния венгров (*Gesta Hungarorum* XII и XIII вв.), написанные Анонимом и Шимоном Кезой, были на латыни. Латынь присутствовала в официальном делопроизводстве до XIX в. Самый древний из сохранившихся текстов на венгерском языке – «Надгробное слово и молитва» (*Halotti Beszéd és Könyörgés*) – датируется 1192–1195 гг. Развитие же венгерской литературы начинается в XIV в. Тогда был создан первый памятник венгерской религиозной поэзии «Плач Девы Марии» (*Omagyar Maria siralom*). А в 1430 г. был сделан первый перевод Библии на венгерский язык.

Средневенгерский период длился с 1526 по 1772 г., т.е. от появления первых книг, напечатанных на венгерском языке, до эпохи Просвещения, которую принято считать началом языковой реформы. Современная Венгрия просуществовала до конца Первой мировой войны. Версальский мирный процесс изменил карту Европы, включая Венгрию, которая потеряла две трети своей территории. Новые государства – Австрия, Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев (позже Югославия) – начали свое существование со значительными венгерскими меньшинствами. Неизбежно венгерский вошел в контакт с языками большинства этих государств, что положило начало следующему периоду – Новейшему периоду (с 1920 г. по настоящее время).

Венгерский язык имеет некоторые общие древние характеристики с уральскими языками:

- фиксированное ударение в словах;
- отсутствие грамматической категории рода. Местоимение третьего лица ед. числа «ő» имеет одну форму и используется для обозначения «он», «она» и «оно»;
- система притяжательных аффиксов;
- отсутствие особой формы будущего времени глагола;
- использование аффиксов при формообразовании слов.

Движение за реформу венгерского языка

Основная часть исследователей связывает начало процесса стандартизации венгерского языка с периодом движения за языковую реформу (начиная с конца XVIII в.), которая явилась первой и наиболее влиятельной вехой в процессе формирования стандарта венгерского языка.

Языковой вопрос оказался в центре острых политических разногласий в 1784 г., когда император Священной Римской империи Иосиф II (1741–1790) принял решение признать немецкий язык в качестве рабочего языка администрации на всей территории империи (заменив латынь). И хотя большая часть венгерской аристократии в то время говорила по-немецки, решение, навязавшее Венгрии немецкий язык, было встречено «в штыки». Раздавались требования восстановить латынь, немецкий язык использовался всего шесть лет, незадолго до смерти император отозвал закон. Хотя латынь официально восстановила свой статус языка администрирования в национальных частях империи Габсбургов, с этого момента венгерский язык также начал играть большую роль в политической жизни страны. Негодование по поводу решения Иосифа II и неприятие немецкого языка положили начало кампании по модернизации венгерского языка с целью сделать его в конечном итоге государственным языком королевства Венгрия. Постепенно, с 1800-х годов, венгерский язык начал использоваться в административных органах. С 1805 г. законы писались на двух языках (латинском и венгерском), и административные единицы местного уровня могли использовать венгерский язык вместо латыни. В 1830 г. использование венгерского языка было введено в судебной системе, а с 1836 г. свидетельства о рождении, браке и смерти выдавались на венгерском языке. С этих лет определенные должности (например, юристов или священников) разрешалось занимать только тем, кто говорил по-венгерски. В качестве последнего шага в процессе превращения венгерского языка в официальный язык страны в 1844 г. Национальное собрание также перешло на венгерский язык. С этого момента парламент и король использовали венгерский язык во всех официальных сообщениях, и венгерский язык также стал языком образования.

Этот период часто называют первой (классической) фазой стандартизации языка, а И. Ланштьяк – как незавершенный процесс – называет его формированием языка (*nyelvalakítás*), а не кодификацией [Lanstyák, 2011]. Он утверждает, что языковая реформа, несмотря на ее пуристские мотивы, была движением, целью которого было радикальное обогащение лексического запаса венгерского языка.

Языковая реформа в Венгрии мотивировалась внутренними (языковая культура в Венгрии) и внешними (романтический национализм и этнополитическая эмансипация в Европе) факторами. Язык играл двойную роль в процессе национального строительства:

с одной стороны, его статус изменился в связи с осознанием важности родного языка и признанием прочной связи языка и нации, с другой – стало очевидным, что социальная модернизация возможна только посредством стандартизированного языка. Языковая реформа была «примером политического национализма во вроде бы безобидной форме», поскольку прямая политическая оппозиция в то время была невозможна. Для венгров связь нации и языка всегда была неразрывной, что хорошо отражено в период реформы, когда язык превратился в инструмент националистической политики. В составе империи Габсбургов Венгрия была многоязычной частью с латынью как языком высшего образования, культуры, управления, межэтнического общения, которая в конце XVIII в. на короткое время была дополнена немецким языком.

В такой языковой среде венгерскому пришлось коренным образом переоценить свои позиции, и главной целью активистов реформы было сделать язык пригодным для всех сфер жизни, включая литературу, науку, управление и т.д. Стоит упомянуть отсутствие институциональной основы (Венгерская академия наук была основана лишь в 1827 г.) и неразвитость лингвистики как научной дисциплины. Реформа венгерского языка началась на рубеже XIX в. по инициативе писателей и поэтов и быстро завоевала горячую поддержку многих интеллектуалов (теологов, врачей, ученых и т.д.). Целью активистов движения за реформу было продвижение высшего образования и науки на венгерском языке, что требовало, например, разработки и стандартизации терминологии в различных областях. Более того, они сознательно работали над тем, чтобы венгерский язык стал литературным, соответствующим европейским стандартам. Это означало не только расширение словарного запаса, но и включало эстетические аспекты, что особенно проявилось в произведениях таких поэтов, как Ференц Казинци (Kazinczy Ferenc) и Ференц Кёльчей. По словам Ференца Толди, «Реваи [Révai Miklos (1750–1807), автор новаторской венгерской грамматики] научил нацию говорить правильно, Казинци – говорить красиво, а Пал Бугат [Bugát Pál (1793–1865), врач и активист реформаторского движения] – говорить умело и лаконично» (Helyesen szólani Révai, szépen Kazinczy, műszabatosan Bugát Pál tanították a nemzetet).

Начало движения за языковую реформу ознаменовалось конфликтами между неологами (сторонниками языковой реформы) и ортологами (теми, кто сомневался в реформе). По сравнению с предыдущими попытками эпоха языковой реформы породила и

популяризировала множество новых слов. Писатели, представители общественных и естественных наук чувствовали ответственность за создание недостающих в венгерском языке лексических единиц.

Неологизмы эпохи реформы можно классифицировать следующим образом:

1. слова из диалектов, например: *doboz* [«коробка»];
2. или древневенгерской литературы, иногда с несколько измененным значением (*hős* [«герой»]), первоначально означало «мальчик, молодой человек»;
3. фонетически адаптированные иностранные слова (например, *bálna* [кит от лат. *balaena*]);
4. производные (например, *pövény* [«растение»] ← *pő* [«растить»]), иногда с суффиксами, которые порой были малопродуктивными в языке (*pincér* [«официант»] ← *pince* [«подвал»]; *adag* [«порция»] ← *ad* [«дать»]; *állam* [«состояние»] ← *áll* [«стоять»]);
5. реверсивные производные и апокопа (*ábra* [«рисунок»] ← *ábráz* (ol) [«изображать, иллюстрировать»], заимствованное слово из славянского *obraz* [«изображение»], переосмысленное как производное на *-z-*);
6. сложные слова: *gyufa* ← *gyújtó fa* [«спичка» (дерево для растопки)]; *rendőr* [«полицейский» (охранник порядка)]; *állatkert* [«зоопарк» (сад животных)] и т.д.

Многие из этих неологизмов на самом деле можно рассматривать как кальки из основных европейских языков. Мало того что терминологическая потребность в выражениях определенного значения (например, технические новшества типа «железная дорога» *chemin de fer – vásút*) пришла из-за границы, часто ономастиологическая мотивация копировалась из другого языка – во многих случаях немецкого. Например, можно видеть семантическую связь между «официант» [*pincér*] и «погреб» [*pince*] (ср. нем. *Kellner – Keller*) или *anyag* [«материал, материя»] от *anya* [«мать»], что отражало связь между латинскими *materia* и *mater*.

Справочники по реформе венгерского языка обычно подчеркивают ее наиболее видимый результат – обновление и расширение словарного запаса, однако реформа стандартизировала орфографию, а также морфологию и синтаксис. Без стандартизированной литературной формы очень сложно обучать языку и поддерживать его письменное использование, составлять грамматики, учебники или словари.

Реформа венгерского языка, хотя, возможно, исключительно радикальная, интенсивная и хорошо документированная, не является единственным примером такого рода. Приблизительно в то же время сербский и чешский языки прошли через процесс литературного возрождения и стандартизации, тогда как словацкий и румынский литературные языки с латинской графикой были стандартизированы несколько десятилетий спустя, в середине XIX в.

Лингвистика

В этом разделе изложены некоторые наиболее характерные особенности венгерского языка:

а) в венгерском языке семь соответствующих кратких и долгих гласных:

Таблица 1

Венгерская система гласных (гласные буквы венгерского алфавита указаны в скобках)

	Гласные переднего ряда		Гласные заднего ряда
	неокругленные	округленные	
высокие	i, i: (í, í)	y, y: (ü, ü)	u, u: (u, ú)
средние	e: (é)	ø, ø: (ö, ő)	o, o: (o, ó)
низкие	ε (e)		α, α: (a, á)

б) основной фонологической особенностью венгерского языка является его система гармонии гласных (сингармония), которая отличает его от индоевропейских языков, и в то же время указывает на одну из основных характеристик уральских языков. Венгерские гласные делятся на два типа: гласные заднего ряда и гласные переднего ряда; в венгерской лингвистической традиции их обычно называют соответственно *mély* [глубокий] и *magas* [высокий]. Система гармонии гласных регулирует, как суффиксы добавляются к основам: варианты суффиксов переднего и заднего ряда выбираются в зависимости от того, какие гласные содержатся в основе. Правила гармонии гласных различают три категории гласных: задние: u, u', o, o', α, α: передние закругленные: y, y', ø, ø: нейтральные (передние неокругленные): i, i:, e:, ε. Нейтральные гласные могут появляться рядом с гласными заднего ряда (например, *példány* – экземпляр). Большинство формантов имеет два варианта (с гласным переднего и заднего ряда), а некоторые даже три варианта (третий вариант с огубленным гласным переднего

ряда). Один вариант возможен у формантов с гласными é, i, а также один вариант у форманта – ког.

Таблица 2

Гармония гласных и суффиксация в венгерском языке

ablak – окно	ablakok – окна	ablakban – в окно	ablaktól – от окна
fürdő – ванна	fürdők – ванны	fürdőben – в ванну	fürdőtől – от ванны
gyerek – ребенок	gyerekek – дети	gyerekben – в ребенка	gyerektől – от ребенка
olvosok – я читаю	olvosnak – они читают		
ebédelek – я обедаю	ebédelnek – они обедают		
függek – я вешу	függnek – они висят		

в) ударение в венгерском языке фиксировано на первом слоге (что восходит к протоуральскому языку) (Thomason, 2005);

г) морфологически венгерский язык является типичным уральским языком, в нем используются аффиксы (большей частью суффиксы). Исключение составляет глагольная приставка, которая широко применяется и относится к одной из трудностей венгерского языка:

*be*mutatkozhatnak – они могут представиться;

*fel*mutatkozhatnak – они могут появиться;

*at*mutatkozhatnak – они могут показать себя;

г) число падежей колеблется от 17 до 28 в зависимости от критериев, что считать падежом в венгерском языке;

д) отсутствует грамматическая категория рода;

е) венгерская система числового обозначения также отличается от индоевропейских языков. Венгерские существительные, следующие за числительным или другими квантификаторами, используются в форме единственного числа (например, две / несколько книг – венг. két/néhány könyv [букв. две/несколько книга]);

ж) личная притяжательная структура также использует притяжательные суффиксы (вместо знакомых нам притяжательных местоимений), например, Péter könyv-e [букв. Питер книга-его];

з) глаголы (в зависимости от переходности) могут быть в объектном или безобъектном спряжении, например:

(1) ír-ok egy könyv-et (я пишу какую-то книгу – безобъектное спряжение);

(2) ír-om a könyv-et (я пишу определенную книгу – объектное спряжение);

и) венгерский язык часто описывают как язык со свободным порядком слов, и это верно на уровне предложений. Порядок слов

прагматически ориентирован: логическое ударение ставится на слово или фразу непосредственно перед глаголом. Основной порядок составляющих частей предложения: тема + фокус + глагол + любые другие элементы. Члены следующего предложения можно собрать 24 способами [<https://db.degruyter.com/view/LME/lme.11062978?rskey=1eneca&result=6>]:

«Мария покупает сумку в магазине»

Mária vesz egy táskát a boltban.

Mária vesz a boltban egy táskát.

Mária egy táskát vesz a boltban.

Mária a boltban egy táskát vesz.

Mária a boltban vesz egy táskát. И т.д.

Демография

В соответствии с условиями мирных договоров, подписанием которых завершилась Первая мировая война (включая Триантонский договор 1920 г.), венгерский язык остался государственным языком сильно урезанного Королевства Венгрия и в то же время получил статус миноритарного языка в новообразованных государствах или государствах, увеличивших свою территорию по результатам Первой мировой войны, т.е. в Чехословакии, Румынии, Югославии и Австрии. Из-за всплеска национализма в период между двумя мировыми войнами границы между государствами Центральной Европы оказались закрытыми. Венгерский язык за пределами Венгрии в этот период остался миноритарным языком, обладая статусом регионального языка этнического меньшинства. Однако на практике права языка меньшинств не соблюдались. В результате присоединения по итогам Второй мировой войны земель, населенных венграми, к СССР, на Украине появилось еще одно этническое меньшинство. Изоляция, наблюдавшаяся в период между войнами, сохранялась и во время холодной войны. И только после смены режима в центральноевропейских странах венгерский язык начал развиваться как язык регионального общения.

Возникновение новых стран в Центральной и Восточной Европе привело к тому, что помимо Венгрии венгры, как национальное меньшинство, сейчас проживают в семи различных странах.

Венгры в сопредельных странах относятся к автохтонным национальным меньшинствам, потому что эти общины возникли в результате событий европейской истории, изменения государст-

венных границ и других исторических событий. (Устав FUEH: 2006 г.). Согласно другой классификации, венгры в соседних странах относятся к категории вынужденного меньшинства, которые «были отделены от своих этнокультурных сородичей, живущих в другой стране, изменением границ на основе навязанных извне политических решений».

Говорящие на венгерском языке люди в основном проживают компактно на территориях, граничащих с Венгрией.

В Словакии венгры живут вдоль всей границы с Венгрией, которая протянулась на 681 км. От переписи к переписи их доля постоянно снижается. Венгры, проживающие в южной части Словакии (немногим менее 0,5 млн человек), составляют вторую по численности венгерскую общину за рубежом. Географически их распределение является довольно сложным: в некоторых областях проживания этнические венгры имеют абсолютное или относительное большинство, в других представлены небольшими общинами. В Подкарпатском регионе (или в Закарпатье, как говорят в Украине) венгерские этнические общины располагаются вдоль украинско-венгерской границы. В 2001 г. на западе Украины проживали еще примерно 150 000 венгров, но последняя перепись на Украине проводилась в 2001 г., с тех пор многие граждане Украины венгерской национальности выехали из страны. В Румынии, в отличие от других соседних стран, венгры живут не только на границе с Венгрией на северо-западе, но и в самом центре государства, т.е. в Трансильвании, которая традиционно является многонациональным и многоязычным регионом. Здесь самая крупная община венгерского меньшинства (более 1 млн человек), составляющая более половины венгров за рубежом. Большинство из них – секеи, отдельный субэтнос венгерского народа с до сих пор спорным этногенезом, которые составляют большинство в Секейском крае у подножия Восточных Карпат. Кроме того, в Румынии, на границе с Молдавией, проживает еще один субэтнос венгров – чанго. Сербские венгры компактно проживают на севере страны в автономном крае (АК) Воеводина (около 13% населения края). Община насчитывает 184 442 этнических венгра, что регистрирует значительное сокращение ее численности по сравнению с предыдущей переписью. В Хорватии этническая венгерская община находится в славонской части страны, которую еще называют Паннонией. В Словении венгерская община расположена в Помурском районе (Прекмурье). За последние 30 лет количество венгров как в стране, так и в этнических общинах за границей уменьшилось.

Единственная страна, где отмечен небольшой рост, – Словения. Своеобразная ситуация сложилась в Австрии: кроме автохтонного населения Бургенленда в Австрии с 1541 г. постоянно существует венгерская община Вены, которая на протяжении веков меняла свою численность и долгое время рассматривалась как иммигрантская. В 1992 г. она была признана частью венгерской национальной группы, но не считается автохтонной.

Поскольку в районах проживания этнических общин венгров в сопредельных странах являются языки соответствующих государств, т.е. словацкий, украинский, румынский, сербский, хорватский, словенский, немецкий, и они используются наряду с венгерским, эти районы являются многоязычными. И действительно, практически все жители венгерских общин владеют официальным языком государства, гражданами которого они являются, и местным диалектом венгерского языка.

Согласно переписям населения 2021 г. или 2022 г., автохтонное венгерское население распределялось по странам следующим образом:

Страна	Население
Венгрия	8 438 120
Словакия	456 154
Украина	156 600* (2001 г.)
Румыния	1 002 151 (без чанго)
Сербия (Воеводина)	184 442
Хорватия	10 315
Словения	10 500
Австрия	6 600
Итого:	10 264 882

Среди факторов, влияющих на изменение численности венгерского меньшинства, решающую роль сыграли низкая рождаемость, миграция и ассимиляция. Важно отметить, что численность этнических венгров и тех, кто говорит на венгерском как на родном языке, не всегда совпадает.

Статус венгерских меньшинств в соседних с Венгрией странах

Статус общин венгерских меньшинств в соседних странах после 1920 г. можно лучше всего понять, рассмотрев общие характеристики:

1) в отличие от других этнических меньшинств в Европе, которые были созданы в результате миграции или постепенного демографического изменения, венгерские меньшинства были созданы в результате насильственных территориальных и политических изменений;

2) венгерские меньшинства проживают в этнически разнообразных регионах, и, как следствие, каждую общину «также можно рассматривать как отдельное «общество», организованное в социальные группы различного состава, структурированные в соответствии с конкретными историческими, экономическими и культурными признаками;

3) венгерским общинам пришлось самоорганизовываться параллельно с процессом национального строительства в соседних странах. Общей целью этих сообществ является сохранение языка и культуры, религиозных, культурных и образовательных учреждений, что требует постоянной адаптации. Венгерский язык имеет региональный официальный статус в Воеводине (Сербия), в трех муниципалитетах Словении, а также в Румынии, Словакии, Украине, Хорватии и Австрии. Он является признанным языком меньшинства, однако де-факто ситуация с языком варьируется в зависимости от конкретного контекста. С одной стороны, эти страны, где сегодня проживают венгерские меньшинства, преследуют разные цели в своей языковой политике и планировании. Некоторые принадлежат к группе молодых государств и достигли своей реальной политической формы лишь в последние 50 лет; поэтому их языковая политика в целом руководствуется положениями в пользу укрепления титульного / государственного языка (см., например [Csernicskó, Ferenc, 2016] об украинской ситуации). С другой – статус венгерского языка как языка меньшинства различается в разных странах в зависимости от соотношения носителей языка меньшинства к общей численности населения страны. Например, венгры в Румынии, Словакии и Сербии являются крупнейшим этническим меньшинством, тогда как в Украине, Словении, Хорватии и Австрии венгерское меньшинство принадлежит к одной из не столь многочисленных групп меньшинств.

Что касается международных стандартов защиты меньшинств, Совет Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и соответствующие институты Европейского союза предоставили юридический минимум в поддержку использования языка меньшинства, который ратифицирован всеми государствами, включая Венгрию.

Диалекты

Существует две основные группы венгерских меньшинств: автохтонные общины и эмигрантские диаспоры. Появление этнических общин в соседних с современной Венгрией странах привело к появлению новых, так называемых контактных вариантов венгерского языка благодаря сосуществованию с государственным языком и другими языками меньшинств. Как отмечает Й. Кишш (2017), для многих венгров, принадлежащих к меньшинству, их региональный диалект и означает «венгерский язык», потому что они никогда не изучали стандартный вариант венгерского языка в школе.

Диалекты, используемые в общинах венгерских меньшинств, являются более региональными или архаичными из-за ограниченного влияния стандартного венгерского языка. Между разговорным языком и диалектами существует полная взаимопонимаемость, а разнообразие диалектов проявляется на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Число говорящих на диалекте уменьшается как внутри, так и за пределами Венгрии. В этнических общинах сокращение вызвано ассимиляцией, эмиграцией и отрицательным биологическим приростом, тогда как в Венгрии ситуация более сложная. Кишш (2017) видит источник снижения в трех факторах: общие факторы (СМИ, образование, церковь, администрация и т.д.), социальные и культурные изменения (от традиционных обществ к модернизации и урбанизации), а также изменение языкового менталитета и отношения (общее негативное отношение) к диалектам. «Венгерские диалекты меняются с ускоренной скоростью, потому что носители диалекта из-за радикальных изменений в своей социокультурной среде живут в зоне напряжения между традицией и модернизацией».

Как уже отмечалось, период с 1772 по 1920 г. ознаменовался языковой унификацией, тогда как период после 1920 г. по настоящее время может характеризоваться отдельным языковым развитием (*különfejlődés*).

В 1996 г. было начато масштабное научное исследование, проект «Социолингвистика венгерского зарубежья» (SHOH), с целью изучения социального контекста использования языка и феноменов контактов на венгерском языке, на котором говорят меньшинства в соседних странах (Kontra 2005). В исследовании приняли участие шесть стран (Словакия, Румыния, Украина, Югославия, Австрия и Венгрия): 846 респондентов, из которых 107 были из Венгрии, 108 – Словакии, 144 – Закарпатья (Украина),

216 – Трансильвании (Румыния), 67 – Прекмурья (Словения), 60 – Бургенланда (Австрия) и 144 – Воеводины (Сербия). Была создана стратифицированная выборка по возрасту, полу, образованию и типу населенного пункта. Что касается использования языка, исследователи сосредоточились на двух основных переменных:

1) универсальные венгерские переменные, используемые на всей венгероязычной территории Среднедунайской низменности;

2) контактные переменные, являющиеся результатом эффекта двуязычия. Инструментом исследования была анкета с различными заданиями, включая задачу на суждение (какое предложение является правильным), на завершение, с множественным выбором и т.д. Основываясь на результатах, Де Гроот [De Groot, 2005, p. 359] отмечает, что «Большинство различий – если не все – между стандартным венгерским (BB) и венгерским за пределами Венгрии (B+) можно объяснить с точки зрения языкового контакта, когда B+ перенимает черты соседних языков, которые все являются индоевропейскими». Далее будут представлены основные характерные особенности контактных разновидностей, которые мы будем называть «диалектами», имея в виду, что под «диалектом» в данной работе понимается разновидность языка, «употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной и социальной общностью» [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 132].

Материалом послужили исследования И. Черничко [Csernicskó, 1997], И. Черничко и А. Феньвеши [Csernicskó, Fenyvesi, 2012], И. Ланштъяк, Г. Сабомихай [Lanstyák, Szabómihály, 2005], работы Г. Лёринца [Lőrincz, 2016], М. Контра [Kontra, 2001], П. Лизаньец [Lizanyec, 1981] и Ч. Барта [Bartha, 1993] и собственные наблюдения автора в Закарпатье и Словакии.

Так как практически все венгры в соседних с Венгрией странах являются билингвами, то можно говорить о нескольких характерных чертах, присущих дискурсу на венгерском языке среди венгерского национального меньшинства.

Во-первых, это переключение кодов с одного языка на другой в определенных ситуациях общения.

Во-вторых, невысокое статусное положение венгерского языка по сравнению с государственными.

В-третьих, некоторые особенности диалектов, сформировавшиеся, очевидно, в результате влияния славянских языков. Носители языка понимают друг друга, в какой бы стране они ни жили (за двумя исключениями, когда понимание сильно затруднено).

Диалектные различия есть в фонетике, но подобные различия существуют и на территории самой Венгрии.

Некоторые исследователи отмечают, что по разным причинам в языке венгерских меньшинств в сопредельных странах наблюдается вариативность в использовании соединительных гласных между аффиксами, что приводит к разнице в написании и произношении форм одних и тех же слов.

Наиболее очевидно влияние славянских языков на лексическом уровне, где встречаются прямые и косвенные заимствования. Естественно, в процессе общения с соседними народами – большей частью славянскими – исторически в венгерском языке появилось достаточно много славянских заимствований (заимствований в обратную сторону отмечается значительно меньше). Мы оставим в стороне «исторические» заимствования, которые были приняты языком столетия назад и входят в лексический состав венгерского языка, используемого как на территории Венгрии, так и венгерским этническим меньшинством, например из западнославянских языков: *léha* (BB) – *lichý* (CC) – лихой; *maskó* (BB) – *masko* (CC) – медвежонок; *kacsá* (BB) – *kača* (CC) – утка; или из южнославянских (сербского, хорватского, словенского): *szerencse* (BB) – *sreća/sreča* (Сл / Ср) – удача; *kemence* (BB) – *kamenica* (Ср) – печь.

В то же время в каждом из диалектов можно найти «местные» заимствования. Слово «*kopacski*» (CB) в венгерском языке на территории Словакии используется для обозначения футбольной обуви. Его аналогом в словацком языке является слово *kopačku* (CC) с тем же значением, производное от слова *kopať* «пинать». В стандартном венгерском такого слова нет: с этим же значением используются слова «*futballcipő/focicipő*» (BB). Другим примером может служить словосочетание «машина скорой помощи»: *szanitka* (CC), явно отсылающее к словацкому источнику – *sanitka* (CC), в то время как в Венгрии такую машину называют «*mentőautó / mentőkocsi*» (BB). Другой пример прямого заимствования – слово «*matrika*» (CC), которое и в самом словацком языке является заимствованием (*matrika*), в Венгрии с этим же значением используется слово «*anyakönyv*» (свидетельство о рождении).

Под влиянием славянских языков может происходить расширение значения отдельных слов, например:

– выписать (газету, журнал) – *kiírat* (ki-írat) (СлВ) вместо *előfizet* (elő-fizet) (BB). В стандартном венгерском языке *kiírat* используется в словосочетании «выписать больничный»;

– позвонить – *becsönget (be-csönget) (3B)* вместо *telefonál (BB)*. Слово «*becsönget*» в ВВ означает «звонить в дверь», но под влиянием русского глагола «звонить» (в дверь, по телефону) приобрело несвойственное ему в стандартном венгерском языке значение.

Помимо прямых заимствований слов венгры, проживающие в славянских странах, довольно часто используют кальки, т.е. заимствование из славянских языков путем перевода структуры слова или словосочетания. Слово-калька может быть совпадающей частью речи, представляя собой полный перевод, или такое слово может быть гибридным, например *kipratál (CB)* – *vypratát' (CC)* – *kirak, kihord (BB)*, где венгерский аффикс *ki-* означает движение от говорящего или движение наружу. Слова «*orosztójás*» (*CB*) нет в словаре венгерского языка (*orosz* + *tojás* русское + яйцо), поскольку это блюдо по-венгерски называется «*kaszinótójás*» (*kaszinó* + *tojás* казино + яйцо). Но по-словацки оно называется «*tuské vajce*» (русское яйцо):

– *viberliszt (CB)* – кондитерская мука – *vyberova muka (CC)* – *retesliszt (BB)*;

– *konyhalinka (CB)* – кухонная мебель – *kuchynska linka (CC)* – *konyhabutor (BB)*;

– *javaslatot ad (CB)* – сделать предложение (досл. «дать предложение») – *podat' navrh (CC)* – *javaslatot tesz (BB)* (сделать предложение);

– *vizsgan van (CB)* (быть на экзамене) – *byt' na skuske (CC)* – *vizsgazik (BB)* (экзаменоваться).

Как можно видеть, калькой бывает не только слово, но и словосочетание, например, *fehér jogurt/joghurt (CB.)* – *biely jogurt (CC)* – *natúr joghurt (BB)* – натуральный йогурт, или идиоматическое выражение, например, *benne van az ujjá (CB)* – *mať v tom prsty (CC)* – *benne van a keze (BB)* – он приложил к этому руку, т.е. в словацком венгерском происходит замена используемого в венгерском языке слова «*kéz*» (рука) на слово «*ujj*» (палец) по аналогии со словацкой идиомой, в которой используется слово «*prsty*» (пальцы).

Еще одной особенностью диалектов венгерского языка, отличающей его от стандартного венгерского, является более частое замещение сложных слов, которые очень характерны для венгерского языка, на словосочетания.

В ВВ сложные слова формируются путем сочетания корневых основ (обе основы в исходной форме или первая – в производной, а вторая – в исходной):

– *vízágyú* «водяная пушка»: *víz* + *ágyú*;

– *vízisí* «водные лыжи»: *vízi* + *sí*.

В славянских языках сложные слова, состоящие из двух существительных, встречаются редко; в них обычно используется словосочетание из прилагательного и существительного («водные лыжи»). Поэтому в диалектах встречается замена венгерских сложных слов на сочетания «прилагательное-определение + существительное» при раздельном написании, как в славянских языках. Например, *légtér* (*lég*+*tér*) (BB) – *légi tér* (*lég-i tér*) (3B) – *vzdušný priestor* (CC) – *воздушное пространство*: – *A repülőgépek megsértették Svájc légi terét.* (3B);

– *Nem tudom, hogy a banki számláján mennyi pénz van.* (3B): (BB) *bankszámla* (*bank*+*számla*) – (3B) *banki számla* (*bank-i számla*).

Встречаются также морфологические заимствования, например среди венгерского меньшинства Словакии. Исторически морфологические заимствования представляют словарные элементы, звуковая форма которых была изменена звуковой формой аналогового слова, найденного в переводном языке, адаптированной к нему. Это значит, что слово считается морфологическим заимствованием в словацком венгерском, если оно встречается в одинаковом или сходном значении как в словацком языке, так и в венгерском, однако фонема словацкого венгерского слова отличается от фонемы слова в венгерском языке тем, что она больше похожа на фонему словацкого слова. Если подобные лексемы различаются стилистически в венгерском и словацком языках, то значение слова в словацком венгерском обычно ближе к значению этого слова в словацком языке. Большинство морфологических заимствований имеет греко-латинское происхождение, поэтому их можно выделить в отдельную группу. Примерами таких заимствований являются слова:

– *kurz* (CB) – *kurz* (CC) – *kurzus* (BB) – курс (учебный);

– *penále* (CB) – *penále* (CC) – *pönále* (BB) – штраф.

Морфологических заимствований из других языков меньше, и они не образуют отдельных групп. Примерами могут служить слова:

– *jogurt* (CB) – *jogurt* (CC) – *joghurt* (BB) – йогурт (из турецкого);

– *bufet* (CC) – *bufet* (CC) – *büfé* (BB) – буфет (из французского);

– *pausál* (CB) – *pausál* (CC) – *pausálé* (BB) – единая ставка (из немецкого).

В словацком варианте венгерского языка возник интересный процесс «релатинизации», а именно – адаптация суффиксов вен-

герских слов на основе греко-латинских заимствований к образцу таких же заимствований, существующих в словацком языке, вызвала желание сделать венгерские слова менее похожими на «словацкие», например:

– *tendenció* (CB) – *tendencia* (CC) – *tendencia* (BB) – тенденция;

– *prémió* (CB) – *prémia* (CC) – *premium* (BB) – премия;

– *antikvariátus* (CB) – *antikvariát*, (CC) – *antikvárium* (BB) – антикварный / букинистический магазин.

Существует ряд конструкций, в которых в стандартном венгерском языке используется агглютинативная форма (аффиксация), в то время как славянские языки, с которыми венгерский контактирует, используют словосочетание (лексическую конструкцию), что приводит к появлению аналогичных словосочетаний в венгерском языке национальных меньшинств,

– *hegedül* (BB) – играть на скрипке – *hegedün játszik* (3B).

В тех районах, где венгерский язык вступает в контакт со славянскими языками, параллельно могут существовать две конструкции – синтетическая аффиксная и аналитическая лексическая, например:

– *buszozás* (*buszoz-ás*) (BB) – поездка на автобусе – *utazás busszal* (CB).

Еще один пример, глагол *szépítkezik* (*szépít-kez-ik*) – прихорашиваться (дословно украшать себя, «украшаться»). В стандартном венгерском языке глагол приобретает возвратное значение благодаря аффиксу *-kez*, добавляемому к глаголу для передачи возвратного значения, в то время как в диалекте он следует шаблону славянских языков – *szépíti magát* (украшать себя) (3B).

Ранее упоминалось, что при использовании числительных или иных квантификаторов – «*nehány*» (несколько), «*sok*» (много), «*kevés*» (мало) – перед существительными, существительное «теряет» аффикс множественного числа, т.е. *ablakok*, но *három ablak* (окна – три окна), *fotelek*, но *öt fotel* (кресла – пять кресло), *emberek*, но *nehány ember* (люди – несколько человек), *könyvek*, но *kevés könyv* (книги – мало книга). Следующий за таким словосочетанием глагол будет также использован в форме единственного числа, например: *Kevés könyv van az asztalon* – на столе мало книг.

Однако венгры, проживающие в сопредельных странах, довольно часто добавляют аффикс множественного числа *-ok / -ek* к существительному при образовании формы множественного числа независимо от того, определяется ли оно или нет числительным, т.е. *három ablak-ok*, *öt fotel-ek*, *nehány ember-ek*, *kevés könyv-ek*, по

аналогии с окончаниями существительных множественного числа славянских языков. Исследователи отмечают эту черту среди венгерских национальных меньшинств во всех славянских странах, где они проживают.

В некоторых случаях в ВВ используется форма единственного числа для существительных, которые в славянских языках, как правило, имеют форму единственного и множественного числа (например, парные части тела, такие как глаза, руки, ноги) или для существительных, обозначающих большое количество одинаковых предметов (груши, яблоки), например, *fáj a szemem* «у меня болят глаза», *kicsi a lábamra az új cipő* «новые туфли малы для моих ног». Хотя и в самой Венгрии можно иногда встретить употребление таких существительных во множественном числе, частотность употребления значительно возрастает в контактных вариантах венгерского языка, например:

– *leégett a karom* (ВВ ед. ч.) – у меня руки обгорели на солнце – *leégett a karoim* (ЗВ мн. ч.);

– *Erzsi néninek fáj a szív-e, Kati néninek meg a láb-a is fáj.* (ВВ ед. ч.) – у тети Эржи болит сердце, а у тети Кати еще и ноги болят – *Erzsi néninek fáj a szív-e, Kati néninek meg a láb-a-i is fáj-nak.* (СВ мн. ч.);

– *megjelent a zöldségesnél a körte és a barack* (ВВ ед. ч.) – у зеленщика появились [в продаже] груши и абрикосы. – *megjelent a zöldségesnél a körték és a barackok* (СВ мн. ч.);

– *szép almát vettem* (ВВ ед. ч.) – я купила красивые яблоки – *szép almákat vettem* (ЗВ мн. ч.).

В вышеприведенных примерах в ВВ разница между единственным и множественным числом выражается не аффиксом множественного числа существительного, а аффиксом притяжательности множественного числа (в примерах с парными частями тела) или артиклем (в примере с существительным, обозначающим большое количество одинаковых предметов).

В некоторых случаях в ВВ именная часть предикатива используется в форме единственного числа, а глагольная – во множественном, в то время как в славянских языках (а под их влиянием – в диалектах венгерского языка) согласование числа именной части зависит от формы числа глагольной части предикатива.

– *A mai gyerekek attól vál-nak önző-vé, hogy mindent megkap-nak* (ВВ). – Современные дети оттого становятся эгоистичными, что получают все. – *A mai gyerekek attól vál-nak önző-k-ké* (СВ).

Другим примером разницы использования синтетических морфемных и аналитических лексических форм является аффикс – *hat / het*, который в ВВ означает возможность, т.е. иметь способность, возможность, разрешение или право произвести какое-либо действие, в то время как его диалектным вариантом будет использование глагола *tud* (быть способным что-то сделать), который в стандартном венгерском языке обычно выражает или приобретенную способность, или возможность, появившуюся из-за каких-либо обстоятельств. Причем подобная же замена, согласно исследованию Барта, была обнаружена и в речи венгров-мигрантов второго-третьего поколения, проживающих в Детройте, и считается наиболее ярким примером замены морфемных форм на лексические. Например:

– *Tanító néni, fáj a fejem. Kime-het-ek?* (BB) – Госпожа учительница, у меня болит голова. Можно мне выйти? – *Ki tud-ok men-ni?* (3B);

– *Ha szellőztetni akarok, így kérek engedélyt: kinyithatom az ablak-ot?* (BB) – Если я захочу проветрить [комнату], то так спрошу разрешения: я могу открыть окно? – *ki tud-om nyitni az ablakot?* (3B).

Структура предложения славянских языков также оказывает воздействие на структуру предложения венгерского языка, приводя к замене глагола в первом лице в объектном спряжении с аффиксом *-lak / -lek* на форму первого лица ед. ч. без аффикса, но с обязательным добавлением дополнения-местоимения в форме второго лица ед. ч.:

– *délután majd felhívlak* (BB) – *délután majd hívok neked* (CB) – *zavolám ti* (CC) – я тебе позвоню завтра днем.

Славянские языки также могут отвечать за замену некоторых падежных аффиксов, которые традиционно используются в подобных конструкциях. Ниже приводится пример замены аффикса аллатива венгерского языка (*-hoz / -hez / -höz*) на аффикс аблатива (*-tól / -től*) под влиянием словацкого языка (*od*):

– *kulcs a szekrénytől* (CB) – *klúč od skrinky* (CC) – *szekrényhez kulcsa* (BB) – ключ от шкафа.

В СВ зарегистрирована замена падежного аффикса датив на падежный аффикс сублатив по образцу словацкого языка:

– *miért* (почему?) (BB) – *mire* (на что?) (CB) (ср. словацк. *Naco?*) – *Mire kell annyit nyafognod?* (CB) – «*Miért kell annyit nyafognod?*» (BB) – Зачем тебе так много хныкать?

Вместо традиционного для стандартного венгерского языка падежа суперессив (*-n*) в речи венгров в Воеводине может использоваться падеж инессив (*-ban / -ben*):

– *nagykövetség-ben* (СрВ) – *u ambasadi* (Ср) – *nagykövetség-(e)-n* (ВВ) – в посольстве.

В венгерском языке отсутствует грамматическая категория рода, поэтому при использовании существительных, обозначающих профессии, они относятся и к мужчине, и к женщине (*orvos* – врач / врачах). Сложные формы, включающие обозначение профессии, за которым следует слово *nő* «женщина», используются в случае профессий, обычно (или иногда исключительно) занимаемых женщинами (например, *varrónő* «портниха», *védőnő* «медсестра»), или когда простая форма относится конкретно к мужчине (ср. *király* «король» против *királynő* «королева», *színész* «актер» против *színésznő* «актриса»). В случае существительных-профессий, когда из контекста ясно, что упомянутый человек – женщина, используется несоставное существительное, обозначающее профессию, к составной форме прибегают только для однозначного указания на женщину, когда нет никаких подсказок из контекста. Разновидности венгерского языка, контактирующие со славянскими языками, используют составные существительные женского рода для обозначения профессии, даже если это не обусловлено контекстом, как в *Anyám fodrásznak tanult, ő fodrász / fodrásznő* «моя мать училась на парикмахера, она парикмахер/парикмахерша», хотя общая тенденция использования гендерно-нейтральных существительных, обозначающих профессию, стала распространяться и в славянских языках.

Для венгров, оказавшихся из-за политики гражданами разных государств, язык – это ключевой фактор национальной идентичности. В Европе Венгрия имеет наиболее разработанную и активную политику в отношении этнических венгров как в сопредельных государствах, так и в диаспорах. Это нашло отражение в законодательстве, институционализации венгеро-венгерских отношений, в высоком уровне государственного присутствия (на уровне министров и Государственного секретариата), что выражается в разработке конкретных целевых программ. Это возможно благодаря существованию крупных венгерских общин, которые политически активны, определяют себя в национальной терминологии и стремятся к автономии; во-вторых, это результат того, что правительство, сформированное после 2010 г., рассматривает политику в отношении венгерских общин за рубежом (соотечественников и диаспор) в качестве приоритета.

Целью политики правительства Венгрии является сохранение венгерской идентичности и передача ее будущим поколениям.

Эта цель закреплена законодательно: в Законе о гражданстве [Закон о гражданстве, 2010] говорится, что «все члены и все сообщества венгров, которые попали под юрисдикцию соседних государств, являются частью единого целостного венгерского народа, солидарность которого не знает границ. Одновременно их солидарность является элементом их личной и общественной идентичности».

Основываясь на демографических тенденциях последних 20 лет, исследователи пришли к выводу, что к 2056 г. исчезнет население, говорящее на венгерском языке, в Верхней Венгрии (Felvidék), к 2057 г. – в Трансильвании (Erdély) и к 2062 г. – в Воеводине (Vajdaság). Таким образом, в течение следующих 50 лет венгерские общины в сопредельных государствах прекратят говорить на венгерском языке за исключением Секейского края (Székelyföld) и Житного острова (Csallóköz). Это может случиться и быстрее, поскольку после достижения уровня стагнации процесс утраты языка может ускориться. Подтолкнуть его может просто закрытие сельской школы или какое-либо аналогичное событие.

В данной работе приняты следующие сокращения для обозначения языков или диалектов-источников, из которых берутся примеры:

- ВВ – стандартный венгерский язык (венгерский венгерский);
- ЗВ – закарпатский венгерский диалект;
- СВ – словацкий венгерский диалект;
- СС – стандартный словацкий язык (словацкий словацкий);
- СлВ – словенский венгерский диалект;
- СрВ – сербский венгерский диалект;
- Ср – сербский язык.

Литература

- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – Москва, 1977. – 703 с. – (Памятники исторической мысли).
- Закон о гражданстве [электронный текст]. – 2010. – URL: <http://www.vajma.info/docs/Nemzeti-ossetartozas-torveny.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
- Колпакова Н.Н., Доловаи Д., Надь Ч.И. Венгерская грамматика в таблицах и схемах. – Санкт-Петербург : КАРО, 2021. – 320 с.
- Коптелова И.Е. Венгерский язык как миноритарный // Человек: образ и сущность: гуманитарные аспекты / ИНИОН, РАН. – 2018. – № 1/2(32/33). – С. 94–197.
- Коптелова И.Е. Диалектные особенности венгерского языка за пределами Венгрии // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. – 2019. – № 3(819). – С. 46–55.

- Коттелова И.Е.* О билингвизме венгерских меньшинств за пределами Венгрии (на примере Словакии) // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала: сб. материалов конференции. – Москва, 2023. – С. 78–84.
- Коттелова И.Е.* О политике поддержки венгерским правительством венгерского языка среди соотечественников в сопредельных странах // Языковое бытие человека и этноса: сб. материалов 17 Березинских чтений. – Москва, 2020. – С. 57–65.
- Коттелова И.Е.* Судьба языка: разделенный народ // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: сб. материалов 5-го Всероссийского социологического конгресса / РОС. – Москва, 2016. – С. 8735–8744.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
- Основной закон Венгрии [электронный текст]. – 2011. – URL: http://www.kormany.hu/download/oroszyomda_javitott.pdf (дата обращения: 12.02.2024).
- Пилипенко Г.П.* Адаптация сербских и словенских заимствований в речи воеводинских и прекурских венгров // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2022. – № 2. – С. 416–429.
- Результаты переписи населения 2022 г. Центральное статистическое бюро Венгрии [электронный ресурс]. – URL: <https://nepszamlalas2022.ksh.hu/en/> (дата обращения: 11.01.2024).
- Строгальщикова П.Б.* Венгры за пределами Венгрии: национальные меньшинства, диаспора, часть венгерской нации // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 100–107.
- Шапошников Б.М.* Военная мысль [электронный ресурс]. – URL: <http://militera.lib.ru/science/shaposhnikov1/01.html> (дата обращения: 12.02.2024).
2018. Changes in the Number of Hungarians in Transcarpathia: Based on the Survey ‘SUMMA 2017’ / Tátrai P., Molnár J., Kovály K., Eröss A. // Hungarian Journal of Minority Studies. – 2017. – N 2. – P. 103–135.
- A Kárpát-Pannon-térség változó etnikai arculata / Kocsis K., Tátrai P. (eds.). – Budapest: MTA Geographical Institute, 2015. – URL: <http://www.mtaftki.hu/konyvtar/karpat-pannon2015/magyarazo.html> (дата обращения: 09.02.2024).
- Bárdi N., Fedinec C., László Szarka.* Minority Hungarian communities in the twentieth century. – New York : Columbia University Press, 2011. – 859 p.
- Bartha C.* Egy amerikai magyar közösség nyelvhasználatának szociolingvisztikai megközelítései: Kandidátusi diss. – Budapest, 1993. – 246 ol.
- Bátyi Sz., Ferenc V.* Hungarian. Linguistic Minorities in Europe Online [electronic resource]. – 2020. – URL: <https://www.degruyter.com/database/lme/html> (дата обращения: 12.02.2024).
- Charter for the autochthonous national minorities in Europa Bautzen [electronic resource] / Budyšin. – 2006. – URL: <https://fuen.org/assets/upload/editor/Charter.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
- Csernicskó I.* Kárpátaljai szójegyzék” // Pánsíp. – 1997. – N 5(2). – Ol. 28–29.
- Csernicskó I., Fenyvesi A.* Sociolinguistic and Contact-induced Variation in Hungarian Language Use in Subcarpathia, Ukraine // AHEA: E-journal of the American Hun-

- garian Educators Association. – 2012. – Vol. 5. – URL: <http://ahea.net/e-journal/volume-5-2012> (дата обращения: 19.11.2023).
- Csernicskó I., Ferenc V.* Transitions in the language policy of Ukraine (1989–2014) // Sociolinguistic transition in Former Eastern Block Countries: Two Decades after the Regime Change. – Frankfurt am Main, 2016. – P. 349–377.
- De Groot C.* The grammars of Hungarian outside Hungary from a linguistic-typological perspective // Hungarian Language Contact outside Hungary / ed. Fenyvesi A. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – P. 351–370.
- Hungarian Language Contact outside Hungary / Fenyvesi A. (ed.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – 424 p.
- Kis magyar nyelvtörténet. – Piliscsaba: PPKE BTK, 2013. – URL: <https://www.mek.oszk.hu/15000/15090/15090.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).
- Kiss J.* A nyelvjárások // A magyar nyelv jelene és jövője / Tolcsvai Nagy G. (ed.). – Budapest : Gondolat Kiadó, 2017. – Ol. 199–221.
- Kiss J.* Kazinczy, az Akadémia és a magyar nyelv ügye // Magyar nyelv. – 2009. – N 105(3). – Ol. 257–262.
- Kontra M.* Contextualizing the sociolinguistics of Hungarian outside Hungary project // Hungarian Language Contact outside Hungary / Fenyvesi A. (ed.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – P. 29–46.
- Kontra M.* Hungarian verbal puzzles and the intensity of language contact // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – N 5/2. – P. 163–179.
- Korompay K.* Helyesírástörténet // Magyar nyelvtörténet / Kiss J., Pusztai F. (eds.). – Budapest : Osiris Kiadó, 2003. – Ol. 101–105.
- Korshunova G., Marác L.* Multilingualism and transnational communication strategies in Europe: From Hapsburg to the European Union // Multilingual Europe, multilingual Europeans. – Amsterdam ; New York, 2012. – P. 57–59.
- Laakso J.* Hungarian is no Idioma Incomparabile: The Hungarian Language Reform in European Comparison // Hungarian Cultural Studies – e-Journal of the American Hungarian Educators Association. – 2014. – N 7. – P. 320–336. DOI: <https://doi.org/10.5195/ahea.2014.165>
- Lanstyák I.* A magyar nyelv szlovákiai változatainak jellemzői // Nyelv. Szabómi-hály G., Lanstyák I. (szerk.): Fórum Kisebbségkutató Intézet. – 2011. – 287 ol.
- Lanstyák I.* Nyelvi ideológiák és filozófiák [Language ideologies and philosophies] // Fórum Társadalomtudományi Szemle. – 2009. – N 11. – Ol. 27–44.
- Lanstyák I., Szabómi-hály G.* Hungarian in Slovakia // Hungarian Language Contact Outside Hungary: Studies on Hungarian as a Minority Language / Kiss J., Pusztai F. (eds.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – P. 47–88.
- Lizanyec P.N., Horváth K.I.* A kárpátontúli magyar nyelvjárások főbb sajátosságairól // Magyar Nyelvjárások. – 1981. – N 34. – Ol. 3–18.
- Lőrincz G.* Nyelvi variativitás a szlovákiai Magyar nyelvváltozatokban. – Budapest : Líceum Kiadó, 2016. – 246 ol.
- Magyar dialektológia / Kiss J. (ed.). – Budapest : Osiris, 2001. – 395 ol.
- Magyar nyelvtörténet / Kiss J., Pusztai F. (eds.). – Budapest : Osiris Kiadó, 2003. – 246 ol.
- Marác L.* Empowering Hungarian ethno-linguistic minorities in Central- and Eastern Europe // Belvedere meridionale. – 2016. – Vol. 28(2). – P. 21–37.

- Marác L.* Multilingualism in the Hungarian kingdom (1867–1918): Language policy and practice // Concepts and consequences of multilingualism in Europe. – Budapest, 2012. – P. 55–96.
- Nádasdy Á.* Milyen nyelv a magyar? – Budapest : Corvina, 2020. – 204 ol.
- Nyelvjárások, regionális nyelvváltozatok // Magyar nyelv [Hungarian language] / Kiefer F., Siptár P. (eds.). – Budapest : Akadémiai Kiadó, 2006. – Ol. 517–548.
- Péntek J.* A külső régiók // A magyar nyelv jelene és jövője / Tolcsvai Nagy G. (ed.). – Budapest : Gondolat Kiadó, 2017. – Ol. 179–198.
- Sándorová A., Vančo I.* Maďarské nárečia na Slovensku: Súčasnosť a budúcnosť // Jazykovedný časopis. – 2020. – Roč. 71, Č. 3. – Ol. 321–336. DOI: 10.2478/jazcas-2021-0002
- The Hungarian Language / Benkő L., Samu I. (eds.). – The Hague : De Gruyter Mouton, 1972. – 379 p.
- The Hungarian language in education in Slovenia [electronic resource]. – 2nd ed. – 2024. – URL: <https://www.mercator-research.eu/en/regional-dossiers/regional-dossiers-pages/the-hungarian-language-in-education-in-slovenia/> (дата обращения: 14.03.2024).
- Thomason Grey S. Typological and theoretical aspects of Hungarian in contact with other languages // Hungarian Language Contact Outside Hungary / Fenyvesi A. (ed.). – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – P. 11–29.
- Törkenczy M.* Hungarian vowel harmony / eds.: van Oostendorp M., Ewen C.J. et. al. // The Blackwell companion to phonology, 5. – Malden (Mass.) ; Oxford : Wiley-Blackwell, 2011. – P. 2963–2990.
- Vančo I., Kozmács I.* A szlovákiai magyar nyelvváltozat mint identitásképző tényező // Acta Academiae Beregsasiensis, Philologica. – 2023. – N 2. – Ol. 9–31.–10–11. DOI: 10.58423/2786–6726/2023–2-9–31

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в монографии материалы свидетельствуют о том, что в первые десятилетия XXI в. во всем мире наблюдаются процессы, связанные с интенсивным распространением естественных языков за пределы их автохтонных территорий, сопровождаемые их взаимодействием с местными языками. Другая мировая тенденция – укрепление английского языка в роли глобального, что также оказывает влияние на языки как мажоритарные, так и миноритарные.

В то же время язык, будучи неотъемлемой частью культурного капитала каждого народа (по П. Бурдьё), начинает восприниматься как экономическая ценность, при этом «стоимость» языков может значительным образом различаться в зависимости от «престижности» и роли языка в мире. Так, мажоритарные и коммуникативно мощные языки имеют преимущества перед миноритарными и коммуникативно слабыми, не говоря уже о непризнанных языках, которые на государственном уровне считаются диалектами.

Языковое многообразие – богатство человечества, его необходимо поддерживать. Политика, направленная на эту цель, должна учитывать как языковые факторы, определяющие возрастание / угасание интереса к языку, так и экстралингвистические. При этом последние часто, как было показано в монографии, оказывают определяющее влияние.

Вероятно, в ближайшие десятилетия роль английского языка будет усиливаться, он будет все больше проникать в разные сферы коммуникации. Сегодня, по мнению ряда исследователей, большое число людей использует английский язык не в качестве первого, родного, материнского, а в качестве второго (более подробно см.: [Богданов, Марусенко, Марусенко, 2020, с. 14]), и их число будет только расти. Кроме того, необходимо учитывать вероятный рост

влияния других мажоритарных языков, таких как испанский и китайский.

Литература

Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала: (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 304 с.

Е.О. Опарина, М.Б. Раренко

Сведения об авторах

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.

Галактионов Семен Сергеевич – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.

Казак Евгения Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Красикова Елизавета Александровна – кандидат филологических наук, доцент общеинститутской кафедры подготовки преподавателей редких языков, Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза (МГЛУ), Москва.

Назаренко Анна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.

Проклов Руслан Игоревич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.

Шахназарян Владимир Михайлович – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.

Яковлева Эмма Борисовна – доктор филологических наук, зав. отделом языкознания, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва.

**ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ
НА АВТОХТОННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ**

Коллективная монография

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Н.Н. Панова
Корректор С.Е. Шелимова

Подписано к печати 16 / IX – 2024 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 12,8 Уч.-изд. л. 11,7
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6